
THE LIBRARY OF CONGRESS
1800

ДАМСКІЙ
АЛЬБОМЪ

М Лермонтовъ

Damskiĭ al'bom

ДАМСКІЙ АЛЬБОМЪ,

СОСТАВЛЕННЫЙ ИЗЪ ОТБОРНЫХЪ СТРАНИЦЪ

РУССКОЙ ПОЭЗІИ.

ЗАИМСТВОВАНО: У ДЕРЖАВИНА, БОГДАНОВИЧА, ХЕМНИЦЕРА, ДМИТРІЕВА, ЖУКОВСКАГО, ОЗЕРОВА, БАТЮШКОВА, КРЫЛОВА, ЛОБАНОВА, ПАНАЕВА, ИЗМАЙЛОВА, ХМЕЛЬНИЦКАГО, КН. ВЯЗЕМСКАГО, ГЛИНКИ, ДАВЫДОВА, ПУШКИНА, БАРАТЫНСКАГО, ПЛЕТНЕВА, ВЕНЕВИТИНОВА, ТУМАНСКАГО, ГРИБОѢДОВА, КОЗЛОВА, БАРОНА ДЕЛЬВИГА, ЯЗЫКОВА, ПОДОЛИНСКАГО, ШЕВЫРЕВА, ХОМЯКОВА, ТЕПЛЯКОВА, ВЕЛЬТМАНА, ОЗНОБИШИНА, ПОЛЕЖАЕВА, КУКОЛЬНИКА, ОБОДОВСКАГО, СОКОЛОВСКАГО, ТЕПЛОВОЙ, БЕНЕДИКТОВА, ГР. РОСТОПЧИНОЙ, ЕРШОВА, ГРЕБЕНКИ, КОЛЬЦОВА, ЛЕРМОНТОВА, МАЙКОВА, КРАСОВА, ОГАРЕВА, И ДРУГИХЪ ИЗВѢСТНЫХЪ ПОЭТОВЪ.

СЪ ПОРТРЕТОМЪ ЛЕРМОНТОВА,

И

ВОСЕМНАДЦАТЬЮ

ОРИГИНАЛЬНЫМИ РИСУНКАМИ Е. КОВРИГИНА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ВОЕННО-УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

1844.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ С. Петербургъ, 15 Марта 1844 года.

Цензоръ *А. Никитенко.*

Рисунки отпечатаны въ литографіи М. Тюлева.

ОГЛАВЛЕНІЕ СТИХОТВОРЕНІЙ,

КЪ КОТОРЫМЪ ПРИЛОЖЕНЫ РИСУНКИ.

КЪ СОСѢДУ.

(ДЕРЖАВИНА.)

Кого роскошными пирами,
На влажныхъ Невскихъ берегахъ,
Между тѣнистыми древами,
На муравѣ и на цвѣтахъ,
Въ шатрахъ персидскихъ, златошвейныхъ,
Изъ глинъ китайскихъ, драгоцѣнныхъ,
Изъ вѣнскихъ чистыхъ хрусталей,
Кого толь славно угощаёшь,
И для кого ты расточаешь
Сокровища казны твоей?

Гремитъ музыка, слышны хоры
Вкругъ лакомыхъ твоихъ столовъ;
Сластей и ананасовъ горы

И множество другихъ плодовъ
Прельщаютъ чувства и питаютъ;
Младыя дѣвы угощаютъ,
Подносятъ вина чередой,
И аліатико съ шампанскимъ,
И пиво русское съ британскимъ,
И мозель съ зельтцерской водой.

Въ вертепѣ мраморномъ, прохладномъ,
Въ которомъ льется водоскатъ,
На ложѣ розъ благоуханномъ,
Средь нѣги, лѣни и отрадъ,
Любовью распаленный страстной,
Съ младой, веселою, прекрасной
И нѣжной Нимфой ты сидишь;
Она поетъ, ты страстью таешь;
То съ ней въ весельи утопаешь,
То, утомленъ весельемъ, спишь.

Ты спишь — и сонъ тебѣ мечтаетъ,
Что въ вѣкъ благополученъ ты;
Что само Небо разсыпаетъ
Блаженства вкругъ тебя цвѣты;
Что Парка дней твоихъ не коситъ;
Что откупъ вновь тебѣ приноситъ
Сибирски горы серебра,
И дождь къ тебѣ златой ліется.
Блаженъ, кто поутру проснется
Такъ счастливымъ, какъ былъ вчера!

Блаженъ, кто можетъ веселиться
Безпрерывно въ жизни сей!
Но рѣдкому пловцу случится
Безбѣдно плавать средь морей:
Тамъ бурны дышутъ непогоды,
Горамъ подобно гонятъ воды
И съ пѣною песокъ мутятъ.
Петрополь сосны осѣняли;
Но, вихремъ пораженны, пали,
Теперь корнями вверхъ лежатъ.

Непостоянство — доля смертныхъ,
Въ премѣнахъ вкуса — счастье ихъ.
Среди утѣхъ своихъ несмѣтныхъ
Желаемъ мы утѣхъ иныхъ.
Придутъ, придутъ часы тѣ скучны,
Когда твои ланиты тучны
Престанутъ Грацiи трепать;
И, можетъ быть, съ тобой въ разлукѣ
Твоя ужъ Пенелопа въ скукѣ
Коверъ не будетъ распускать.

Не будетъ, можетъ быть, лелѣять
Судьба ужъ болѣе тебя,
Иль вѣтръ благопрiятный вѣять
Въ твой парусъ.... береги себя!
Доколь текутъ часы златые
И не приспѣли скорби злыя,
Пей, ѣшь и веселись, сосѣдъ!

На свѣтѣ жить намъ время срочно;
Веселье то лишь не порочно,
Раскаянья за коимъ нѣтъ.

—

ИЗЪ ПОЭМЫ:

ДУШЕНЬКА.

(БОГДАНОВИЧА).

Богиня, учредивъ старинный свой парадъ,
И въ раковину сѣвъ, какъ пишутъ на картинахъ,
Пустилась по водамъ на двухъ большихъ дельфинахъ.
Амуръ простря свой властный взоръ,
Подвигнулъ весь Нептуновъ дворъ.
Узря Венеру рѣзвы волны,
Текутъ за ней весельемъ полны.
Тритоновъ водяной народъ
Выходитъ къ ней изъ бездны водъ:
Иной вокругъ ея ныряетъ,
И дерзки волны усмиряетъ;
Другой крутясь во глубинѣ,
Сбираетъ жемчуги на днѣ,
И всѣ сокровища изъ моря
Тащитъ повергнуть ей къ стопамъ;
Иной съ чудовищами споря,
Претитъ касаться симъ мѣстамъ;
Другой на козлы сѣвъ проворно,

Со встрѣчными бранится вздорно,
Раздасться въ стороны велитъ,
Возжами гордо шевелитъ
Отъ камней далѣ путь свой правитъ,
И дерзостныхъ чудовищъ давитъ.
Иной, съ презубчатымъ жезломъ,
На китѣ впереди верхомъ,
Гоня далече всѣхъ съ дороги
Вокругъ кидаетъ взоры строги,
И что-бы всякъ то вѣдать могъ,
Въ каральный громко трубитъ рогъ;
Другой, изъ краевъ самыхъ дальныхъ,
Успѣвъ приплыть къ богинѣ сей,
Несетъ отломокъ горъ хрустальныхъ
На мѣсто зеркала предъ ней;
Иной, приставъ къ богинѣ въ свиту,
Отъ солнца ставитъ ей защиту,
И прохлаждаетъ жаркій лучъ,
Пуская къ верху водный ключъ.
Сирены, сладкія пѣвицы,
Межъ тѣмъ поютъ стихи ей въ честь:
Мѣшаютъ съ быльми небылицы,
Ее стараясь превознесть.
Иныя передъ нею пляшутъ,
Другія во услугахъ тутъ,
Предупреждая всякой трудъ,
Богиню опахаломъ машутъ;
Другія жъ на струяхъ несясь,
Пышатъ въ трудахъ на почтѣ скорой,

И отъ луговъ, любимыхъ Флорой,
Подносятъ ей цвѣточну вязь.
Сама Ѳетида ихъ послала
Для малыхъ и большихъ услугъ,
И только для себя желала,
Чтобъ дома былъ ея супругъ.
Въ благопріятнѣйшей погодѣ
Не смѣютъ бури тамъ пристать,
Одни зефиры лишь въ свободѣ
Венеру смѣютъ лобызать.
Чудеснымъ дѣйствіемъ въ то время,
Какъ въ вѣяньи пшенично сѣмя,
Летятъ обратно бѣглецы,
Зефиры, древни наглецы;
Иной власы ея взвѣваетъ,
Межъ тѣмъ, открывъ прелестну грудь,
Перестаетъ на время дуть,
Власы съ досадой опускаетъ
И съ ними спутавшись летитъ.
Другой, невѣдомымъ языкомъ,
Со вздохами и нѣжнымъ крикомъ
Любовь ей на ухо свиститъ.
Иной, пытаясь безъ надежды
Сорвать покровъ другихъ красотъ,
Въ сердцахъ вертитъ ея одежды,
И падаетъ безъ силъ средь водъ.
Другой въ уста и очи дуетъ,
И ихъ украдкою цѣлуетъ.
Гонясь за нею, волны тамъ,

Толкаютъ въ рѣзвости другъ друга,
Чтобъ, вырвавшись скорѣй изъ круга,
Смиренно пасть къ ея ногамъ;
И всѣ въ усердіи Венеру
Желаютъ провожать въ Цитеру.

—

СЧАСТЛИВОЕ СУПРУЖЕСТВО.

(ХЕМНИЦЕРА).

Вотъ говорятъ, примѣровъ нѣтъ,
Чтобъ мужъ въ ладу съ женою жили,
И даже и по смерть другъ друга-бы любили.
Ой, здѣшній свѣтъ!...
Привыкнувъ клеветать, чего ужь не взнесетъ!
Не стыдно ли вклепать напраслину такую!
Впредь не повѣрю въ томъ я больше никому,
И слухъ такой сочту лишь за молву пустую.
Я самъ свидѣтемъ тому,
Что и согласіе въ супружествахъ бываетъ;
И тотъ, кто этому не вѣритъ — согрѣшаетъ!
А васъ, клеветниковъ, чтобъ навѣкъ устыдить,
Я буду вамъ примѣръ живой здѣсь говорить.
Послушайте! — Чего бъ жена ни пожелала,
Мужъ исполнять все то за свято почиталъ;
А и жена, чего бъ и мужъ ни пожелалъ,
Равно безъ женскаго упрямства исполняла.

Одною ласкою и просьбою одной,
Какъ съ стороны, такъ и съ другой,
Взаимной волѣ угождали,
И ссоры никогда между собой незнали.
Что нравилося ей, то нравилось ему.
Когда жъ бывало что противно одному,
Противно было то равно и для другаго.
И я не видывалъ согласія такого,
Какое было между ихъ.
Какъ до вѣнца еще невѣста и женихъ
Стараются, чтобъ ихъ пороки скрыты были,
Такъ точно и они, всегда,
Ставъ мужемъ и женой, взаимно ихъ таили,
Чтобъ въ домѣ не было досады никогда.
Послѣдній поцѣлуй, когда ужь умирали,
Такъ страстенъ былъ, какъ тотъ, когда ихъ обвѣнчали;
И словомъ: жили до конца,
Какъ въ первый день живутъ, пришедши отъ вѣнца.
«А сколько лѣтъ ихъ вѣку было?»
Да! сколько лѣтъ? — Съ недѣлю и всего;
А безъ того
На сказку бъ походило!

—

МОДНАЯ ЖЕНА.

(ДМИТРІЕВА.)

Пролазъ, въ теченіе полвѣка,
Все ползъ, да ползъ, да билъ челомъ,
И наконецъ, такимъ невиннымъ ремесломъ
Доползъ до степени извѣстна человѣка,
То есть, сталъ съ именемъ — я говорю вѣдь
такъ,
Какъ говорится въ свѣтѣ:
То есть, сталъ ѣздить онъ шестеркою въ каретѣ;
Потомъ вступилъ онъ въ бракъ
Съ пригожей дѣвушкой, котора жить умѣла,
Была умна, ловка,
И старика
Вертѣла, какъ хотѣла;
А старикамъ такой законъ,
Что если кто изъ нихъ вскружитъ себя вер–
тушкой,
То не она уже, а онъ
Быть долженъ наконецъ игрушкой;
Хоть радъ, хотя не радъ,
Но поступать съ женою въ ладъ
И рубль подъ часъ считать полушкой.
Пролазъ хотя пролазъ, но мужъ какъ и другой
Платилъ женѣ за нѣжны ласки;
Узналъ и онъ, что блонды, каски,
Что крепъ, лино-батистъ, тамбурна кисея.
Однажды бывъ жена — вотъ тутъ бѣда моя!

Какъ лучше изъяснить, не приберу я слова—
Не такъ чтобы больна, не такъ чтобы здорова,
А такъ... ни то, ни се... какъ будто не своя,
Супругу говоритъ: «послушай, жизнь моя,
Мнѣ къ празднику нужна обнова:
Пожалуй у мадамъ Бобри купи тюрбанъ;
Да слушай, душенька: мнѣ хочется экранъ
Для моего камина;
А отъ нее вѣдь три шага
До англійскаго магазина;
Да еслибъ тамъ еще... нѣтъ, слишкомъ дорога!
А *ужасть* какъ мила!» Да что, мой свѣтъ, та-
кое?
Нѣтъ, папенька, такъ, такъ, пустое...
По чести, мнѣ твоихъ расходовъ жаль.»
Да что, скажи, откройся смѣло;
Расходы знать мое, а не твое ужъ дѣло.
«Меня... стыжусь... плѣнила *шаль*;
Послушай, ангелъ мой! она такая точно,
Какую, помнишь ты, выписывалъ нарочно
Князь для княгини, какъ у князя праздникъ
былъ.»
Съ послѣднимъ словомъ прыгъ на шею,
И чокъ два раза въ лобъ, примолвя: какъ ты
милъ! —
Изволь, изволь, я радъ со всей моей душею
Услуживать тебѣ, мой свѣтъ!
Былъ мужнинъ ей отвѣтъ;

Карету!.. только врядъ поспѣть ужъ мнѣ къ
обѣду!
Да я... въ дворянскій клубъ оттолѣ заверну.
«Ахъ, мой жизненочекъ! какъ тѣшишь ты жену!
Ступай же, *Ваничка*, скорѣе.» — Ѣду, ѣду, —
И Ваничка сѣдой,
Простясь съ женою молодой,
Въ карету съ помощью двухъ долгихъ слугъ
втащился,
Сѣлъ, крякнулъ, покатился.
Но онъ лишь со двора, а гость къ нему на
дворъ —
Угодникъ дамскій, *Миловзоръ*,
Взлетѣлъ на лѣстницу и прямо порхъ къ убор-
ной.
«Ахъ! я лишь думала! какъ милъ!» — Слуга по-
корной.
«А я одна.» — Однѣ? тѣмъ лучше! гдѣ же онъ?
«Кто? мужъ?» — Вашъ нѣжный купидонъ.
«Какой, по чести, ты ругатель!»
По крайней мѣрѣ я всѣхъ *милыхъ* обожатель.
Однако жъ, это вѣдь не ложь,
Что другъ мой на него хоть нѣсколько похожъ;
«То есть, онъ также старъ, хотя не такъ пре-
красенъ.»
Нѣтъ! я вамъ докажу. «О! этотъ трудъ напра-
сенъ.»
Безъ шутокъ, слушайте: тотъ слѣпъ, а этотъ
кривъ;

Не сходны ли жъ они! — «Ахъ, какъ ты злорѣчивъ!»
Простите, перестану...
Да! покажите мнѣ диванну:
Вѣдь я еще ее въ отдѣлкѣ не видалъ;
Ужъ вѣрно это храмъ! храмъ вкуса. — «Отгадалъ.» —
Конечно и... любви? — «Увы! еще не знаю.
Угодно поглядѣть?» — Отъ всей души желаю. —
О бѣдный мужъ! спѣши, иль послѣ не тужи,
И отъ дивана ключъ въ карманѣ ты держи:
Диванъ для городской вострушки,
Когда на немъ она самъ-другъ,
Опаснѣе, чѣмъ для пастушки
Средь рощицы зеленый лугъ.
И эта выдумка дивановъ,
По чести, месть намъ отъ Султановъ!
Но какъ ни разсуждай, а Миловзоръ ужъ тамъ,
Разсматриваетъ все, любуется, дивится;
Амуръ же, прикорнувъ на столикѣ къ часамъ,
Приставилъ къ стрѣлкѣ перстъ, и стрѣлка не вертится,
Чтобъ двумъ любовникамъ, часовъ досадный бой
Не вспоминалъ того, что скоро возвратится
Вулканъ домой.
А онъ какъ *въ руку сонъ*!.. Судьбы того хотѣли!
На тяжкихъ вереяхъ вороты заскрыпѣли,

Бичь хлопнулъ, и супругъ съ торжественнымъ
лицомъ
Явился на коняхъ усталыхъ предъ крыльцомъ.
Ужъ онъ на лѣстницѣ, таща въ рукахъ покупку,
Торопится свою обрадовать голубку;
Ужь онъ и въ комнатѣ, а вѣрная жена
Сидитъ не думая объ немъ, и не одна.
Но вы, красавицы, одной съ *Премилой* масти,
Не ахайте объ ней и успокойте духъ!
Ея пенаты съ ней, такъ ей ли ждать напасти?
Фиделька рѣзвая, ея надежный другъ,
Которая лежала,
Свернувшися клубкомъ,
На солнышкѣ передъ окномъ,
Вдругъ встрепенулася, вскочила, побѣжала
Къ дверямъ, и, какъ разумный звѣрь,
Приставила ушко, потомъ толкъ лапкой въ дверь,
Ушла, и возвратилась съ лаемъ.
Тогда жъ другой пенатъ, зовомый попугаемъ,
Три раза вѣстовой изъ клѣтки подалъ знакъ,
Вскричавши: *кто пришелъ? дуракъ!*
Премила вздрогнула, и *Миловзоръ* подобно;
И тотъ, и та — о время злобно!
О непредвидѣнна бѣда! —
Бросаяся туда, сюда,
Рѣшилась такъ, чтобъ ей остаться,
А гостю спрятаться, хотя позадь дверей. —
О женщины! могу признаться,
Что вы гораздо насъ хитрѣй!

Кто могъ бы отгадать, чѣмъ кончилась тревога?
Мужъ, въ двери выставя разцвѣтшіе два рога,
Вошелъ въ диванную, и видитъ, что жена
Въ полглаза на него глядитъ сквозь тонка сна;
Онъ ближе къ ней — она проснулась,
Зѣвнула, потянулась;
Потомъ,
Простерши къ мужу руки:
«Какимъ же, говоритъ ему, я крѣпкимъ сномъ
Заснула безъ тебя отъ скуки!
И знаешь ли, что мнѣ
Привидѣлось во снѣ?
Ахъ! и теперь еще въ восторгѣ утопаю!
Послушай, миленькой! лишь только засыпаю,
Вдругъ вижу, будто ты ужъ болѣе не кривъ;
Ну, если этотъ сонъ не лживъ?
Позволь мнѣ испытать.» — И въ мигъ, не давъ
супругу
Придти въ себя, одной рукой
Закрыла глазъ ему — здоровый, не кривой —
Другою же на дверь указывая другу,
Пролазу говоритъ: «что? видишь ли мой свѣтъ?
Мужъ отвѣчаетъ: нѣтъ! —
«Ни крошечки?» — Ни мало;
Такъ темно какъ теперь, еще и не бывало. —
«Ты шутишь? — Право нѣтъ; да дай ты мнѣ
взглянуть. —
«Прелестная мечта! Лукреція вскричала:
За чѣмъ польстила мнѣ, чтобъ послѣ обмануть!

Ахъ! другъ мой, какъ бы я желала,
Чтобы одинъ твой глазъ
Похожъ былъ на другой!» — *Пролазъ*,
При нѣжности такой, не могъ стоять болваномъ;
Онъ самъ разнѣжился, и въ радости души
Супругу наградилъ и шалью и тюрбаномъ. —
Пролазъ! ты этотъ день во святцахъ запиши:
Примѣръ согласія! жена и мужъ съ обновой!
Но что записывать? примѣръ такой не новой.

—

ИЗЪ БАЛЛАДЫ:

АЛИНА И АЛЬСИМЪ.

(ЖУКОВСКАГО).

«Скажи, что сдѣлалось съ тобою?
О чемъ печаль?
Не отъ любви ль?... Ахъ, всей душою
Тебя мнѣ жаль.»
— Что пользы? Горя намъ словами
Не утолить;
И невозвратнаго слезами
Не возвратить.
— Одно сокровище безцѣнно
Я въ мірѣ зналъ;
Подобнаго Творецъ вселенной
Не создавалъ.

И я одно имѣлъ въ предметѣ:
Имъ обладать.
За то бы радъ былъ все на свѣтѣ —
И жизнь отдать.

— Какъ было сладко любоваться
Имъ въ день сто разъ!
И въ мысляхъ я не могъ разстаться
Съ нимъ ни на часъ.
Но року вздумалось лихому
Мнѣ повредить,
И счастіе мое другому
Съ нимъ подарить.

Всѣхъ въ жизни радостей лишенный,
Съ моей тоской
Я побѣжалъ, какъ осужденный,
На край земной:
Но ахъ, отъ сердца то, что мило,
Кто оторветъ?
Что разъ оно здѣсь полюбило,
Съ тѣмъ и умретъ. —

—

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ТРАГЕДІИ:

ЭДИПЪ ВЪ АѲИНАХЪ.

(ОЗЕРОВА).

АНТИГОНА (бросаясь въ объятія къ Эдипу.)

Родитель! зрю тебя; благословенный часъ!

ЭДИПЪ.

О утѣшительный, животворящій гласъ!
Дочь милая! опять я съединенъ съ тобою?
Такъ не совсѣмъ еще оставленъ я судьбою,
Такъ не совсѣмъ еще забытъ я отъ небесъ;
Минуты мнѣ даютъ для радостнѣйшихъ слезъ,
И сердце, горестью столь долго изнуренно,
Отдохнетъ наконецъ весельемъ оживленно.
О, боги щедрые, благословляю васъ!
На землю временно вы посылая насъ,
На жизненномъ пути посѣяли печали,
Чтобъ мы радости живѣе ощущали;
И чтобы грустію томимый человѣкъ,
Въ одинъ веселья часъ забылъ страданій вѣкъ.

АНТИГОНА.

О, добродѣтели власть сильна и священна!
Гонима ль ты, въ самой себѣ ты утѣшенна,
И чистой совѣсти пріятный, тихій свѣтъ
Чрезъ бездну горестей спокойно насъ ведетъ.
Но здѣсь я видѣла несносну грусть порока:
Она мучительна, терзательна, жестока.

ЭДИПЪ.

Несчастный, говоришь, кто онъ? ахъ! всѣ несчастны
Моимъ вздыханіямъ, моимъ слезамъ причастны!
Страдающихъ всегда чувствительнѣй сердца.
Сей юноша, скажи, уже ли безъ отца?
Ужель не носитъ онъ названія супруга?
Ужели въ мірѣ семъ себѣ не знаетъ друга,
Ни брата, ни сестры и словомъ никого,
Кто бъ слезы пролилъ съ нимъ, печаль дѣлилъ его?
Пускай приходитъ онъ; однимъ благополучнымъ
Гласъ огорченнаго бываетъ только скучнымъ—
Но я съ несчастными охотно слезы лью.

(Антигона подаетъ знакъ Полинику, который вошедъ останавливается).

АНТИГОНА.

Не смѣетъ онъ прійти, ужасно преступленье...

ЭДИПЪ.

Не смѣетъ?... ты молчишь! какое подозрѣнье
Рождаешь ты во мнѣ? весь духъ смущаешь мой,
Не смѣетъ... кто же онъ? не братъ ли злобный твой?
Не онъ ли грусть влачитъ себѣ въ достойной долѣ?
Пускай груститъ... къ нему не сострадаю болѣ.
Чтобъ онъ не приходилъ, чтобы бѣжалъ, и съ нимъ
Я не хочу дышать здѣсь воздухомъ однимъ.

—

МОЙ ГЕНІЙ.

(БАТЮШКОВА).

О память сердца! ты сильнѣй
Разсудка памяти печальной,
И часто сладостью своей
Меня въ странѣ плѣняешь дальной.
Я помню голосъ милыхъ словъ,
Я помню очи голубыя,
Я помню локоны златые
Небрежно вьющихся власовъ,
Моей пастушки несравненной
Я помню весь нарядъ простой,
И образъ милый, незабвенной
Повсюду странствуетъ со мной.
Хранитель-геній мой! любовью
Въ утѣху данъ разлукѣ онъ.
Засну ль — приникнетъ къ изголовью,
И усладитъ печальный сонъ.

—

РУЧЕЙ.

(БАСНЯ КРЫЛОВА.)

Пастухъ у ручейка пѣлъ жалобно, въ тоскѣ,
Свою бѣду и свой уронъ невозвратимый:
Ягненокъ у него любимый
Недавно утонулъ въ рѣкѣ.

«Рѣка несытая!» Ручей журчитъ сердито,
Услыша пастуха: «что еслибъ дно твое
Такъ было, какъ мое,
Для всѣхъ и ясно и открыто;
И всякій видѣлъ бы, на тинистомъ семъ днѣ,
Всѣ жертвы, кои ты столь алчно поглотила?
Я чай бы со стыда ты землю сквозь прорыла,
И въ темныхъ пропастяхъ себя сокрыла.
Мнѣ кажется, когда бы мнѣ
Дала судьба обильныя столь воды,
Я, украшеньемъ ставъ природы,
Не сдѣлалъ курицѣ бы зла.
Какъ осторожно бы вода моя текла
У каждой хижинки, вкругъ каждаго кусточка!
Благословляли бы меня лишь берега,
И я бы освѣжалъ долины и луга,
Но съ нихъ бы не унесъ листочка.
Ну, словомъ, дѣлая путемъ моимъ добро,
Не приключа нигдѣ ни бѣдъ, ни горя,
Вода моя до самаго бы моря
Такъ докатилася чиста, какъ серебро.»
Такъ говорилъ Ручей, такъ думалъ въ самомъ дѣлѣ,
И что жъ? не минуло недѣли
Какъ туча ливная надъ ближнею горой
Разсѣлась:
Богатствомъ водъ Ручей сравнялся вдругъ съ рѣкой;
Но, ахъ! куда въ ручьѣ смиренность дѣлась?

Ручей изъ береговъ бьетъ мутною водой,
Кипитъ, реветъ, крутитъ нечисту пѣну въ клубы,
Столѣтніе валяетъ дубы,
Лишъ трески слышны въ далекѣ;
И самый тотъ пастухъ, за коего рѣкѣ
Недавно онъ пѣнялъ такимъ кудрявымъ складомъ,
Погибъ со всѣмъ своимъ въ немъ стадомъ,
А хижины его пропали и слѣды.
Какъ много ручейковъ текутъ такъ смирно, гладко,
И такъ журчатъ для сердца сладко,
Лишь только отъ того, что мало въ нихъ воды!

—

МОИ ЖЕЛАНІЯ.

(ЛОБАНОВА).

Какъ разны въ свѣтѣ наслажденья
И какъ желанья не равны!
Какъ вкусы, радости, мученья
Не ровно смертнымъ разданы!

Сей ищетъ степеней высокихъ,
Тотъ золотыхъ алкаетъ горъ;
А тотъ на дно морей глубокихъ
Свой жадный простираетъ взоръ.

Я одного прошу у Бога,
Однимъ могу счастливымъ быть:
Чтобъ мнѣ — уже ль и это много! —
Съ любовью, съ дружбой вѣкъ прожить.

—

ТИРСИСЪ.

(ИДИЛЛІЯ В. ПАНАЕВА).

Вечерняя заря, блѣднѣя, догорала;
Послѣдній лучъ ся за рощею исчезъ,
И полная луна съ востока выплывала
По тусклой синевѣ безоблачныхъ небесъ.
Тирсисъ, въ задумчивости сладкой,
Одинъ надъ озеромъ стоялъ,
И тихо взоръ его блуждалъ,
Изъ края въ край, по гладкой
Поверхности спокойныхъ водъ,
Въ которыхъ отраженъ былъ мѣсяца восходъ,
Сколь сильны иногда благія впечатлѣнья
Для юныхъ и простыхъ сердецъ!
Злой волкъ у Дафниса похитилъ двухъ овецъ,
Все, что отъ скуднаго имѣнья
Оставить могъ ему отецъ.
Бѣднякъ конечно бы отъ горя сокрушился:
Но съ нимъ Цефизъ послѣднимъ подѣлился:

Въ замѣнъ похищенныхъ, привелъ къ нему своихъ.
Тирсисъ нечаянно случился
Въ то время близко ихъ;
Не бывъ примѣченнымъ, онъ видѣлъ очень ясно,
Съ какимъ радушіемъ Цефизъ овецъ дарилъ,
Въ какомъ восторгѣ былъ несчастный,
И подвигъ юноши прекрасный
Изъ мыслей у него весь день не выходилъ:
Съ нимъ онъ и по полямъ, задумавшись, бродилъ,
Съ нимъ и надъ озеромъ въ мечтахъ остановился.
«О! какъ пріятно добрымъ быть, —
Онъ съ чувствомъ наконецъ сказалъ и прослезился.
Какъ весело благотворить!
Теперь лишь познаю, родитель незабвенный,
Столь рано отъ меня могилой похищенный!
Теперь лишь познаю всю цѣну тѣхъ бесѣдъ,
Когда, невинностью моею умиленный,
Ты повторялъ младенцу мнѣ завѣтъ
Любить Боговъ и добродѣтель.
Когда, отецъ сиротъ, несчастныхъ благодѣтель,
Обнявъ меня, твердилъ, что помогать другимъ,
Дѣлиться съ бѣдными, прислуживать больнымъ,
Есть долгъ священнѣйшій, такое наслажденье,
Котораго ничто не можетъ замѣнить!
Я обѣщалъ тебѣ, тебя достойнымъ быть;
Но могъ ли я тогда цѣнить
Теперь понятное твое мнѣ наставленье?

Такъ, это сладкое души моей движенье,
Которымъ я Цефизу одолженъ,
Ручается тебѣ, что трудъ твой награжденъ,
Что сынъ твой не забылъ отеческихъ внушеній!
Отнынѣ слѣдовать начну вовсемъ тебѣ,
Пойду путемъ благотвореній,
Жить буду для другихъ, себя жъ — предамъ судьбѣ;
И всякій разъ, когда при помощи небесной,
Сей продолжая путь,
Случится сдѣлать мнѣ добро кому нибудь —
Спасти ль рукою неизвѣстной
Убогаго отъ нищеты,
Иль слезы осушить безродной сироты —
На гробъ твой свѣжія посыплются цвѣты,
Вино и молоко польется!
Ты эти чувства мнѣ, родитель мой, внушилъ,
Ты первый добрымъ быть Тиренса научилъ —
Тебѣ же первому имъ жертва принесется!»

—

ДѢВУШКА И ЧИЖЪ.

(ИЗМАЙЛОВА).

«Что это за житье? терпѣнья право нѣтъ!»
(Такъ Лиза, дѣвушка четырнадцати лѣтъ,
Сама съ собою говорила).
«Все хочетъ маменька, чтобъ я училась, шила;
Не дастъ почти и погулять.
Едва три раза въ годъ бываю я на балѣ;
А то вертись себѣ безъ кавалера въ залѣ!
Куда какъ весело одной вальсировать!»
Тутъ Лиза тяжело вздохнула,
Отерла слезку — и взглянула
Нечаянно на верхъ окна;
И что жъ увидѣла она?
Любимый Чижъ ея въ рѣшетчатой темницѣ,
Конечно вспомнивъ про лѣсокъ,
Сидѣлъ на жердочкѣ повѣсивши носокъ.
«Ахъ вольность дорога и птицѣ!
Сказала Лизенька; я по себѣ сужу.
О бѣдный Пипенька! ужъ болѣ
Тебя не удержу.
Ступай лети, мой другъ, и веселись на волѣ!
Съ симъ словомъ отперла она у клетки дверь.
Встряхнулся Пипинька, летитъ въ окно, кружится,
На крышку ближнюю садится,
Запѣлъ. «Какъ счастливъ онъ теперь!»
Мечтаетъ Лизенька; и видитъ изъ окошка

Что къ Пипинькѣ подкралась кошка,
Прыгнула на него, и при ея глазахъ
Бѣдняжку растерзала.
Въ раскаяньи, въ слезахъ,
Вотъ Лиза что сказала:
«Какъ смѣла я на маменьку роптать?
Теперь я вижу очень ясно,
Что волю тѣмъ имѣть опасно,
Кто слабъ и самъ себя не можетъ сохранять.»

—

ИЗЪ КОМЕДІИ:

ВОЗДУШНЫЕ ЗАМКИ.

(ХМЕЛЬНИЦКАГО).

САША, (въ сторону).

И такъ теперь все рѣшено.
Счастливецъ! но мнѣ страхъ право мудрено,
Что именно, когда объ святкахъ я гадала
Объ суженомъ, его я точно увидала!
Вотъ послѣ этаго прошу не ворожить!
Однако надобно намъ свадьбой поспѣшить;
Но къ этому меня онъ вѣрно самъ принудитъ.
А то-то парочка завидная насъ будетъ!
И Саша съ Викторомъ ну жить да поживать.
Намъ вѣрно поручатъ всѣмъ домомъ управлять.
Тутъ намъ перепадетъ, — и Викторъ, — мой дру-
жечикъ,

Вдругъ, смотришь, подаритъ турецкій мнѣ платочекъ.
Графиня надѣлитъ нарядами меня.
Вотъ тутъ-то посмотрѣть, какъ разряжуся я!
И бархатный капотъ, и шляпка щегольская.
Тутъ явится у насъ лошадка, тамъ друга;
Потомъ колясочку мы заведемъ себѣ!
И Саша съ муженькомъ, благодаря судьбѣ,
Чтобъ также и на насъ другіе посмотрѣли,
Поѣдемъ о Святой преважно подъ качели!
Что если бъ этаго дождаться поскорѣй!
Но идутъ... побѣгу, чтобъ барыни моей
Для гостя нашего помочь принарядиться.

(Уходитъ).

АЛЬНАСКАРОВЪ И ВИКТОРЪ.

ВИКТОРЪ, (отворяя двери).

Пожалуйте!

АЛЬНАСКАРОВЪ.

И такъ, кто знаетъ, что случится?
Таинственность судьбы... чудеснѣе всего.
Но я однакожъ здѣсь не вижу никого?
Гдѣ жъ вдовушка?.. оно немножко не учтиво.

ВИКТОРЪ.

Зачѣмъ же обвинять ее несправедливо?
Во-первыхъ, что она не ожидала васъ;
Была чай по-просту одѣта здѣсь безъ васъ,
Такъ понаряднѣе вамъ хочетъ показаться.

АЛЬНАСКАРОВЪ.

Ей для меня со всѣмъ нѣтъ нужды наряжаться;
Я занятъ, тороплюсь и мнѣ не до невѣстъ.

ВИКТОРЪ.

А я не надивлюсь, какъ вамъ не надоѣстъ
Вѣкъ цѣлый по свѣту гоняться за мечтами?
Вѣдь что ни говори, а, право, между нами,
Опасно, говорятъ, высоко залетать.

АЛЬНАСКАРОВЪ.

Ты глупъ, и не тебѣ объ этомъ разсуждать.
Кто служитъ, такъ тому простительно и должно
Всего надѣяться.

ВИКТОРЪ.

Надѣяться-то можно;
Но адмираломъ быть, — ей Богу, мудрено.

АЛЬНАСКАРОВЪ, (съ жаромъ).

Мнѣ долго ли твердить все то же и одно,
Что тотъ, кто службѣ всѣмъ пожертвовать рѣшился,
Кто такъ, какъ я, всему классически учился,
Кто храбръ, рѣшителенъ, все знаетъ, все видалъ;
Тотъ рано-ль, поздно ли, а будетъ адмиралъ!
За это отвѣчать готовъ я головою!
Есть случаи... они назначены судьбою,
Которыхъ намъ никакъ не должно упускать.
Съ отставкѣ, напримѣръ, чтобъ могъ я предпринять?

Одно дурачество — жениться непремѣнно.
Что жъ въ этомъ? Это все ужъ страхъ обыкновенно,
Жениться можно всѣмъ и трусамъ и глупцамъ,
Но геніямъ временъ, отечества сынамъ,
Иную — слава намъ стезю предназначаетъ;
Вездѣ объ насъ гремитъ ея безсмертный слухъ;
Она живитъ сердца, воспламеняетъ духъ!..

ВИКТОРЪ.

Ахъ, Боже мой! я самъ радъ, кажется, подраться!..

АЛЬНАСКАРОВЪ.

Лишь стоитъ моего фрегата намъ добраться,
И тутъ-то сдѣлаю я къ славѣ первый шагъ.
Мнѣ счастія искать назначено въ моряхъ;
Я ѣду... и вояжъ мой живо представляю.
Тутъ это нахожу, тамъ то-то открываю,
То, сѣвъ на палубѣ, рисую и пишу...
Наскуча западомъ, къ востоку я спѣшу,
Съ собою привожу: людей, звѣрей, растѣнья —
Печатаю свои прелестныя творенья;
И слава обо мнѣ промчится съ края въ край.
Вотъ тутъ-то лишь меня за это награждай!
Все сдѣлаю! я всѣхъ обогачу, прославлю...

ВИКТОРЪ.

А мнѣ?

АЛЬНАСКАРОВЪ, (съ важнымъ видомъ потрепавъ Виктора по плечу).

О, я тебя конечно не оставлю;
Ты, Викторъ, мнѣ всегда порядочно служилъ.

ВИКТОРЪ.

Благодарю... но жаль, что я васъ разбудилъ:
Вы чудобъ сдѣлали въ пылу своихъ мечтаній.

АЛЬНАСКАРОВЪ.

И такъ, вотъ планъ моей и службы и желаній!
Ахъ! кто восторговъ часъ о славѣ не мечталъ?
Но я ужъ наконецъ терпѣнье потерялъ,
Я жду и не дождусь;—не шутятъ ли ужъ мною?
Но эти глупости надѣланы тобою;
Ты вѣрно переврала, и вышелъ сущій вздоръ.

ВИКТОРЪ.

Помилуйте, да я весь помню разговоръ,
Посольство выполнить умнѣе невозможно;
Все разсказалъ объ васъ, все обяснилъ какъ должно:
Фамилью, чинъ...

АЛЬНАСКАРОВЪ.

Глупецъ! тутъ очень нужно чинъ.
Ты просто бы сказалъ, что русскій дворянинъ,
Какъ водится, хотѣлъ ей сдѣлать посѣщенье.

ВИКТОРЪ.

Да такъ и сказано, и что за нетерпѣнье?
Карсту вѣдь еще не скоро починятъ.

Да кстати я забылъ вамъ странность разсказать:
Какъ вамъ покажется, что говоря со мною,
Вотъ здѣсь, служаночка, прелестная собою,
Примѣтя что любовь надъ нею власть беретъ,
Вдругъ мнѣ: да полноте, сударь, вась графъ
вѣдь ждетъ.
Что жъ? каково? вы графъ, ей Богу! это слав-
но! вы графъ...

АЛЬНАСКАРОВЪ, (съ усмѣшкой).

Я графъ! — вотъ это мнѣ забавно;
Но точно у иныхъ есть этотъ важный видъ...
Который не хотя, а что-то говоритъ.

ВИКТОРЪ.

Но берегитесь! вѣдь вдовушка богата,
Мила...

АЛЬНАСКАРОВЪ.

Не я, судьба въ томъ будетъ виновата
Но вотъ она! поди—и насъ оставь, однихъ.

ВИКТОРЪ.

Флотъ цѣлый, можетъ быть, рискуетъ въ этотъ
мигъ.
(Уходитъ).

—

ЭЛЕГІЯ.

(КНЯЗЯ ВЯЗЕМСКАГО).

Какъ обманъ, какъ упоенье,
Какъ прелетный призракъ сна,
Какъ слѣпое заблужденье,
Какъ надежды обольщенье,
Скрылась дней моихъ весна.

—

Какъ блескъ молньи свѣтлозарной,
Какъ минутныя цвѣты,
Какъ любовь неблагодарной,
Какъ въ несчастьи другъ коварный,—
Измѣнили мнѣ мечты!

—

Какъ пернатый житель лѣса,
Какъ пустынная стрѣла,
Какъ отважный конь Черкеса,
Какъ потокъ съ вершинъ утеса,
Радость быстро протекла.

—

ЛѢСНОЙ ЦАРЬ.

(ЖУКОВСКАГО).

Кто скачетъ, кто мчится подъ хладною мглой?
Ѣздокъ запоздалый, съ нимъ сынъ молодой.
Къ отцу, весь издрогнувъ, малютка приникъ;
Обнявъ, его держитъ и грѣетъ старикъ.

Дитя, что ко мнѣ ты такъ робко прильнулъ?
—Родимый, лѣсной Царь въ глаза мнѣ сверкнулъ:
Онъ въ темной коронѣ, съ густой бородой. —
О нѣтъ, то бѣлѣетъ туманъ надъ водой.

«Дитя, оглянися; младенецъ, ко мнѣ;
«Веселаго много въ моей сторонѣ:
«Цвѣты бирюзовы, жемчужны струи;
«Изъ золота слиты чертоги мои.»

—Родимый, лѣсной Царь со мной говоритъ:
Онъ золото, перлы и радость сулитъ. —
О нѣтъ, мой младенецъ, ослышался ты:
То вѣтеръ, проснувшись, колыхнулъ листы.

«Ко мнѣ, мой младенецъ; въ дубровѣ моей
«Узнаешь прекрасныхъ моихъ дочерей:
«При мѣсяцѣ будутъ играть и летать,
«Играя, летая, тебя усыплять.»

—Родимый, лѣсной Царь созвалъ дочерей:
Мнѣ вижу киваютъ изъ темныхъ вѣтвей. —
О нѣтъ, все спокойно въ ночной глубинѣ:
То вѣтлы сѣдыя стоятъ въ сторонѣ.

«Дитя, я плѣнился твоей красотой:
«Неволей иль волей, а будешь ты мой.»
—Родимый, лѣсной Царь насъ хочетъ догнать;
Ужъ вотъ онъ: мнѣ душно, мнѣ тяжко дышать.—

Ѣздокъ оробѣлый не скачетъ, летитъ;
Младенецъ тоскуетъ, младенецъ кричитъ;
Ѣздокъ погоняетъ, ѣздокъ доскакалъ....
Въ рукахъ его мертвый младенецъ лежалъ.

—

КЪ МИЛОМУ ДИТЯТИ.

(Ѳ. ГЛИНКИ).

Разумникъ мой, дитя мое!
Какъ ты невинностью плѣняешь!
Какъ мило личико свое
Улыбкой дѣтской округляешь!
И маменька, тебя любя,
Выводитъ, на показъ, въ обновкѣ;
Приди, мнѣ весело тебя
Погладить, съ лаской, по головкѣ.

—

ЭЛЕГІЯ.

(ДАВЫДОВА).

О, пощади!—зачѣмъ волшебство ласкъ и словъ,
Зачѣмъ сей взглядъ, зачѣмъ сей вздохъ глубокой,

Зачѣмъ скользитъ небережно покровъ
Съ плечъ бѣлыхъ и съ груди высокой?
О, пощади! я гибну безъ того,
Я замираю, я нѣмѣю
При легкомъ шорохѣ прихода твоего;
Я звуку словъ твоихъ внимая цѣпенѣю.
Но ты вошла... и дрожь любви,
И смерть, и жизнь, и бѣшенство желанья
Бѣгутъ по вспыхнувшей крови,
И разрывается дыханье!
Съ тобой летятъ, летятъ часы,
Языкъ безмолствуетъ... однѣ мечты и грезы,
И муки сладкія и восхищенья слезы,
И взоръ впился въ твои красы,
Какъ жадная пчела въ листокъ весенней розы.

—

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПОЭМЫ:

ЦЫГАНЫ.

(А. ПУШКИНА).

СТАРИКЪ.

О чемъ, безумецъ молодой,
О чемъ вздыхаешь ты всечасно?
Здѣсь люди вольны, небо ясно
И жены славятся красой.
Не плачь, тоска тебя погубитъ.

АЛЕКО.

Отецъ! она меня не любитъ.

СТАРИКЪ.

Утѣшься, другъ; она дитя.
Твое унынье безразсудно:
Ты любишь горестно и трудно,
А сердце женское шутя.
Взгляни подъ отдаленнымъ сводомъ
Гуляетъ вольная луна;
На всю природу мимоходомъ
Равно сіянье льетъ она.
Заглянетъ въ облако любое,
Его такъ пышно озаритъ,
И вотъ, ужъ перешла въ другое
И то недолго посѣтитъ.
Кто мѣсто въ небѣ ей укажетъ,
Примолвя: тамъ остановись!
Кто сердцу юной дѣвы скажетъ:
Люби одно, не измѣнись?
Утѣшься!

АЛЕКО.

Какъ она любила!
Какъ, нѣжно преклонясь ко мнѣ,
Она въ пустынной тишинѣ
Часы ночные проводила!
Веселье дѣтскаго полна,
Какъ часто милымъ лепетаньемъ,
Иль упоительнымъ лобзаньемъ

Мою задумчивость опа
Въ минуту разогнать умѣла!
И что жъ? Земфира не вѣрна!
Моя Земфира охладѣла.

СТАРИКЪ.

Послушай, раскажу тебѣ
Я повѣсть о самомъ себѣ.
Давно, давно, когда Дунаю
Не угрожалъ еще москаль
(Вотъ видишь: я припоминаю,
Алеко, старую печаль.) —
Тогда боялись мы султана;
А правилъ буджакомъ паша
Съ высокихъ башень Акермана.
Я молодъ былъ; моя душа
Въ то время радостно кипѣла,
И ни одна въ кудряхъ моихъ
Еще сѣдинка не бѣлѣла;
Между красавицъ молодыхъ
Одна была... и долго ею
Какъ солнцемъ любовался я,
И наконецъ назвалъ моею.
Ахъ, быстро молодость моя
Звѣздой падучею мелькнула!
Но ты, пора любви, минула
Еще быстрѣе: только годъ
Меня любила Маріула.
Однажды, близь Кагульскихъ водъ

Мы чуждый таборъ повстрѣчали;
Цыганы тѣ, свои шатры
Разбивъ близъ нашихъ у горы,
Двѣ ночи вмѣстѣ ночевали.
Они ушли на третью ночь,
И, брося маленькую дочь,
Ушла за ними Маріула.
Я мирно спалъ; заря блеснула;
Проснулся я: подруги нѣтъ!
Ищу, зову — пропалъ и слѣдъ.
Тоскуя плакала Земфира,
И я заплакалъ!... съ этихъ поръ
Постыли мнѣ всѣ дѣвы міра;
Межъ ними никогда мой взоръ
Не выбиралъ себѣ подруги,
И одинокіе досуги
Уже ни съ кѣмъ я не дѣлилъ.

АЛЕКО.

Да какъ же ты не поспѣшилъ
Тотчасъ во слѣдъ неблагодарной,
И хищнику, и ей коварной,
Кинжала въ сердце не вонзилъ?

СТАРИКЪ.

Къ чему? вольнѣе птицы младость.
Кто въ силахъ удержать любовь?
Чредою всѣмъ дается радость;
Что было, то не будетъ вновь.

АЛЕКО.

Я не таковъ. Нѣтъ, я не споря
Отъ правъ моихъ не откажусь;
Или хоть мщеньемъ наслажусь.
О нѣтъ! когда бъ надъ бездной моря
Нашелъ я спящаго врага,
Клянусь, и тутъ моя нога
Не пощадила бы злодѣя;
И въ волны моря, не блѣднѣя,
И беззащитнаго бъ толкнулъ;
Внезапный ужасъ пробужденья
Свирѣпымъ смѣхомъ упрекнулъ,
И долго мнѣ его паденья
Смѣшонъ и сладокъ былъ бы гулъ.

—

ПОСЛАНІЕ.

(БАРАТЫНСКАГО).

Притворной нѣжности не требуй отъ меня:
Я сердца моего не скрою хладъ печальной.
Ты права, въ немъ ужъ нѣтъ прекраснаго огня
Моей любви первоналальной.
Напрасно я себѣ на память приводилъ
И милый образъ твой, и прежнія мечтанья:
Безжизненны мои воспоминанья,
Я клятвы далъ, но далъ ихъ выше силъ.

Я не плѣненъ красавицей другою,
Мечты ревнивыя отъ сердца удали;
Но годы долгіе въ разлукѣ протекли,
Но въ буряхъ жизненныхъ развлекся я душою.
Ужъ ты жила невѣрной тѣнью въ ней;
Уже къ тебѣ взывалъ я рѣдко, принужденно,
И пламень мой, слабѣя постепенно,
Собою самъ погасъ въ душѣ моей.

Вѣрь, жалокъ я одинъ. Душа любви желаетъ,
Но я любить не буду вновь;
Вновь не забудусь я: вполнѣ упоеваетъ
Насъ только первая любовь.

Грущу я; но и грусть минуетъ, знаменуя
Судьбины полную побѣду надо мной:
Кто знаетъ? мнѣніемъ сольюся я съ толпой;
Подругу, безъ любви, кто знаетъ? изберу я.
На бракъ обдуманный я руку ей подамъ
И въ храмѣ стану рядомъ съ нею
Невинной, преданной быть можетъ лучшимъ
снамъ,
Я назову ее моею,
И вѣсть къ тебѣ придетъ; но не завидуй намъ:
Обмѣна тайныхъ думъ не будетъ между нами,
Душевнымъ прихотямъ мы воли не дадимъ:
Мы не сердца подъ брачными вѣнцами,
Мы жребіи свои соединимъ.

Прощай. Мы долго шли дорогою одною:
Путь новый я избралъ, путь новый избери;
Печаль безплодную разсудкомъ усмири
И не вступай, молю въ напрасный судъ со мною.
Не властны мы въ самихъ себѣ,
И, въ молодыя наши лѣта,
Даемъ поспѣшные обѣты,
Смѣшные, можетъ быть, всевидящей судьбѣ.

—

МАРКИЗѢ М. А. ДЕ Т . . . СЕ.

(ПЛЕТНЕВА).

Гдѣ померанецъ и олива
Свой разливаютъ ароматъ,
И гдѣ вдоль соннаго залива
Октавы Тассовы звучатъ,
Тебя природа сотворила
Быть украшеньемъ Виллы тамъ,
Но изъ любви къ намъ уступила
Гранитнымъ Финскимъ берегамъ —
И эти огненные взоры,
И южная твоя краса
Печальныя развеселили горы
И пасмурныя небеса.

—

НА ПАМЯТЬ МАРІИ.

(ТУМАНСКАГО.)

Какъ тихой вечера порою,
Не встрѣтивъ на небѣ ни молній, ни дождей,
Играетъ облако подъ влагой голубою
Въ сіяньи розовыхъ лучей;
Такъ сердце чистое, Марія молодая,
Тяжелыхъ думъ не испытавъ,
Невѣдая заботъ, любви не понимая,
Блистаетъ ясностью младенческихъ забавъ.

—

ВѢТОЧКА.

(ВЕНЕВИТИНОВА.)

Въ безцѣнный часъ уединенья,
Когда пустынною тропой,
Съ живымъ восторгомъ упоенья,
Ты бродишь съ милою мечтой
Въ тѣни дубравы молчаливой, —
Видалъ ли ты, какъ вѣтръ игривой
Младую вѣточку сорветъ?
Родной кустарникъ оставляя,
Она віется упадая
На зеркало ручейныхъ водъ,
И новый житель влаги чистой
Съ потокомъ плыть принуждена.

То надъ струею серебристой
Спокойно носится она,
То вдругъ предъ взоромъ исчезаетъ
И кроется на днѣ ручья;
Плыветъ — все новое встрѣчаетъ,
Все незнакомые края.
Усѣянъ нѣжными цвѣтами
Здѣсь улыбающійся брегъ,
А тамъ пустыни, вѣчный снѣгъ,
Иль горы съ грозными скалами.
Такъ далѣ вѣточка плыветъ
И путь невѣрный свой свершаетъ,
Пока она не утопаетъ
Въ пучинѣ безпредѣльныхъ водъ.
Вотъ наша жизнь! — такъ къ вѣрной цѣли,
Необозримою волной,
Потокъ насъ всѣхъ отъ колыбели
Влечетъ до двери гробовой.

—

ИЗЪ КОМЕДІИ:

ГОРЕ ОТЪ УМА.

(ГРИБОѢДОВА).

ЧАЦКІЙ, НАТАЛЬЯ ДМИТРІЕВНА (молодая дама).

НАТАЛЬЯ ДМИТРІЕВНА.

Не ошибаюсь ли? — Онъ точно по лицу.
Ахъ! Александръ Андреичъ, вы ли?

ЧАЦКІЙ.

Съ сомнѣньемъ смотрите отъ ногъ до головы.
Не ужъ-то такъ меня три года измѣнили?

НАТАЛЬЯ ДМИТРІЕВНА.

Я полагала васъ далеко отъ Москвы —
Давно ли?

ЧАЦКІЙ.

Нынче лишь...

НАТАЛЬЯ ДМИТРІЕВНА.

Надолго?..

ЧАЦКІЙ.

Какъ случится..
Однако, кто, смотря на васъ, не подивится?
Полнѣе прежняго, похорошѣли страхъ;
Моложе вы, свѣжѣе стали;
Огонь, румянецъ, смѣхъ, игра во всѣхъ чертахъ!

НАТАЛЬЯ ДМИТРІЕВНА.

Я замужемъ.

ЧАЦКІЙ.

Давно бы вы сказали.

НАТАЛЬЯ ДМИТРІЕВНА.

Мой мужъ—прелестный мужъ! Вотъ онъ сей часъ войдетъ;
Я познакомлю васъ, хотите?

ЧАЦКІЙ.

Прошу.

НАТАЛЬЯ ДМИТРІЕВНА.

И знаю напередъ,
Что вамъ понравится. Взгляните и судите.

ЧАЦКІЙ.

Я вѣрю, онъ вамъ мужъ.

НАТАЛЬЯ ДМИТРІЕВНА.

О, нѣтъ-съ! не потому,
Самъ по себѣ, по нраву, по уму,
Платонъ Михайлычъ мой единственный, безцѣнный!
Теперь въ отставкѣ, былъ военный,
И утверждаютъ всѣ, кто только прежде зналъ,
Что съ храбростью его, съ талантомъ,
Когда бы службу продолжалъ,
Конечно былъ бы онъ московскимъ комендантомъ.

ЧАЦКІЙ, НАТАЛЬЯ ДМИТРІЕВНА, ПЛАТОНЪ МИХАЙЛОВИЧЪ.

НАТАЛЬЯ ДМИТРІЕВНА.

Вотъ мой Платонъ Михайлычъ!

ЧАЦКІЙ.

Ба!
Другъ старый! Мы давно знакомы,—вотъ судьба!

ПЛАТОНЪ МИХАЙЛОВИЧЪ.

Здорововo, Чацкій, братъ!

ЧАЦКІЙ.

Платонъ, любезный, славно!
Похвальный листъ тебѣ: ведешь себя исправно!

ПЛАТОНЪ МИХАЙЛОВИЧЪ.

Какъ видишь, братъ,
Московскій житель и женатъ.

ЧАЦКІЙ.

Забытъ шумъ лагерный, товарищи и братья?
Спокоенъ и лѣнивъ?

ПЛАТОНЪ МИХАЙЛОВИЧЪ.

Нѣтъ! есть таки занятья:
На флейтѣ я твержу дуэтъ
А-мольный...

ЧАЦКІЙ.

Что твердилъ назадъ тому пять лѣтъ?
Ну, постоянный вкусъ въ мужьяхъ всего дороже!

ПЛАТОНЪ МИХАЙЛОВИЧЪ.

Братъ! женишься, тогда меня вспомянь:
Отъ скуки будешь ты свистать одно и тоже.

ЧАЦКІЙ.

Отъ скуки? какъ? ужъ ты ей платишь дань?

НАТАЛЬЯ ДМИТРІЕВНА.

Платонъ Михайлычъ мой къ занятьямъ склоненъ разнымъ,

Которыхъ нѣтъ теперь: къ ученьямъ и смотрамъ,
Къ манежу... иногда скучаетъ по утрамъ.

ЧАЦКІЙ.

А кто, любезный другъ, велитъ тебѣ быть празднымъ?
Въ полкъ, эскадронъ дадутъ. Ты оберъ или штабъ?

НАТАЛЬЯ ДМИТРІЕВНА.

Платонъ Михайлычъ мой здоровьемъ очень слабъ.

ЧАЦКІЙ.

Здоровьемъ слабъ! Давно ли?

НАТАЛЬЯ ДМИТРІЕВНА.

Все ревматизмъ и головныя боли.

ЧАЦКІЙ.

Движенья болѣе! Въ деревню, въ теплый край,
Будь чаще на конѣ. Деревня лѣтомъ рай.

НАТАЛЬЯ ДМИТРІЕВНА.

Платонъ Михайлычъ городъ любитъ,
Москву. За что въ глуши онъ дни свои погубитъ?

ЧАЦКІЙ.

Москву и городъ?... Ты чудакъ!
А помнишь прежнее?

ПЛАТОНЪ МИХАЙЛЫЧЪ.

Да, братъ, теперь не такъ!...

НАТАЛЬЯ ДМИТРІЕВНА.

Ахъ! мой дружочикъ!
Здѣсь такъ свѣжо, что мочи нѣтъ!
Ты распахнулся весь и разстегнулъ жилетъ!

ПЛАТОНЪ МИХАЙЛЫЧЪ.

Теперь, братъ, я не тотъ!..

НАТАЛЬЯ ДМИТРІЕВНА.

Послушайся разочикъ,
Мой милый! застегнись скорѣй.

ПЛАТОНЪ МИХАЙЛЫЧЬ, (равнодушно).

Сей часъ.

НАТАЛЬЯ ДМИТРІЕВНА.

Да, отойди подальше отъ дверей:
Сквозной тамъ вѣтеръ дуетъ сзади.

ПЛАТОНЪ МИХАЙЛЫЧЬ.

Теперь, братъ, я не тотъ!..

НАТАЛЬЯ ДМИТРІЕВНА.

Мой ангелъ! Бога ради,
Отъ двери дальше отойди!

ПЛАТОНЪ МИХАЙЛОВИЧЪ, (глаза къ небу).

Ахъ! матушка.

ЧАЦКІЙ.

Ну, Богъ тебя суди!
Ужъ точно сталъ не тотъ въ короткое ты время.
Не въ прошломъ ли году, въ концѣ,

Въ полку тебя я зналъ? лишь утро, ногу въ стремя,
И носишься на борзомъ жеребцѣ;
Осенній вѣтеръ дуй, хоть спереди, хоть съ тыла.

ПЛАТОНЪ МИХАЙЛЫЧЬ, (вздыхаетъ).

Эхъ! братецъ! славное тогда житье-то было.

—

ОСЕЛЪ И СОЛОВЕЙ.

(КРЫЛОВА).

Оселъ увидѣлъ соловья,
И говоритъ ему: «Послушай-ка, дружище!
Ты, сказываютъ, пѣть великій мастерище.
Хотѣлъ бы очень я
Самъ посудить, твое услышавъ пѣнье,
Велико ли въ тебѣ умѣнье?»
Тутъ Соловей являть свое искусство сталъ:
Защелкалъ, засвисталъ
На тысячу ладовъ, тянулъ, переливался;
То нѣжно онъ ослабѣвалъ,
И томной вдалекѣ свирѣлью отдавался,
То мелкой дробью вдругъ по рощѣ разсыпался.
Внимало все тогда
Любимцу и пѣвцу Авроры;
Затихли вѣтерки, замолкли птичекъ хоры,
И прилегли стада.

Чуть-чуть дыша, настухъ имъ любовался,
И только иногда,
Внимая Соловью, постушкѣ улыбался.
Скончалъ пѣвецъ. Оселъ, уставясь въ землю
лбомъ,
«Изрядно,» говоритъ: «сказать не ложно,
Тебя безъ скуки слушать можно;
А жаль, что не знакомъ
Ты съ нашимъ пѣтухомъ:
Еще бъ ты болѣ навострился,
Когда бы у него немного поучился.»
Услыша судъ такой, мой бѣдный Соловей
Вспорхнулъ—и полетѣлъ за тридевять полей.

Избави, Богъ, и насъ отъ этакихъ судей.

—

ИЗЪ СЕЛЬСКАГО СУББОТНЯГО ВЕЧЕРА.

(КОЗЛОВА).

Любовь, любовь! живой восторгъ сердецъ,
Твой чистый жаръ всѣмъ радостямъ вѣнецъ.
Уже давно я, путникъ неизвѣстной,
Чрезъ скучный міръ печально прохожу;
Но долгъ велитъ, и правду я скажу:
Въ долинѣ слезъ отрадою небесной
Одна любовь; нѣтъ радости другой!
Вотъ нашихъ дней минуты золотыя:
Когда одни вечернею порой,

Стыдливые, любовники младые,
Въ тѣни деревъ, сидятъ рука съ рукой;
Ихъ взоръ горитъ весельемъ и тоской,
На ихъ устахъ привѣтъ и ропотъ нѣжный;
А вкругъ цвѣтетъ шиповникъ бѣлоснѣжный,
И тихо къ нимъ склоняется кустокъ,
И вѣетъ имъ душистый вѣтерокъ.

—

ПѢСНЯ.

(БАРОНА ДЕЛЬВИГА).

Наяву и въ сладкомъ снѣ
Все мечтаетесь вы мнѣ:
Кудри, кудри шелковыя,
Юныхъ персей красота,
Прелесть — очи и уста
И лобзанія живыя.

И я въ раннюю зарю
Темнымъ кудрямъ говорю:
Кудри, кудри, что вы вьетесь?
Мнѣ ужь вами не играть,
Мнѣ ужь васъ не цѣловать,
Вы другому достаетесь.

И я утромъ золотымъ
Молвю персямъ молодымъ:

Пухъ лебяжій, нѣгой страстной
Не дыши по старинѣ:
Ужъ не быть счастливымъ мнѣ
У груди моей прекрасной.

Я твержу по вечерамъ
Свѣтлымъ взорамъ и устамъ:
Замолчите, замолчите!
Съ лютой долей я знакомъ,
О веселомъ, о быломъ
Вы съ душой не говорите!

Ночью сплю ли я, не сплю
Все устами васъ ловлю,
Сердцу сладкія лобзанья!
Сердце бьется; сердце ждетъ, —
Но ужъ милая нейдетъ
Въ часъ условленный свиданья.

—

ВЕЧЕРЪ.

(ЯЗЫКОВА).

Прохладенъ воздухъ былъ; въ стеклѣ спокой-
ныхъ водъ
Звѣздами убранный лазурный неба сводъ
Свѣтился; темные покровы ночи сонной
Струились по коврамъ долины благовонной;

Надъ берегомъ, въ тѣни раскидистыхъ вѣтвей,
И трелилъ, и вздыхалъ, и щелкалъ соловей.
Тогда между кустовъ, какъ призраки мелькая,
Влюбленный юноша и дѣва молодая
Бродили вдоль рѣки; казалося, для нихъ
Сей вечеръ нѣжился, такъ сладостенъ и тихъ,
Для нихъ лучами звѣздъ играла водъ равнина,
Для нихъ туманами окрестная долина
Скрывалась — и въ тѣни раскидистыхъ вѣтвей
И трелилъ, и вздыхалъ, и щелкалъ соловей.

—

СПАЛЬНЯ.

(БАРОНА РОЗЕНА).

Такъ здѣсь ты спишь, душа дѣвица!
И безъ тебя, тобой полна
Твоя волшебная свѣтлица!
Такъ здѣсь ты спишь озарена
Лампадой сонной! О, Эльміра,
Ты спишь — и здѣсь, въ постели сей
Обвитый дланію твоей
Съ тобой почіетъ Ангелъ мира!
Такъ вотъ куда заходишь ты,
Младое солнце красоты,
Какъ будто въ пѣнистые волны, —
Въ сей пухъ роскошный, нѣги полный!
Благословенъ сей одръ — на нёмъ

Дитя, какъ роза, развивалось,
Надъ симъ таинственнымъ одромъ
Мечтаній небо разверзалось!...
Цѣлую одръ — онъ тихимъ сномъ
Эльмиры юность возлелеялъ.
Я пью сей сладкій воздухъ — онъ
Твоимъ дыханьемъ растворенъ —
Въ твоихъ устахъ сей воздухъ вѣялъ!
Теперь бы ты передо-мной
Почила сномъ любви и мира,
Налюбовался бъ я тобой,
Разоблаченная Эльмира!
Но заповѣдною мечтой
Не увлекаемый ни сколько,
Я въ знакъ невинности прямой,
Поцѣловалъ бы крестъ златой
На персяхъ дѣвственныхъ — и только!

—

КЪ НОЧИ.

(ГРИГОРЬЕВА).

Приди скорѣй, подруга сновъ!
Напой меня тоски забвеньемъ,
И обмани мою любовь
Веселымъ долгимъ сновидѣньемъ!
Когда же звуки милыхъ словъ
Проникнутъ душу умиленьемъ,

Не вдругъ снимай съ меня покровъ,
Помедли тяжкимъ пробужденьемъ!..

—

Отрывокъ изъ повѣсти:

ДИВЪ И ПЕРИ.

(ПОДОЛИНСКАГО).

И на волю изъ темницы
Смотритъ плѣнница сквозь слезъ:
Благодатный лучъ денницы
Ей веселья не принесъ;
Ей не въ радость дня сіянье,
И невольное стѣнанье
Перси жаркія тѣснитъ...
Въ грусти Пери говоритъ:
«Вѣйтесь, вѣйтесь надо мною,
«Утра облака грядою,
«Вы носите въ вышинѣ
«Вѣсть подругамъ обо мнѣ:
«Имъ доступно состраданье,
«На печальное свиданье
«Съ высоты слетятъ онѣ!
«И цвѣтовъ блестящихъ златомъ
«Мнѣ повѣютъ ароматомъ;
«И алмазъ, и изумрудъ
«Въ даръ унылой принесутъ...
«Но почто сіянье злата?

«Что мнѣ вешній ароматъ?
«Воли горькая утрата,
«Чѣмъ тебя мнѣ замѣнятъ?

«Дайте жъ дайте мнѣ свободу!
«Я къ румянному восходу,
«Въ безпредѣльность высоты
«Полечу быстрѣй мечты!
«Тамъ вольнѣй мое дыханье,
«Тамъ яснѣй увижу я
«Пробужденное созданье
«Въ полномъ блескѣ бытія!
«Тамъ лучами дня согрѣта,
«Встрѣчусь я съ духами свѣта,
«Съ ихъ сіяніемъ сольюсь...
«Что? куда? о чемъ молюсь!
«Мнѣ ль преступной упованье?
«Мнѣ ль отверженной сіянье,
«И Эдема красота?
«О бѣги, бѣги мечта!
«Вижу сомкнутыя двери,
«Я въ плѣну!»... и очи Пери
Полны слезъ... и вновь она
Тайной грусти предана.

—

РОМАНСЪ.

(МАРЛИНСКАГО).

Скажите мнѣ: зачѣмъ пылаютъ розы
Эѳирною душею, по веснѣ,
И мотылька на утреннія слезы
Манятъ, зовутъ привѣтливо онѣ?
Скажите мнѣ!

Скажите мнѣ, не звуки ль поцѣлуя
Даютъ свою гармонію волнѣ?
И соловей, плѣнительно тоскуя,
О чемъ поетъ во мглѣ и тишинѣ?
Скажите мнѣ!

Скажите мнѣ, зачѣмъ такъ сердце бьется,
И чудное мнѣ видится во снѣ:
То грусть по мнѣ холодная прольется,
То я горю въ томительномъ огнѣ?
Скажите мнѣ!

—

ИЗЪ МІРОЗДАНІЯ.

(СОКОЛОВСКАГО).

ДЕНЬ V.

Вдругъ въ рощахъ чьи-то голоса
Прелестнымъ хоромъ зазвучали,
И будто слушая, лѣса
Качать вѣтвями перестали;
Казалось въ берегахъ цвѣтныхъ
Остановились тихо воды,
И міръ торжественно затихъ
Для радостныхъ гостей природы...
Безмолвно все! поютъ онѣ —
Мои пѣвицы неземныя,
И переливы ихъ живые
Звенятъ такъ складно въ вышинѣ!..
Не духи-ль вы?.. Скажите: кто вы?
Уже-ль вы счастья лишены
И въ этотъ міръ заключены
Носить тяжелыя оковы?
— Нѣтъ ваша пѣснь тогда бъ была
Какъ стонъ любви невесела,
Какъ сердца плачь полна страданья;
Не такъ поютъ въ странѣ изгнанья!
Не такъ о счастіи грустятъ,
Когда недвижными очами
Незря на небеса глядятъ,
И вдругъ невольными слезами

Лицо печальное кропятъ!..
Или, быть можетъ, свѣтлой тѣнью
Перелетая въ небесахъ
Отъ наслажденья къ наслажденью,
Гостите въ новыхъ вы мірахъ;
Вы не Творцу-ли пѣсни славы
Поете въ тишинѣ дубравы?
И не для первой ли весны
Вы прилетѣли съ вышины,
Чтобъ подышать благоуханьемъ,
Чтобы на пиръ земной взглянуть,
И снова надъ дневнымъ сіяньемъ
Въ своемъ блаженствѣ утонуть?
— Тогда плѣнительныя трели
Еще звучнѣе бы звенѣли;
И славы, и любви святой,
Онѣ-бъ чудесно были полны,
И плавно, съ нѣгой неземной,
Скользили-бъ роскошно, какъ волны!..
Не для земли, не для страны
Тоски унынія и скуки,
Небесъ торжественные звуки
Могучей Волей созданы...

То были птицъ рои цвѣтные,
То ихъ прекрасный хоръ звучалъ,
И своды неба голубые
Разливомъ пѣсни наполнялъ...
О, какъ плѣнительна ихъ доля!

Какъ много въ жизни сей земной
Дано имъ счастія судьбой:
И пѣсни, и любовь, и воля!
Люблю надъ тихимъ лономъ водъ,
Надъ ароматными полями —
Или роскошными кругами,
Или стрѣлою ихъ полётъ!
За ними рвемся мы душею,
Въ насъ дума вспыхнетъ и кипитъ,
И взоръ, увлаженный слезою,
Ихъ зорко на небѣ слѣдитъ:
Вотъ чуть виднѣютъ въ отдаленьи,
Вотъ блѣдной точкою онѣ
Уже сокрылись въ вышинѣ...
А мы? — Въ тревогѣ и смущеньи,
Въ какой-то непонятной мглѣ,
Стоимъ прикованы къ землѣ
И познаемъ завѣтъ смиренья...

—

Я НЕ ЛЮБЛЮ ТЕБЯ.

(БЕНЕДИКТОВА.)

Я не люблю тебя. Любить уже не можетъ,
Кто выкупалъ въ холодномъ морѣ думъ
Свой сумрачный, суровый умъ;
Кого вездѣ во всемъ тревожитъ,
Кто въ школѣ опыта давно ужъ перешелъ

Сердечной музыки мучительную гамму,
И въ жизни злую эпиграмму
На все прекрасное прочелъ.
Пусть юноша мечтамъ завѣтнымъ предается:
Я продалъ ихъ, я прожилъ ихъ давно;
Мой умъ давно ужъ тамъ смѣется,
Гдѣ сердцу плакать суждено.

Что бъ ни сбылось съ душой моею,
Какой бы ни горѣлъ огонь въ моей крови,
Я не люблю тебя. Я именемъ любви
Стремленья тайнаго знаменовать не смѣю; —
Но ты мила моимъ очамъ,
Очамъ души моей мила, какъ день блаженный,
И взора твоего къ божественнымъ лучамъ
Прикованъ взоръ мой упоенный.
Языкъ мой скованъ — и молчитъ;
Его мой скрытный жаръ въ посредники не проситъ,
А сердце внятно говоритъ,
Чего языкъ не произноситъ.

Когда-то жизни на зарѣ,
Съ душой отверстою къ пріятію святыни,
Я разводилъ свой огнь на алтарѣ
Минувшихъ дней моихъ богини.
Тогда въ мечтахъ заповѣдныхъ
Повсюду предо мной сіяла безконечность,
И въ думахъ дѣвственныхъ своихъ

Я сочеталъ любовь и вѣчность; —
Но вскорѣ далъ суровый рокъ
Мнѣ охладительный урокъ:
Онъ мнѣ открылъ, что и любовь хранится,
Не доле милаго цвѣтка,
Что вѣчность цѣлая порой въ нее ложится,
Но эта вѣчность-коротка!
Теперь, симъ знаньемъ просвѣщенный,
Я вѣрить радъ, что грудь моя
Объята вспышкою мгновенной,
Послѣднимъ взрывомъ бытія.
На хладный свой языкъ мнѣ разумъ переводитъ,
Что въ тайнѣ чувство создаетъ;
Оно растетъ, оно восходитъ,
А онъ твердитъ: «оно пройдетъ»;
Я жду, но тайное волненье не проходитъ.

Я къ сердцу бѣдному жестокъ,
И не потворствую сердечному желанью;
Я не спѣшу къ опасному свиданью,
И милой образа далекъ.
И что жъ? На грудь волнуемую тщетно
Хочу я положить свинцову печать:
Душѣ ль насильственно изгнать,
Что въ душу рвется такъ привѣтно?
Я не люблю тебя. Но какъ бы я желалъ
Всегда съ тобою быть, съ тобою жизнью слить-
ся,
Съ тобою пить ея фіалъ,

С тобой отъ міра отдѣлиться!
И между-тѣмъ какъ рыцари ,сихъ дней
Лепечутъ, легкіе, въ ихъ рѣзвости воздушной,
Бездушное *люблю* красавицѣ бездушной,
Какъ сладко бъ было мнѣ, склонясь къ главѣ твоей
И руку сжавъ твою рукою воспаленной
И взоръ твой обративъ отрадный на себя,
Тебѣ шептать: «мой другъ безцѣнный,
Мой милый другъ, я не люблю тебя!»

—

ВЪ ГОРАХЪ Я ВСТРѢТИЛА ЧЕРКЕСА.

Не величавый кирасиръ,
Красавицъ города, кумиръ;
Не въ яркомъ ментикѣ повѣса
Плѣнилъ мой простодушный взоръ, —
Въ горахъ я встрѣтила Черкеса,
И предалась любви съ тѣхъ поръ!

Какъ онъ разителенъ красой
Предъ нашей модною толпой,
Однообразной и безцвѣтной,
Гдѣ всѣ лепечутъ такъ умно,
Всѣ улыбаются привѣтно
И всѣ безчувственны равно!

Черкесъ и статенъ, и высокъ;
Лицомъ онъ свѣжъ, какъ горный токъ;
Отваженъ духомъ, какъ свобода;
Онъ смѣло, какъ орелъ, глядитъ,
И, словно, царская порода
Въ прямыхъ чертахъ его блеститъ!

Я помню: въ буркѣ, на конѣ,
Съ вершинъ на долъ, по крутизнѣ,
Леталъ онъ птицей чернокрылой;
Я помню: у подножья скалъ,
Склонивъ чело предъ дѣвой милой,
Онъ кроткимъ плѣнникомъ стоялъ.

Какъ долженъ быть могучъ и новъ
Привѣтъ его сердечныхъ словъ!
Какъ цѣломудренно и гордо
Онъ долженъ вымолвить: люблю!..
И къ племенной груди какъ твердо
Прижметъ избранницу свою!

Съ нимъ страха нѣтъ; съ нимъ нѣтъ измѣнъ!
Его рабы отраденъ плѣнъ,
Его сестры завидна доля.
Все близъ него свѣтлѣй, полнѣй,
Труды, досуги, солнце, воля
И тайны брачныя ночей...

О! дайте жъ насладиться мнѣ
Мечтой любимой хоть во снѣ!
Ея волшебная завѣса
Свѣжитъ мнѣ думу, тѣшитъ взоръ, —
Въ горахъ я встрѣтила Черкеса,
И предалась любви съ тѣхъ поръ!

—

ИЗЪ РУСЛАНА И ЛЮДМИЛА.

(А. ПУШКИНА).

На встрѣчу утреннимъ лучамъ
Постель оставила Людмила,
И взоръ невольный обратила
Къ высокимъ чистымъ зеркаламъ;
Невольно кудри золотые
Съ лилейныхъ плечь приподняла;
Невольно волосы густые
Рукой небрежной заплела;
Свои вчерашніе наряды
Нечаянно въ углу нашла;
Вздохнувъ, одѣлась, и съ досады
Тихонько плакать начала;
Однако съ вѣрнаго стекла
Вздыхая не сводила взора,
И дѣвицѣ пришло на умъ,
Въ волненьи своенравныхъ думъ,

Примѣрять шапку Черномора.
Все тихо, никого здѣсь нѣтъ;
Никто на дѣвушку не взглянетъ...
А дѣвушкѣ въ семнадцать лѣтъ
Какая шапка не пристанетъ.

—

ЛЮБОВЬ.

(ТЕПЛОВОЙ).

Любовь, небесъ святое слово!
Лишь для тебя воскресну вновь.
Меня душой возвыситъ снова
Одна любовь, одна любовь!

Съ моей душою утомленной
Я не снесу земныхъ оковъ,
И примиритъ меня съ вселенной
Одна любовь, одна любовь!

Меня томитъ земная келья!
Какъ дымъ взлечу до облаковъ,
И принесу на новоселье
Одну любовь, одну любовь!

—

ПѢСНЬ АТАМАНА.

(ВЕЛЬТМАНА).

Что отуманилась зоренька ясная,
Пала на землю росой?
Что ты задумалась дѣвица красная,
Очи блеснули слезой?

Жаль мнѣ покинуть тебя, черноокую!
Пѣтелъ ударилъ крыломъ,
Крикнулъ... ужъ полночь! Дай чару глубокую,
Вспѣнь поскорѣе виномъ!

Время! Веди ты коня мнѣ любимова,
Крѣпче держи подъ уздцы;
Ѣдутъ, съ товарами, въ путь изъ Касимова
Муромскимъ лѣсомъ купцы.

Есть для тебя у нихъ кофточка шитая,
Шуба на лисьемъ мѣху...
Будешь ходить ты вся златомъ облитая,
Спать на лебяжьемъ пуху!

Много за душу свою одинокую,
Много нарядовъ куплю!
Я ль виноватъ, что тебя, черноокую
Больше чѣмъ душу люблю?

—

ОТРЫВОКЪ

ИЗЪ ТОРКВАТО ТАССО.

(КУКОЛЬНИКА).

ЛУКРЕЦІЯ И ЛЕОНОРА.

ЛЕОНОРА.

Лукреція! какія подозрѣнья!
Когда и кто мнѣ можетъ упрекнуть
Въ презрѣнномъ и нескромномъ поведеньи?
Не ты ль сама, въ своемъ Кастель-Дурантѣ
Съ утра до вечера сидѣла съ Тассомъ,
И безъ свидѣтелей! Молва не смѣла
Ни клеветать, ни сѣять подозрѣній;
Не ты ль сама, въ отсутствіи супруга,
Такъ весело съ нимъ проводила время?
И каждый день все съ нимъ, да съ нимъ однимъ!
А я тебѣ ни слова не сказала,
Которымъ бы могла тебя обидѣть.
Я радовалась твоему веселью,
Я восхищалась вашей чистой дружбой, —
И ты теперь меня же упрекаешь,
Что ласково я слушала его!
Почтительный и скромный, никогда
Онъ ни къ кому не зналъ порочной страсти;
Всѣмъ существомъ своимъ Поэтъ великій,
Въ божественность онъ женщинъ облекалъ,

И, какъ предъ алтаремъ, стоялъ предъ ними!
Самъ неземной, онъ въ неземную область
Всегда стремился, какъ святая мысль. —
И признаюсь, я полюбила Тасса:
За чистое его души веселье,
За дѣтскую привязанность ко мнѣ!

ЛУКРЕЦІЯ.

Дитя, дитя, въ ребяческомъ восторгѣ
Не слышишь ты тѣхъ тягостныхъ оковъ...

ЛЕОНОРА.

Оковы? Нѣтъ. Воздушная любовь,
Какъ воздухъ и легка, и безопасна!..

ЛУКРЕЦІЯ.

Мечты тебя чаруютъ, Леонора!..

ЛЕОНОРА.

Пускай мечты; но сладкія мечты.
Въ нихъ нѣтъ ни мукъ, ни горя, ни страданья;
Зачѣмъ же глупо умерщвлять ту радость,
Которая намъ услаждаетъ жизнь?
И ты сама любила также Тасса? —

ЛУКРЕЦІЯ.

Я только Тассовы стихи любила.

ЛЕОНОРА.

Не признаешься. Будто преступленье
Его любить!

ЛУКРЕЦІЯ.

Супругъ мой, Леонора,
Былъ для меня предметъ любви единый.

ЛЕОНОРА.

Супруга ты любила, какъ супруга;
И всякая должна любить супруга...
Но Герцога Урбино ты забыла,
На умъ тебѣ онъ больше не приходитъ,
А о Торкватѣ...

ЛУКРЕЦІЯ.

Ты жъ все говоришь.
А я объ немъ уже давно забыла.

ЛЕОНОРА.

Забыла? такъ! забыть его легко.
«Мы даже часто Бога забываемъ,
«Но, вспомнивъ, совѣстно смотрѣть на свѣтъ,
«На памятникъ Его благодѣяній...
«И вновь къ Нему, какъ дѣти прибѣгаемъ.
«О почему-жъ: къ земному полу-богу
«Съ раскаяньемъ не обратиться снова?
«Не возвратить ему созданій,
«Которыхъ онъ такъ искренно любилъ?»
Лукреція! быть можетъ, онъ невольно
Твой гордый умъ иль сердце оскорбилъ;
Быть можетъ, онъ, застѣнчивый и скромный,
Твоимъ мечтамъ не отвѣчалъ вполнѣ;..
Но онъ любилъ, клянусь, любилъ тебя...

Какъ часто, предо мной печально сидя,
Онъ говорилъ о будущности мрачной:
Но о тебѣ воспоминаньемъ сладкимъ
Онъ разгонялъ всѣ тучи рьзмышленій
И взоръ его опять свѣтлѣлъ надеждой!
Какъ часто, въ мрачные часы печали,
Въ его устахъ, какъ тихій вѣтеръ въ струнахъ,
Лукреція! твое звучало имя!
Казалось, бѣдный силился закрыть
Свою любовь, но чувства полнота
Безсильный умъ его превозмогла!
И ты его такъ хладнокровно гонишь!
Ты первый врагъ ему и врагъ лютѣйшій!

ЛУКРЕЦІЯ (обнимая Леонору).

О перестань, мой ангелъ — Леонора!
Къ чему напоминать мнѣ заблужденья?

ЛЕОНОРА.

Лукреція! любовь не заблужденье!
Быть можетъ, все на свѣтѣ заблужденье,
А истина единая — любовь...
Такъ говорилъ Поэтъ — и кто не вѣритъ? —
Кто на себѣ не испыталъ сихъ словъ?

—

ДРУГОЙ ОТРЫВОКЪ

ИЗЪ ТОРКВАТО ТАССО.

(КУКОЛЬНИКА).

СУМАСШЕДШІЙ (подходитъ къ Тассу, подаетъ ему гитару и самъ садится на полу, противъ него).

Сыграй, Пѣвецъ, какъ я ее любилъ,
Какъ я хотѣлъ душей съ душею слиться.
Къ ея груди — свою придвинуть грудь!
Запой, Пѣвецъ, какъ я ее любилъ,
Какъ, каждый день, за ней летѣлъ, за ней;
Какъ съ утромъ дня, съ закатомъ солнца, вѣчно
Моей душѣ прекрасный образъ снился!
Быть можетъ, звукъ твоихъ стиховъ волшебныхъ
Въ ея душѣ упрекомъ отзовется;
Быть можетъ, струнъ твоихъ угрюмый стонъ
Отяжелитъ ей сладострастный сонъ
И съ ужасомъ преступница проснется!

Тассъ (съ улыбкой).

Сыграть, изволь; но пѣть ужъ я не въ силахъ.
(Начинаетъ играть, сумасшедшіе окружаютъ его; Тассъ перестаетъ играть и импрозируетъ.)

О! не брани любви! Она
Отсвѣтъ небеснаго огня!
Измѣнитъ все; земля и море,

Духъ и безжизненный гранитъ;
Одна любовь не измѣнитъ
И въ наслажденіи и въ горѣ,
Все въ жизни мертво и темно,
Коль сею не оживлено!

Страдалецъ! всуе не ропщи
На самый лучшій даръ души!
Кто виноватъ, что Провидѣнье
Въ твою страдальческую грудь
Поставило другой сосудъ
И въ томъ сосудѣ — наслажденье?
Но ты завѣтъ любви забылъ —
И самъ сосудъ свой отравилъ!

Ты распалялъ въ груди своей
Огонь убійственныхъ страстей.
Преступнымъ жаромъ пламенѣя,
Хотѣлъ ты дѣвой обладать,
Жечь поцѣлуемъ, обнимать, —
И вызвалъ страшнаго злодѣя,
Ту совѣсть, что съ бичемъ, съ огнемъ
На сердцѣ улеглась твоемъ.

Дитя! Ты женщину любилъ;
Ты перстъ умомъ боготворилъ.
Но ахъ! не женщина прекрасна,
А дивная ся краса,
Въ которую облечена

Она такъ тщетно, такъ напрасно!
Несчастный жаръ твоей души
Скорѣй, страдалецъ, потуши.

Очнеться, встань, забудь — и дай мнѣ руку!
Любовь не то, чѣмъ назвалъ ты любовь!
Она небесъ лазоревыхъ прозрачнѣй,
Свѣтлѣй неуловимаго сіянья!
О! если бъ могъ ты въ душу заглянуть,
Гдѣ теплится огонь любви правдивой;
Какъ восковая, чистая свѣча
Туманнымъ пламенемъ свѣтлѣетъ въ мракѣ
И по святынѣ льетъ и блескъ и пламя;
Такъ точно... нѣтъ, еще сто кратъ прекраснѣй
Любовь по сердцу льетъ и блескъ и пламя!
. . . .

—

РУМИЛІЙСКАЯ ПѢСНЯ.

(ТЕПЛЯКОВА).

Межъ тѣмъ, какъ ты мой соловей,
Поешь любовь въ странѣ далекой —
Отрава страсти одинокой
Горитъ огнемъ въ душѣ моей!

Приди-жъ, о милый, усладить
Тоску любви, души томленье;

Приди хоть искрой наслажденья
Больное сердце оживить!

Блестящій взоръ твоихъ очей
Острѣй и ярче стали бранной;
Свѣжѣй росы, огня живѣй
Твой поцѣлуй благоуханный!

О милый! пусть растаетъ вновь
Моя душа въ твоемъ лобзаньи;
Приди, допей мою любовь,
Допей ее въ моемъ дыханьи!

Прилипну я къ твоимъ устамъ,
И все тебѣ земное счастье,
И всей природы сладострастье
Въ послѣднемъ вздохѣ передамъ!

—

КЪ * *.

(ОЗНОБИШИНА).

Зачѣмъ на кратное мгновенье
Въ сей жизни насъ судьба свела,
Когда иное назначенье —
Намъ розный путь она дала?

Твой робкій взглядъ, живыя рѣчи
Все, все, я, милый другъ, понялъ,

Я запылалъ отъ первой встрѣчи
И тайны сердца разгадалъ.

Въ другой странѣ — вдали я буду:
Меня легко забудешь ты!
Но я, я сохраню повсюду
Твои небесныя черты.

Такъ грубый мраморъ сохраняетъ
Черты волшебнаго рѣзца,
И вдохновенная сіяетъ
Въ немъ кисть художника-Творца!

—

ПѢСНЯ.

(ПОЛЕЖАЕВА).

Зачѣмъ задумчивыхъ очей
Съ меня красавица не сводишь?
Зачѣмъ огнемъ твоихъ рѣчей
Тоску на душу мнѣ наводишь?
Не припадай ко мнѣ на грудь
Въ порывахъ милаго забвенья, —
Ты ничего въ меня вдохнуть
Не можешь кромѣ сожалѣнья!
Меня не въ силахъ воспалить
Твои горячія лобзанья,
Я не могу тебя любить,
Не для меня очарованья!

Я былъ любимъ — и самъ любилъ —
Увялъ на лонѣ сладострастья,
И въ хладномъ сердцѣ схоронилъ
Минуты горестнаго счастья.
Я рано сорвалъ жизни цвѣтъ;
Все потерялъ, все отдалъ Хлоѣ,
И прежнихъ чувствъ и прежнихъ лѣтъ
Не возвратитъ ничто земное!
Еще мнѣ милы красота
И дѣвы пламенные взоры,
Но сердце мучитъ пустота,
И совѣсть — мрачные укоры!
Люби другаго: быть твоимъ
Я не могу, о другъ мой милой!...
Ахъ! какъ ужасно быть живымъ,
Полуразрушась надъ могилой!

—

ОТРЫВОКЪ:

ИЗЪ ЧЕРНЕЦА.

(КОЗЛОВА).

Гдѣ сердце любитъ, гдѣ страдаетъ,
И милосердый Богъ нашъ тамъ:
Онъ крестъ даетъ, и Онъ же намъ
Въ крестѣ надежду посылаетъ.
Чрезъ семь тяжелыхъ, грозныхъ лѣтъ

Блеснулъ и мнѣ отрадный свѣтъ.
Однажды я, ночной порою,
Сидѣлъ уныло надъ рѣкою;
И неба огнезвѣздный сводъ,
И тихое луны мерцанье,
И говоръ листьевъ, и плесканье,
Луной осеребренныхъ водъ,
Невольно душу все плѣняло,
Все въ міръ блаженства увлекало
Своей таинственной красой.
Проснулся духъ мой сокрушенной:
«Творецъ всего! младенецъ мой
«Съ моей подругой незабвенной
«Живутъ въ странѣ твоей святой;
«И можетъ быть, я буду съ ними,
«И тамъ они на вѣкъ моими!..»
Любви понятны чудеса:
Съ какимъ-то тайнымъ ожиданьемъ
Дрожало сердце упованьемъ;
Я поднялъ взоръ на небеса,
Дерзалъ ихъ вопрошать слезами...
И, мнилось, мнѣ въ отвѣтъ былъ данъ
Сей безмятежный океанъ,
Съ его нетлѣнными звѣздами.
Съ тѣхъ поръ я въ бѣдствіи самомъ
Нашелъ, отецъ мой, утѣшенье,
И тяжкимъ уповалъ крестомъ
Съ ней выстрадать соединенье.
Еще, бывало, слезы лью,

Но ихъ надежда услаждала,
И горесть тихая смѣняла
Печаль суровую мою.
Забылъ я, вѣрой пламенѣя,
Мое несчастье и злодѣя:
Она съ младенцемъ въ небесахъ
Мечталась сердцу въ райскихъ снахъ.
Я къ ней душою возносился, —
И мысль однимъ была полна:
Желалъ быть чистымъ, какъ она,
И съ жизнью радостно простился;
Но умереть хотѣлось мнѣ
Въ моей родимой сторонѣ.
Я сталъ скучать въ горахъ чужбины:
На рощи наши, на долины
Хотѣлъ послѣдній бросить взглядъ,
Увидить край, весь сю полный,
И сельскій домикъ нашъ, и садъ,
И синія Днѣпровски волны,
И церковь на холмѣ, гдѣ спитъ
Въ тѣни березъ ихъ пепелъ милый,
И какъ надъ тихою могилой
Заря вечерняя горитъ.

Ахъ, что сбылось съ моей душою,
Когда въ святой красѣ своей
Вдругъ видъ открылся предо мною
Родимыхъ Кіевскихъ полей!
Они, какъ прежде, зеленѣли,

Волнами также Днѣпръ шумѣлъ,
Все тотъ же лѣсъ вдали темнѣлъ,
На жнивахъ тѣ же пѣсни пѣли,
И также все въ странѣ родной,
А нѣтъ лишь тамъ ея одной!
Вездѣ знакомыя долины,
Ручьи, пригорки и равнины
Въ прелестной, милой тишинѣ
Со всѣхъ сторонъ являлись мнѣ
Съ моими свѣтлыми годами;
Но съ отправленной душой,
На родинѣ пришлецъ чужой,
Я ихъ привѣтствовалъ слезами
И безотрадною тоской.
Я шелъ; день къ вечеру склонялся;
И скоро сельскій Божій храмъ
Предсталъ испуганнымъ очамъ;
И внѣ себя я приближился
Къ могилѣ той, гдѣ сынъ, жена...
Вся жизнь моя погребена.
Я чуть ступалъ, какъ бы страшился
Прервать ихъ непробудный сонъ;
Въ груди стѣснялъ мой тяжкій стонъ,
Чтобъ ихъ покой не возмутился;
Страстямъ встревоженнымъ своимъ
Не смѣлъ вдаваться духъ унылой;
Казалось мнѣ, надъ ихъ могилой
Дышалъ я воздухомъ святымъ.
Творилось дивное со мною,

И я съ надеждой неземною
Колѣна тихо преклонилъ,
Молился, плакалъ и любилъ...
Вдругъ слышу шорохъ за кустами;
Гляжу, что жъ взоръ встрѣчаетъ мой?
Жнеца съ подругой молодой,
И возъ накладенный снопами;
И вижу я, между сноповъ
Сидитъ въ вѣнкѣ изъ васильковъ
Младенецъ съ алыми щеками.
Невольно я затрепеталъ:
«Я все имѣлъ, все потерялъ.
«Намъ не дали жить другъ для друга —
«Въ сырой землѣ моя подруга,
«И не въ цвѣтахъ младенецъ мой, —
«Его червь точитъ гробовой.»
Въ слезахъ тогда къ нимъ на могилу
Безъ памяти бросаюсь я;
Горѣло сердце у меня;
Тоска души убила силу;
Цѣлуя дернъ, я разрывалъ
Руками жадными моими
Ту землю, гдѣ я легъ бы съ ними;
Въ безумствѣ дикомъ я роптаъ;
Мнѣ что-то страшное мечталось;
Едва дышалъ я; въ мутной тмѣ
Сливалось все, какъ въ тяжкомъ снѣ;
Ужъ чувство жизни пресѣкалось,

И я лежалъ между гробовъ
Мертвѣй холодныхъ мертвецовъ.

—

МѢСЯЦЪ И ЗЕМЛЯ.

(ГРЕБЕНКИ).

Былъ день. И земля, упоенная жаромъ,
Роскошно томилась въ объятьяхъ небесъ;
Обширное море пылало пожаромъ,
Дышалъ ороматами лѣсъ.
Но день догорѣлъ — и обычной порою
Затеплился мѣсяцъ надъ сонной землею:
Предъ нимъ задрожала земная краса, —
А мѣсяцъ, открывши безстрастныя очи,
Все выше плыветъ. И подъ куполомъ ночи
Свершались небесъ чудеса!...
Звучатъ сладострастно лѣса и поляны:
То пѣсни поетъ соловей;
И тонкой струею дымяться туманы
Отъ горъ — отъ земли олтарей.
Душистыя нѣдра цвѣты раскрывая
Курятъ въ тишинѣ ѳиміамъ,
И въ знойномъ томленьи земля изнывая,
Трепещетъ и рвется къ блестящимъ лучамъ.
А мѣсяцъ какой-то невѣдомой силой
Земные восторги впивалъ,
И вѣялъ на землю покоемъ могилы,

И блескомь холоднымъ ее обливалъ.
Недолго она теплотою дышала
И нѣгой душистой: на жаркихъ поляхъ
Цвѣты затворились, земля засверкала
Предъ мѣсяцемъ свѣтлымъ въ холодныхъ слезахъ.

О, дѣва милая, напрасно
Полна и нѣги и огня,
Такъ бѣшено, такъ сладострастно
Ты жмешь въ объятіяхъ меня.
Мой ангелъ юга черноокій!
Восторгъ любви твоей высокой,
И безкорыстный, и святой,
Я не пойму моей душой,
И на кипучія лобзанья,
Я свѣта хладнаго созданья,
Отвѣчу лаской ледяной.
И взоръ твой свѣтлый, полный жизни,
Съ улыбкой горькой укоризны
Сверкнетъ печальною слезой.

—

ПОСЛѢДНІЙ ПОЦѢЛУЙ.

(КОЛЬЦОВА).

Обойми, поцѣлуй,
Приголубъ, приласкай,
Еще разъ поскорѣй
Поцѣлуй горячѣй.
Что печально глядишь?
Что на сердце таишь?..
Не тоскуй, не горюй,
Изъ очей слезъ не лей —
Мнѣ не надобно ихъ,
Мнѣ не нужно тоски, —
Не на смерть я иду,
Не хоронишь меня...
На полгода всего
Мы растаться должны.
Есть за Волгой село
На крутомъ берегу:
Тамъ отецъ мой живетъ,
Тамъ родимая мать
Сына въ гости зоветъ,
Я поѣду къ отцу,
Поклонюся родной,
И согласье возьму
Обвѣнчаться съ тобой.
Для чего ты въ него
Нарядила себя?
Разберись, убирись

Въ свой нарядъ голубой,
И на плечи накинь
Шаль съ каймой расписной.
Пусть пылаетъ лицо
Какъ поутру заря;
Пусть сіяетъ любовь
На устахъ у тебя!
Какъ мнѣ много теперь
Любоваться тобой!
Какъ весна — хороша,
Ты невѣста моя!..
Обойми-жъ, поцѣлуй,
Приголубь, приласкай,
Еще разъ поскорѣй
Поцѣлуй горячѣй!..

—

ПОСЛѢДНЕЕ НОВОСЕЛЬЕ.

(ЛЕРМОНТОВА).

Межъ тѣмъ, какъ Франція, среди рукоплесканій
И кликовъ радостныхъ, встрѣчаетъ хладный прахъ
Погибшаго давно среди нѣмыхъ страданій
Въ изгнаньѣ мрачномъ и въ цѣпяхъ;
Межъ тѣмъ, какъ міръ услужливой хвалою
Вѣнчаетъ поздняго раскаянья порывъ,

И вздорная толпа, довольная собою,
Гордится, прошлое забывъ, —
Негодованію и чувству давъ свободу,
Понявъ тщеславіе сихъ праздничныхъ заботъ,
Мнѣ хочется сказать великому народу:
Ты жалкій и пустой народъ!
Ты жалокъ потому, что вѣра, слава, геній,
Все, все великое, священное земли
Съ насмѣшкой глупою ребяческихъ сомнѣній
Тобой растоптано въ пыли.
Изъ славы сдѣлалъ ты игрушку лицемѣрья,
Изъ вольности — орудье палача,
И всѣ завѣтныя отцовскія повѣрья
Ты имъ рубилъ, рубилъ съ плеча, —
Ты погибалъ... и онъ явился, строгимъ взоромъ
Отмѣченный божественнымъ перстомъ,
И признанъ за вождя всеобщимъ приговоромъ,
И ваша жизнь слилася въ немъ, —
И вы окрѣпли вновь въ тѣни его державы,
И міръ трепещущій въ безмолвіи взиралъ
На ризу чудную могущества и славы,
Которой васъ онъ одѣвалъ.
Одинъ, — онъ былъ вездѣ, холодный, неизмѣнный,
Отецъ сѣдыхъ дружинъ, любимый сынъ молвы,
Въ степяхъ египетскихъ, у стѣнъ покорной Вѣны,
Въ снѣгахъ пылающей Москвы.
А вы что дѣлали, скажите, въ это время,

Когда въ поляхъ чужихъ онъ гордо погибалъ?
Вы потрясали власть, избранную какъ бремя,
Точили въ темнотѣ кинжалъ!
Среди послѣднихъ битвъ, отчаянныхъ усилій,
Въ испугѣ не понявъ позора своего,
Какъ женщина, ему вы измѣнили
И, какъ рабы, вы предали его!
Лишенный правъ и мѣста гражданина,
Разбитый свой вѣнецъ онъ снялъ и бросилъ
самъ,
И вамъ оставилъ онъ въ залогъ роднаго сына —
Вы сына выдали врагамъ!
Тогда, отяготивъ позорными цѣпями,
Героя увезли отъ плачущихъ дружинъ —
И на чужой скалѣ, за синими морями,
Забытый, онъ угасъ одинъ,
Одинъ, замученъ мщеніемъ безплоднымъ,
Безмолвною и гордою тоской,
И, какъ простой солдатъ въ плащѣ своемъ хо-
лодномъ,
Зарытъ наемною рукой...

—

Но годы протекли, и вѣтренное племя
Кричитъ: «Подайте намъ священный этотъ
прахъ!
Онъ нашъ; его теперь, великой жатвы сѣмя,
Зароемъ мы въ спасенныхъ имъ стѣнахъ!»

И возвратился онъ на родину. Безумно,
Какъ прежде, вкругъ него тѣснятся и бѣгутъ
И въ пышный гробъ, среди столицы шумной,
Остатки тлѣнные кладутъ.
Желанье позднее увѣнчано успѣхомъ!
И краткій свой восторгъ смѣнивъ уже другимъ
Гуляя топчетъ ихъ самодовольнымъ смѣхомъ
Толпа, дрожавшая предъ нимъ!

—

И грустно мнѣ, когда подумаю, что нынѣ
Нарушена святая тишина
Во кругъ того, кто ждалъ въ своей пустынѣ,
Такъ жадно, столько лѣтъ — спокойствія
и сна!
И если духъ вождя примчится на свиданье
Съ гробницей новою, гдѣ прахъ его лежитъ,
Какое въ немъ негодованье
При этомъ видѣ закипитъ!
Какъ будетъ онъ жалѣть, печалію томимый
О знойномъ островѣ подъ небомъ дальнихъ
странъ,
Гдѣ сторожилъ его, какъ онъ непобѣдимый,
Какъ онъ великій океанъ!

—

СОНЪ.

(МАЙКОВА).

Когда ложится тѣнь прозрачными клубами
На нивы спѣлыя, покрытыя скирдами,
На синіе лѣса, на влажный злакъ луговъ,
Когда надъ озеромъ бѣлѣетъ столпъ паровъ
И, въ рѣдкомъ тростникѣ медлительно качаясь,
Сномъ чуткимъ лебедь спитъ на влагѣ отража-
ясь,
Иду я подъ родной, соломенный мой кровъ,
Раскинутый въ тѣни акацій и дубовъ,
И тамъ съ улыбкой на устахъ своихъ привѣт-
ныхъ
Въ вѣнцѣ изъ яркихъ звѣздъ и маковъ темно-
цвѣтныхъ,
И съ грудью бѣлою подъ черной кисеей,
Богиня мирная являясь предо мной,
Сіяньемъ палевымъ главу мнѣ обливаетъ
И очи тихою рукою закрываетъ,
И кудри подобравъ, главой склонясь ко мнѣ
Лобзаетъ мнѣ уста и очи въ тишинѣ.

—

РАЗЛУКА.

(КРАСОВА).

Пронесется ли буря мятежная
И пустынную розу сорветъ,
Затоскуется горлица нѣжная
Какъ птенцовъ ея коршунъ убьетъ.
Гибнетъ роза въ степи одинокая,
Не воскреснетъ поблекшій цвѣтокъ,
Твои очи, подруга далекая,
Не утѣшитъ вѣнчальный вѣнокъ.
Рано высохла грудь твоя страстная.
Рано взоръ твой веселый потухъ.
Не на-счастье любила, прекрасная,
Не на-радость узналъ тебя другъ!
О, какъ рано съ блаженствомъ простилася —
И ужъ столько безсонныхъ ночей,
Столько стоновъ во тмѣ утаилося,
Столько пролито слезъ изъ очей!..
Его нѣтъ — не прійдетъ на свиданіе:
Онъ въ туманную даль полетѣлъ;
Не сбылися, какъ сонъ, упованія,
Неизбѣженъ несчастной удѣлъ.
При прощаньѣ, какъ тѣнь надъ могилою,
Ты стояла съ поблекшимъ челомъ,
Ты упала на грудь тебѣ милую,
Ты рыдала на сердцѣ младомъ.
Было тяжко для друга прощаніе,
Но по прежнему милый ласкалъ,

Его стоны, глухія рыданія,
Только вѣтеръ въ степи услыхалъ...
Отуманенъ тоскою глубокою,
Охладѣлъ онъ для жизни душой,
Только помнитъ тебя одинокую
И что счастье погибло съ тобой...
Допою ли я пѣсню печальную?
Если сорванъ надежды цвѣтокъ —
Вы не куйте кольца обручальнаго,
А готовьте могильный вѣнокъ.

—

ОНА.

(КРАСОВА).

Я трепетно глядѣлъ въ агатъ ея очей:
Тамъ цѣлый міръ любви подъ влагой сладо-
-страстья, —
И, полный прежнихъ думъ, тревоги и участья,
Я грустно любовался ей.
Я думалъ: «чудное созданье,
О, геній чистой красоты,
Какой судьбой сюда, въ юдоль изгнанья,
Съ какихъ небесъ явилась ты?
Кипитъ вокругъ тебя младое поколѣнье,
Тебѣ назначено владѣть судьбой сердецъ,

Передъ тобой возвышенный пѣвецъ
Съ мольбою совершитъ колѣнопреклоненье
И съ гордаго чела отдастъ тебѣ вѣнецъ;
Младой герой — краса и ужасъ боевъ,
Упившись пламенемъ чарующихъ очей,
Забудетъ лавръ — кровавый лавръ героевъ,
Войну, коня и шумный кругъ друзей;
И юноша, алкающій познаній,
Съ челомъ возвышеннымъ и полнымъ строгихъ
думъ,
Вперившій въ тайны мірозданій
Всеиспытующій свой умъ, —
Узрѣвъ, прекрасная, тебя передъ собою,
Постигнетъ сердцемъ онъ источникъ бытія,
Благословитъ Творца высокою хвалою,
И будетъ для него пророческой звѣздою
Душа невинная твоя.
Но, милый цвѣтъ потеряннаго рая,
Зачѣмъ ты здѣсь, созданье красоты?...
Увы! въ юдоли слезъ, мгновенно разцвѣтая,
Мгновенно вянутъ всѣ прекрасные цвѣты!...

—

БЫВАЕТЪ.

(РОТЧЕВА).

Бываетъ время, — разгорится
Огнемъ Божественнымъ душа,
И все въ глазахъ позолотится
И вся природа хороша!
И люди добры — и въ объятья
Они бѣгутъ ко мнѣ какъ братья,
И какъ любовницу мою
Я ихъ цѣлую — ихъ люблю!
Бываетъ время, — одинокой
Брожу какъ остовъ межъ людей;
И какъ охотно, какъ далёко
Я ихъ бѣжалъ бы въ глушь степей!
Въ вертепъ, гдѣ львенка кормитъ львица,
Гдѣ нянчитъ тигръ своихъ дѣтей, —
Лишь только бъ не видать людей
И ихъ смѣющіяся лица!
Бываетъ время, — въ мракѣ ночи
Я робко прячуся отъ дня;
Но демонъ ищетъ тамъ меня...
Найдетъ — и прямо смотритъ въ очи!

—

РЕВНОСТЬ.

(ЩАСТНАГО).

Когда подсѣвъ къ тебѣ наединѣ
Рѣчей твоихъ вкушаю упоенье,
Зачѣмъ порой въ душевной глубинѣ
Является преступное сомнѣнье? —
Ты хочешь знать, зачѣмъ, какъ демонъ злой,
Я иногда тебя глазами мѣрю? —
Какой-то страхъ овладѣваетъ мной
И полнотѣ блаженства я невѣрю...
Такъ иногда при блескѣ торжества
Случается, уничиженье бродитъ;
Такъ иногда во храмѣ Божества
Мысль грѣшная намъ въ голову приходитъ.

—

КЪ Н . . . . Ѣ.

(ГОЛИЦЫНА).

Когда въ часъ веселый откроешь ты губки,
И мнѣ ты воркуешь нѣжнѣе голубки, —
Я съ трепетомъ внемлю, я весь внѣ себя!
Боясь проронить хоть единое слово
Молчу: — не желаю блаженства другова:
Все слушалъ бы, слушалъ и слушалъ тебя.
Но глазки сверкнули живѣе кристалловъ;
Жемчужные зубки блестятъ средь караллов;

Румянецъ въ ланитахъ ужъ началъ играть:
Теперь я смѣлѣе смотрю тебѣ въ очи,
Уста приближаю... и слушать нѣтъ мочи:
Хочу цѣловать, цѣловать, цѣловать! —

—

А. П. Л—ВОЙ.

(ДОМОНТОВИЧА).

Что поешь, краса дѣвица,
Пѣснь Италіи златой?
Очаруй меня пѣвица
Пѣсней родины святой:
Все родное къ сердцу ближе,
Сердце чувствуетъ сильнѣй:
Ну пропой же, ну начни-же, —
Соловей мой! соловей!

Тише лира, смолкни лира!
Вотъ пѣвица начала:
И со звуками клавира
Голосъ ангельскій слила;
Я сижу уединенно,
Взоръ покоится на ней, —
Безподобно! несравненно!
Соловей мой! соловей!

Вотъ актава за актавой,
Трель за трелью потекли,
И, какъ огненною лавой,
Сердце, грудь мою прожгли!..
Замираю постепенно,
Слезы льются изъ очей:
Безподобно, несравненно!
Соловей мой! соловей!..

—

ИЗЪ ГРЕЧЕСКОЙ АНѲОЛОГІИ.

(БАТЮШКОВА.)

Въ Лаисѣ нравится улыбка на устахъ,
Ея плѣнительны для сердца разговоры;
Но мнѣ милѣй ея потупленные взоры
И слезы горести внезапной на очахъ.
Я въ сумерки, вчера, одушевленный страстью,
У ногъ ея любви всѣ клятвы повторялъ,
И съ поцѣлуемъ къ сладострастью
На ложе роскоши тихонько увлекалъ...
Я таялъ и Лаиса млѣла...
Но вдругъ уныла, поблѣднѣла,
И слезы градомъ изъ очей!
Смущенный я прижалъ ее къ груди моей;
Что сдѣлалось, скажи, что сдѣлалось съ тобою?—
Спокойся, ничего, безсмертными клянусь;
Я мыслію была встревожена одною:
Вы всѣ обманчивы, и я — тебя страшусь...

—

ПОЭТЪ.

(ЯЗЫКОВА).

Радушно рабствуетъ поэту
Животворящая мечта;
Его любовному привѣту
Не вѣруй, дѣва-красота!
Раздумье лѣни или скуки
Пустую смѣсь обычныхъ сновъ,
Онъ рядитъ въ сладостные звуки,
Въ музыку мыслей и стиховъ;
А ты, мой чистый ангелъ рая,
Ты примешь, очи потупляя,
Ихъ гармоническую ложь;
Повѣришь слѣпо чувствамъ яснымъ,
И сердца трепетомъ прекраснымъ
Сердечный голосъ ты поймешь. —
Какъ мило взоръ его смиренный
Дичится взора твоего;
Кипятъ, тобою вдохновенны,
Восторги нѣжные его!

—

Уже давно подъ небесами
Ночная тѣнь и тишина;
Не спишь красавица? — Мечтами
Ты безпокойными полна!
Чуть видны блестки огневыя

Твоихъ лазоревыхъ очей,
Блуждаютъ кудри золотыя
По скатамъ дѣвственныхъ грудей,
Ланиты рдѣютъ пурпуровы,
Упали жаркія покровы
Съ младаго стана и колѣнъ...
Вотъ день — и блѣдная ты встала,
Ты не спала, ты все мечтала...
А онъ, таинственникъ Каменъ? —
Имъ не играли грезы ночи;
И бодръ и свѣжъ проснулся онъ,
И про любовь и черны очи
Уже выдумываетъ сонъ!

—

КВЕСТОРКА.

(ВЕРЕВКИНА).

Благовѣрно соблюдая
Съ возвращеніемъ весны
И обрядъ роднаго края
И обычай старины,
Нынче утромъ, словно птичка,
Красота земли чужой,
Молодая католичка
Залетѣла въ уголъ мой.

Хороша какъ Эсмиральда!
Какъ Май мѣсяцъ молода!

Какъ красавица Гаральда
Неприступна и горда!
Какъ подъ небомъ бирюзовымъ
Пальма южная — стройна!..
«Дайте сирымъ, дайте вдовымъ,»
Только молвила она.

И, на мигъ души унылой
Выше облакъ возлетя,
Я внималъ Квесторкѣ милой
Безгрѣховно, какъ дитя;
Мнѣ казалось, надо мною
Свѣтъ разлился, — и она
Въ свѣтъ влекла меня съ собою,
То румяна, то блѣдна.

Но потомъ... о, я не правый!..
Я благую цѣль забылъ, —
Человѣка бѣсъ лукавый
Соблазнилъ и искусилъ!..
И тогда-то сталъ я прахомъ,
И за взглядъ ея очей,
Будь султаномъ я, иль шахомъ,
Пашалыкъ бы бросилъ ей!

И тогда-то наслажденьемъ
Упиваясь и дыша,
Я воскликнулъ съ удивленьемъ:
«Мочи нѣтъ, какъ хороша!»

Но за то, за то, какъ зорко
Поглядѣла на меня
Черноглазая Квесторка —
Полька, полная огня!

Поглядѣла и умчалась!
Улетѣла на-всегда!..
Но гдѣ бъ сердце не скиталось,
Не забыть мнѣ никогда
Утро то, когда, какъ птичка,
Красота земли чужой,
Молодая католичка
Залетѣла въ уголъ мой.

—

СМУГЛЯНКА.

Пусть говорятъ, она дурна:
Смугла, какъ дикая цыганка,
И какъ затворница блѣдна;
Но мнѣ коварная смуглянка
Какъ память юности мила!
Она жива, стройна какъ Геба,
Ея улыбка весела
Какъ видъ безоблачнаго неба;
Какъ свѣжи у нея уста!
Какъ томный взоръ ея сверкаетъ,

Когда его любви мечта
Огнемъ желанья освѣщаетъ!
Какъ жемчугъ блещетъ рядъ зубовъ,
Какъ смоль чернѣютъ кудрей волны,
И голосъ, райскихъ звуковъ полный,
Отраденъ, сладокъ какъ любовь!
Въ ней все меня обворожаетъ:
Ея игривый, смѣлый умъ
Какой-то странностью плѣняетъ
И быстрой смѣсью важныхъ думъ
И дѣтскихъ мыслей, увлекаетъ.
Рѣзва, задумчива, нѣжна,
Добра, лукава, холодна;
То горделива, какъ свобода,
То вдругъ послушна, какъ раба,
То непритворна, какъ природа,
То непонятна, какъ судьба;
Она искусствомъ обладая,
Ежеминутно новой быть,
Умѣетъ сердце изтомить,
Себя по волѣ измѣняя!
Зато давно молва прошла,
Что будто Фея молодая,
Земныя страсти покидая,
Ей власть и прихоть отдала;
И съ той поры красой могучей
Все дышетъ и плѣняетъ въ ней,
И страстью жаркой и кипучей
Волнуетъ миръ души моей.

Я все, что носитъ имя счастья
И жизнь мою готовъ отдать,
Чтобъ на груди ея узнать
Взаимный трепетъ сладострастья,
Чтобъ въ бѣглыхъ, пламенныхъ словахъ
Услышать робкое признанье
И пить на розовыхъ устахъ
Ея душистое лобзанье!

—

MAMAN НЫНѢШНЯГО ВѢКА.

«Fi donc, Cateau! пустое говоришь!»
(Такъ дочку маменька журила!)

«C'est de l'amour: худѣешь и не спишь; —
Къ чему скрывать?... вѣдь я сама любила!..
Князь Юрій нравится?..» — Ну что, maman,
за мужъ!..
«Le général?..» — «Угрюмъ.» — «Полковникъ?..» «Неуклюжъ!..»
«Не ужто Bel-ami?.. (Maman шутя спросила;
А дочка глазки опустила.)
«Помилуй: прапорщикъ!..» — «Да много душъ,
Maman, — и молчаливъ.» - «Меня ты побѣдила!
Знать такъ судилъ Творецъ!..

А сколько?..» — «Тысячи двѣ слишкомъ!..»
«Grand Dieu! Пусть прапорщикъ! Пусть съ небольшимъ умишкомъ!
Христосъ съ тобою: подъ вѣнецъ!»

—

ИДИЛЛІЯ.

Лишь первый солнца лучъ за рощею блеснулъ—
Филлида, изъ ручья умывъ водицей щечки,
Пошла, какъ водится, сбирать въ лугу цвѣточки.
Вдругъ кто-то передъ ней вдали—въ кустахъ мелькнулъ...
И скрылся... Кто это? Филлидѣ страшно стало...
Въ кустахъ!.. она одна... Итти ли ей впередъ?
Подумала... пошла... И вотъ... идетъ... идетъ,
Какъ будто ничего. Она уже смѣкала,
Что вѣрно тамъ Даметъ—знакомый пастушекъ.
(А за Филлидою былъ маленькій грѣшокъ:
Она была смирна, да только страхъ лукава!)
Идетъ — и пѣсенку такъ нѣжно завела
И гордо такъ свою головку подняла,
Какъ будто-бы во всемъ была свята и права.
Пастушки таковы: онѣ всѣ fines-mouches;
Ихъ глазкамъ миленькимъ повѣрить страхъ опасно!
Въ минуту пастушка обманутъ,.. И къ тому жъ

Такъ ласково, хитро, такъ мило и прекрасно,
Что и сердиться грѣхъ!.. Но вотъ уже кусты
Недалеко... и къ нимъ Феллида ближе, ближе,
И локоны свила... на грудь кладетъ цвѣты.
(Ей это страхъ къ лицу!) — Головку клонитъ
ниже
За тѣмъ, чтобъ въ сторону смотрѣть изподти-
шка.
Вдругъ шорохъ... что-то вдругъ въ кустахъ
зашевелилось;
При случаяхъ такихъ бѣда недалека...
Филлида вздрогнула, и сердце въ ней забилось...
Куда ее завлекъ плѣнительный обманъ?..
Кто вышелъ изъ кустовъ?.. Даметъ?.. Ахъ,
нѣтъ! баранъ!...

—

Мнѣ, право, очень жаль, что глупая развязка,
Но я не виноватъ: все это быль, не сказка.

РУССКІЯ ДѢВУШКИ.

(ДЕРЖАВИНА.)

Зрѣлъ ли ты, пѣвецъ Тіискій
Какъ въ лугу весной бычка
Пляшутъ дѣвушки Россійски
Подъ свирѣлью пастушка?
Какъ склонясь главами, ходятъ,
Башмаками въ ладъ стучатъ,
Тихо руки, взоръ поводятъ,
И плечами говорятъ?
Какъ ихъ лентами златыми
Челы бѣлыя блестятъ,
Подъ жемчугами драгими
Груди нѣжныя дышатъ?
Какъ сквозь жилки голубыя
Льется розовая кровь,
На ланитахъ огневыя
Ямки врѣзала любовь?
Какъ ихъ брови соболины,
Полный искръ соколій взглядъ,
Ихъ усмѣшка — души львины
И орловъ сердца — разятъ?
Коль бы видѣлъ дѣвъ сихъ красныхъ:
Ты бъ Гречанокъ позабылъ,
И на крыльяхъ сладострастныхъ
Твой Эротъ прикованъ былъ.

—

ОТЕЦЪ И СЫНЪ ЕГО.

(ХЕМНИЦЕРА.)

Былъ-жилъ отецъ, имѣлъ онъ сына;
А сынъ его ужъ былъ дѣтина.
Онъ сыну говоритъ: «пора, мой сынъ, пора,
Для твоего добра,
Тебѣ жениться.
Къ тому же, дитятко! у насъ одинъ ты сынъ;
Да и во всей семьѣ остался ты одинъ.
Когда не женишься — весь родъ нашъ прекра-
тится,
Такъ и для этого ты долженъ бы жениться.
Ужъ я не разъ о томъ говаривалъ съ тобой
И напрямикъ, и стороной;
А ты мнѣ все въ отвѣтъ другое, да другое;
Помилуй! Что такое?
Я право говорить объ этомъ ужъ усталъ.»
— «Охъ, батюшка! давно и самъ я разсуждалъ,
Что мнѣ пора рѣшиться;
И я ужъ радъ жениться,
Какъ скоро лишь примѣръ найду,
Чтобъ жили мужъ съ женой въ ладу.»

—

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ТРАГЕДІИ:

ЭДИПЪ ВЪ АФИНАХЪ.

(ОЗЕРОВА).

ПОЛИНИКЪ.

Клянуся всѣмъ тебѣ, что свято въ мірѣ есть,
Что для тебя хочу я Ѳивскій скиптръ обрѣсть.

ЭДИПЪ.

Меня склонить къ себѣ ты тщетно уповаешь.
Сей скиптръ, который мнѣ столь щедро предлагаешь,
Не я ль оставилъ самъ; не я ли вамъ вручилъ?
Не я ли дней моихъ покой вамъ поручилъ,
Быть съ вами навсегда одной считавъ отрадой?
Неблагодарные! что было мнѣ наградой?
Презрѣнье, ненависть, изгнанье и позоръ!
Коль смѣешь, ты на мнѣ останови свой взоръ:
Зри ноги ты мои, скитавшись, изъязвленны;
Зри руки, милостынь прошеньемъ утомленны;
Ты зри главу мою лишенную волосъ,
Ихъ изсушила грусть и вѣтеръ ихъ разнесъ!
Тѣмъ временемъ тебя какъ услаждала нѣга,
Твой изгнанный отецъ, безъ пищи, безъ ночлега,
Не зналъ, куда главу несчастну преклонить;

По всюду долженъ былъ вашъ стыдъ съ собой
влачить.
И дебри темныя, и глубины пещерны,
Природа зрѣла вся злодѣйства безпримѣрны.
Иди, жестокій сынъ, усугубляй вины, —
Будь истребителемъ отеческой страны;
Союзниковъ своихъ веди противу брата, —
Яви еще примѣръ не слыханна разврата;
Но тамъ, у Ѳивскихъ стѣнъ, не тронъ тебѣ
готовъ:
Десница мстящая тамъ ждетъ тебя боговъ.
Отъ Ѳивскихъ областей удѣлъ тебѣ сражен-
ный,
Какъ безъ пристанища скитался въ жизни я,
По смерти будетъ такъ скитаться тѣнь твоя;
Безъ гроба будешь ты, тебя земля не приметъ,
Отъ нѣдръ отвергнетъ трупъ и смрадъ его обы-
метъ,
И призоветъ звѣрей, птицъ хищныхъ изъ лѣ-
совъ,
И домы подданныхъ твоихъ стрегущихъ псовъ.
Иди, бѣги; спѣши на ново преступленье.
Всѣхъ васъ я чуждъ; мнѣ дочь, семья и утѣ-
шенье!

—

ЧИЖЪ И ЗЯБЛИЦА.

(ДМИТТРІЕВА).

Чижъ свилъ себѣ гнѣздо, и сидя въ немъ поетъ:
«Ахъ! скороль солнышко взойдетъ,
И съ домикомъ меня застанетъ?
Ахъ! скоро ли оно проглянетъ?
Но вотъ ужъ и взошло! какъ тихо и красно!
Какая въ воздухѣ, въ дыханьѣ, въ жизни сладость!
Ахъ! я такого дня не видывалъ давно.»
Но безъ товарища и радость намъ не въ радость.
Желаешь для себя, а ищешь раздѣлить!
Любезна Зяблица! кричитъ мой Чижъ сосѣдкѣ,
Смиренно прикорнувшей къ вѣткѣ:
Что ты задумалась? давай-ка день хвалить!
Смотри какъ солнышко...» Но солнце вдругъ сокрылось,
И небо тучами отвсюду обложилось;
Всѣ птицы спрятались, кто въ гнѣзда, кто въ рѣку,
Лишь галки стаями гуляютъ по песку,
И крикомъ бурю вызываютъ;
Да ласточки еще надъ озеромъ летаютъ;
Быкъ, шею вытянувъ, подъ плугомъ заревѣлъ;
А конь, поднявши хвостъ и разметавши гриву,
Ржетъ, пышетъ и летитъ чрезъ ниву.

И вдругъ ужасный вихрь со свистомъ возшу-
мѣлъ,
Со трескомъ грянулъ громъ, ударилъ дождь со
градомъ,
И пали пастухи со стадомъ.
Потомъ прошла гроза и солнце разцвѣло,
Все стало ярче и свѣтлѣе,
Цвѣты душистѣе, деревья зеленѣе, —
Лишь домикъ у Чижа куда-то занесло.
О бѣдненькій мой Чижъ! Онъ, мокрыми кры-
лами
Насилу шевеля, къ сосѣдушкѣ летитъ,
И ей со вздохомъ и слезами,
Носокъ повѣся, говоритъ:
«Ахъ! всякъ своей бѣдой ума себѣ прикупитъ:
Впредь утро похвалю, какъ вечеръ ужъ насту-
питъ.»

—

ГОЛОСЪ СЪ ТОГО СВѢТА.

(ЖУКОВСКАГО).

Не узнавай, куда я путь склонила,
Въ какой предѣлъ изъ міра перешла...
О другъ, я все земное совершила:
Я на землѣ любила и жила.

Нашла ли ихъ? Сбылись ли ожиданья?..
Безъ страха вѣрь; обмана сердцу нѣтъ:

Сбылося все; я въ сторонѣ свиданья;
И знаю *здѣсь*, сколь *вашъ* прекрасенъ свѣтъ.

Другъ, на *землѣ* великое не тщетно;
Будь твердъ, а *здѣсь* тебѣ не измѣнятъ;
О милый, *здѣсь* не будетъ безъотвѣтно
Ничто, ничто: ни мысль, ни вздохъ, ни взглядъ.

Не унывай: минувшее съ тобою;
Не зрима я, но въ мірѣ мы одномъ;
Будь вѣренъ мнѣ прикрасною душою;
Сверши *одинъ* начатое *вдвоемъ*.

—

МОРЕ.

(ЖУКОВСКАГО).

Безмолвное море, лазурное море,
Стою очарованъ надъ бездной твоей.
Ты живо; ты дышешь; смятенной любовью,
Тревожною думой наполнено ты.
Безмолвное море, лазурное море,
Открой мнѣ глубокую тайну твою:
Что движетъ твое необъятное лоно?
Чѣмъ дышетъ твоя напряженная грудь?
Иль тянетъ тебя изъ земныя неволи
Далекое, свѣтлое небо къ себѣ?..
Таинственной, сладостной полное жизни,

Ты чисто въ присутствіи чистомъ его;
Ты льешься его свѣтозарной лазурью;
Вечернимъ и утреннимъ свѣтомъ горишь,
Ласкаешь его облака золотыя
И радостно блещешь звѣздами его.
Когда же сбираются темныя тучи,
Чтобъ ясное небо отнять у тебя —
Ты бьешься, ты воешь, ты волны подъемлешь;
Ты рвешь и терзаешь враждебную мглу...
И мгла исчезаетъ и тучи уходятъ;
Но полное прошлой тревоги своей,
Ты долго вздымаешь испуганны волны,
И сладостный блескъ возвращенныхъ небесъ
Не вовсе тебѣ тишину возвращаетъ;
Обманчивъ твоей неподвижности видъ:
Ты въ безднѣ покойной скрываешь смятенье,
Ты, небомъ любуясь, дрожишь за него.

—

МАДРИГАЛЪ.

(ДМИТРІЕВА).

Задумчива ли ты, смѣешься, иль поешь,
О, Хлоя милая! ты всѣмъ меня прельщаешь:
Часамъ ты крылья придаешь,
А у любви ихъ похищаешь.

—

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПОВѢСТИ

ХАДЖИ-АБРЕКЪ.

(ЛЕРМОНТОВА).

Развеселить его * желая,
Лейла бубенъ свой беретъ;
Въ него перстами ударяя,
Лезгинку пляшетъ и поетъ.
Ея глаза, какъ звѣзды блещутъ,
И груди полныя трепещутъ.
Восторгомъ дѣтскимъ, но живымъ,
Душа невинная объята.
Она кружится передъ нимъ
Какъ мотылекъ въ лучахъ заката,
И вдругъ звенящій бубенъ свой
Подъемлетъ бѣлыми руками,
Вертитъ его надъ головой,
И тихо черными очами
Поводитъ,—и, безъ словъ, уста
Хотятъ сказать улыбкой милой:
«Развеселись, мой гость унылой,
«Судьба и горе — все мечта!»

ХАДЖИ-АБРЕКЪ.

Довольно! Перестань, Лейла;
На мигъ веселость позабудь:

* Хаджи-Абрека.

Скажи, ужель когда-нибудь
О смерти мысль не приходила
Тебя тревожить? Отвѣчай.

ЛЕИЛА.

Нѣтъ! Что̀ мнѣ хладная могила?
Я на землѣ нашла свой рай.

—

ТРИ ПѢСНИ.

(ЖУКОВСКАГО.)

Споетъ ли мнѣ пѣсню веселую Скальдъ?
Спросилъ, озираясь, могучій Освальдъ.
И Скальдъ выступаетъ на царскую рѣчь,
Подъ мышкою арфа, на поясѣ мечъ.

«Три пѣсни я знаю: въ одной старина.
«Тобою, могучій, забыта она;
«Ты самъ ее въ лѣсѣ дремучемъ сложилъ;
«Та пѣсня: *отца моего ты убилъ.*

«Есть пѣсня другая: ужасна она;
«И мною подъ бурей ночной сложена;
«Пою ее раннеи и позднеи порой;
«И пѣсня та: *бейся, убійца, со мной!*»

Онъ въ сторону арфу, и мечъ наголо;
И бѣшенство грозныя лица зажгло;
Запрыгали искры по звонкимъ мечамъ —
И рухнулъ Освальдъ голова по поламъ.

«Раздайся жъ, послѣдняя пѣсня моя;
«Ту пѣсню и утромъ и вечеромъ я
«Гремѣть не устану предъ дѣвой любви;
«Та пѣсня: *убійца поверженъ въ крови.*»

—

ЭПИГРАММЫ.

(БАТЮШКОВА.)

I.

Сокроемъ навсегда отъ зависти людей
Восторги пылкіе и страсти упоенья;
Какъ сладокъ поцѣлуй въ безмолвіи ночей,
Какъ сладко тайное любови наслажденье!

II.

Тебѣ ль оплакивать утрату юныхъ дней?
Ты въ красотѣ не измѣнилась,
И для любви моей
Отъ времени еще прелестнѣе явилась.
Твой другъ не дорожитъ неопытной красой,

Незрѣлой въ таинствахъ любовнаго искусства.
Безъ жизни взоръ ея стыдливый и нѣмой,
И робкій поцѣлуй безъ чувства.
Но ты, владычица любви,
Ты страсть вдохнешь и въ мертвый камень;
И въ осень дней твоихъ не погасаетъ пламень,
Текущій съ жизнію въ крови.

III.

Изнемогаетъ жизнь въ груди моей остылой,
Конецъ борепію; увы, всему конецъ!
Киприда и Эротъ, мучители сердецъ!
Услышьте голосъ мой послѣдній и унылой.
Я вяну и еще мученія терплю;
Полмертвый, но сгараю.
Я вяну, но еще такъ пламенно люблю,
И безъ надежды умираю!
Такъ жертву обхвативъ кругомъ,
На алтарѣ огонь блѣднѣетъ, умираетъ,
И вспыхнувъ ярче предъ концомъ,
На пеплѣ погасаетъ!

—

ДЕМЬЯНОВА УХА.

(КРЫЛОВА).

«Сосѣдушка мой свѣтъ!
Пожалуй-ста покушай.»
Сосѣдушка! я сытъ по горло. «Нужды нѣтъ;
Еще тарелочку; послушай,
Ушица ей-же-ей на славу сварена!»
Я три тарелки съѣлъ. «И полно! что за счеты!
Лишь стало бы охоты,
А то во здравье! ѣшь до дна.
Что за уха! да какъ жирна!
Какъ будто янтаремъ подернулась она.
Потѣшь же миленькій дружечекъ!
Вотъ лещикъ, потроха, вотъ стерляди кусочекъ!
Еще хоть ложечку! да кланяйся жена!»
Такъ подчивалъ сосѣдъ Демьянъ, сосѣда Фоку.
И не давалъ ему ни отдыха, ни сроку.
А съ Фоки ужъ давно катился градомъ потъ.
Однако же еще тарелку онъ беретъ,
Сбирается съ послѣдней силой,
И очищаетъ всю. «Вотъ друга я люблю,
Вскричалъ Демьянъ, — за то ужъ чванныхъ не терплю.
Ну, скушай же еще тарелочку, мой милой!»
Тутъ бѣдный Ѳока мой,
Какъ не любилъ уху, но отъ бѣды такой,
Схватя въ охабку
Кушакъ и шапку

Скорѣй безъ памяти домой,
И съ той поры къ Демьяну ни ногой.

Писатель! счастливъ ты коль даръ прямой
имѣешь;
Но если помолчать во время не умѣешь,
И ближняго ушей ты не жалѣешь:
То вѣдай, что твои и прозы и стихи
Тошнѣе будутъ всѣмъ Демьяновой ухи.

—

ВСТРѢЧА ДВУХЪ ПОДРУГЪ.

(ИЗМАЙЛОВА.)

Двѣ дамы встрѣтились въ рядахъ.
«Ахъ!
Прасковья Марковна! Вы ль это?»
— Я, Анна Дмитревна, вотъ нынѣшнее лѣто
Изъ Твери приплыла. — «Ахъ, Боже мой!
лѣтъ пять
Мы съ вами не видались.
Привелъ же Богъ увидѣться опять.»
(Тутъ три раза онѣ поцѣловались.)
«Какъ рада я!.. Но какъ перемѣнились вы!
Ужасно похудѣли!..»
— И вы не очень подобрѣли! —
«Конечно, замужемъ?» — Увы!

Четвертый годъ... — «А кто супругъ вашъ?
— Крючкотворецъ,
Совѣтникъ Праволовъ; богатъ, но страхъ какъ
скупъ,
Ревнивъ!.. — «А у меня и старъ, и глупъ
И къ этому же стихотворецъ!»
Я въ заперти живу; не вижу и людей;
Взгляну-ль въ окно — и онъ шумитъ, кричитъ,
ругаетъ... —
«А у меня такой злодѣй:
И день и ночь все мнѣ стихи свои читаетъ!»
Скажу вамъ: мужъ мой вѣдь вдовецъ;
Онъ былъ женатъ, не знаете ль? на Ленской,—
И уморилъ ее! — «А мой-то молодецъ
Двухъ женъ отправилъ ужъ къ Смоленской.
Представьте: первая сошла совсѣмъ съ ума;
Въ чахотку онъ вогналъ вторую;
Не знаю право и сама
Отъ виршей чувствую тоску такую...»
— Смотрите! вслѣдъ за мной ревнивецъ мой
бѣжитъ;
Не дастъ поговорить мнѣ съ вами! —
И мой вонъ тащится!.. Душа такъ и дрожитъ...
Ахъ, Боже мой! и со стихами!»
Ревнивецъ прибѣжалъ. «Парашенька другъ мой!
Какъ ты замѣшкалась! Пора, пора домой!
Что жь стала?» — Не браните;
Я встрѣтилась вотъ здѣсь съ подругою моей;
Пять лѣтъ мы не видались съ ней,

А вмѣстѣ выросли... — «Какъ радъ я!.. Извините..
Рекомендуюсь вамъ... имѣю честь...
Однако же часовъ ужъ шесть...»
— А у меня посланье есть!
(Вскричалъ, къ нимъ подошедши
Риѳмачъ сѣдой и сумасшедшій)
Анюта, знаешь ли? тебѣ я написалъ
Прелестный мадригалъ.
Послушай...» — Батюшка! да постыдись народу
И дай съ знакомыми ты мнѣ поговорить.»
— А смѣю васъ, сударь, спросить,
Читали ли вы оду
На погребеніе Прибыткина купца?
У Холмогорскаго пѣвца
Ей Богу нѣтъ такой! Войдемъ-те въ эту лавку;
Я оду вамъ прочту, да притчей пять въ прибавку. —
Сказалъ и за воротъ совѣтника схватилъ;
А тотъ хоть изумился,
Но за руку жену съ собою потащилъ.
Народъ предъ лавкою столпился
И по гостиному двору прохода нѣтъ.
Безсовѣстный поэтъ
Что силы есть стихи читаетъ,
Жена напрасно унимаетъ,
Купецъ изъ лавки выгоняетъ
Сидѣлецъ головой качаетъ —
Онъ ничего не примѣчаетъ,

А все читаетъ, да читаетъ
И отъ себя ревнивца не пускаетъ.
Тотъ все молчалъ, молчалъ;
Но напослѣдокъ закричалъ:
Ой караулъ! — и побѣжалъ.
Риѳмачь за нимъ — кричитъ: *держи! держите!*
Я притчей не читалъ еще, а вы бѣжите!
И оба скрылися изъ глазъ.
Ну, матушка, такихъ проказъ
(Прасковья Марковна сказала)
Признаться я не ожидала.
Мой Петръ Кандратьѐвичь ревнивъ,
Взыскателенъ, сварливъ:
Но все сноснѣй, чѣмъ вашъ мучитель.»

Я самъ, къ несчастью, сочинитель;
Писать стихи люблю
И ужъ никакъ не утерплю,
Чтобъ не читать *друзьямъ* свои стихотворенья;
А бѣдная моя жена —
Пошли ей, Господи, терпѣнья! —
Хотя не хочетъ, но должна
Сидѣть и слушать, какъ читаю басни, сказки —
Молчитъ, голубушка и только щуритъ глазки.
Ахъ, знаю по себѣ, что всякой метроманъ
Жены своей тиранъ.

—

ЭПИГРАММА.

(ИЗМАЙЛОВА.)

Прелеста овдовѣла
И плачетъ въ два ручья. Бѣдняшку очень жаль:
Предъ смертью мужниной она купила шаль
И обновить ее къ несчастью не успѣла.

—

ГОВОРУНЪ.

(ХМЕЛЬНИЦКАГО).

ЛИЗА И ГРАФЪ ЗВОНОВЪ.

ГРАФЪ ЗВОНОВЪ, (не видя Лизы).

По чести пресмѣшно! и ѣздить и ходить,
Не встрѣтя никого, чтобъ съ кѣмъ поговорить!
Увидѣвшись съ людьми, садишься, отдыхаешь,
Толкуешь, говоришь, и что нибудь узнаешь.
Графъ Чвановъ, напримѣръ, мнѣ графъ старин-
ный другъ;
Заѣхалъ къ графу я—а графу недосугъ!
Графини дома нѣтъ, и чтожъ? Вообразите...

ЛИЗА.

Позвольте васъ спросить, вы съ кѣмъ здѣсь го-
ворите?

ГР. ЗВОНОВЪ.

А, а, здорова ли? — Все къ лучшему идетъ?
Здорова, очень радъ, я зналъ то напередъ.
А барыня твоя? — Какое приключенье!
Представь, она сей часъ дала мнѣ порученье —
Заѣхать къ Лелевой—кой что ей разсказать.
Бѣгу; скачу, лечу, — и могъ ли ожидать!
Когда бъ я не былъ самъ, я счелъ бы то за
враки,
Я въ домѣ не нашелъ ни бѣшеной собаки;
Все пусто, заперто, не встрѣтился ни съ кѣмъ,
И ѣздивъ по нуждѣ — пріѣхалъ я ни съ чѣмъ!
Вчера я точно жъ такъ кружился по неволѣ;
Съ разсвѣтомъ поскакалъ къ обѣднѣ я къ Ни-
колѣ;
Обѣдня кончилась — поѣхалъ я въ Сенатъ;
Оттуда во дворецъ, оттуда въ Лѣтній садъ,
Изъ сада къ Знаменью, отъ Знаменья въ Мор-
скую,
Съ Морской въ Фурштатскую, съ Фурштат-
ской на Сѣнную,
Съ Сѣнной въ Литейную, съ Литейной на Пе-
ски,
Съ Песковъ въ Садовую, — какіе все скачки!
Съ Садовой къ Гавани, изъ Гавани къ Почтам-
ской,
Съ Почтамской къ Невскому, изъ Невскаго къ
Казанской;
Оттуда поскакалъ, объѣхалъ острова,

Отъ мысли сей одной кружится голова!
Я мигомъ облетѣлъ Васильевскій, Петровскій,
Елагинъ, Каменный, Аптекарскій, Крестовскій,
Съ Крестовскаго...

ЛИЗА, (съ живостью перебивая).

И я — сегодня точно жъ
такъ
Бросалась безъ ума разъ двадцать на чердакъ,
Оттуда въ лавочку, изъ лавочки въ людскую,
Оттуда въ погреба, оттуда въ кладовую.
Лишь съ лѣстницы сбѣгу — на лѣстницу опять;
Кричатъ: бѣги, подай, умѣй лишь успѣвать;
И мой, и шей, и гладь, чтобъ мигомъ все по-
спѣло!
Но къ счастью, наконецъ спроворила я дѣло,
Пока у барыни — одинъ изъ жениховъ,
Извѣстный очень графъ и страшный красно-
словъ, —
Болталъ, болталъ, болталъ — весь домъ при-
велъ въ тревогу;
Но вспомня, что онъ гость — убрался слава
Богу!
И барыня моя, не встрѣтиться чтобъ съ нимъ,
На цѣлый день, сударь, уѣхала къ роднымъ!

ГР. ЗВОНОВЪ.

Ты слишкомъ, кажется, изволила забыться;
Такъ дерзко отвѣчать — мнѣ всякой побоится,
И если бъ менѣе Прелесту я цѣнилъ —

Я бъ тотчасъ показалъ... Но я тебя простилъ,
Совѣтую впередъ, чтобъ не нажить худова,
Съ почтеньемъ отвѣчать, или не пикнуть слова.
Нѣтъ! даръ молчанія наука не по насъ,
И въ этомъ я пошлюсь — на перваго на васъ.

гр. звоновъ.

И такъ за дерзости накажешься ты строго;
Такихъ, какъ я, людей, конечно здѣсь не много,
И это угадать могла бы ты сама;
Но я не виноватъ, что нѣтъ въ тебѣ ума.
Прелесту дѣлаю я знатной госпожею;
Я буду мужемъ ей, она моей женою;
Я скоро генералъ, сомнѣнья въ этомъ нѣтъ,
Меня ль не произвесть? Я въ службѣ двадцать лѣтъ.
Смѣшно бы оказать Модесту предпочтенье;
Я вѣрно передъ нимъ... Но что тутъ за сравненье!...
Женитьбой услужить я могъ бы и другимъ:
Вѣтранѣ, Лелевой, я ими страхъ любимъ!
Но впрочемъ для меня Прелеста ихъ милѣе:
Не такъ хоть хороша, за она умнѣе,
Добра, ловка, скромна,—и трудно что сыскать—
Не любитъ никогда ни спорить, ни болтать.

лиза.

Я васъ благодарю за ваше снисхожденье;
Какая честь для насъ! Какое одолженье!

—

КЪ УЕДИНЕННОЙ КРАСАВИЦѢ.

(КН. ВЯЗЕМСКАГО.)

Какъ роза свѣжая одна благоухаетъ
Въ угрюмой тишинѣ полунощныхъ степей;
Какъ пѣснью сладостной въ часъ утра оглашаетъ
Дубравы мертвыя пустынный соловей;
Какъ драгоцѣнный перлъ, волнами поглощенный,
Скрывается отъ глазъ на жадномъ днѣ морей,
Такъ сиротѣетъ здѣсь, въ странѣ уединенной,
Богиня красоты безъ жертвъ и алтарей.

—

ВЪ АЛЬБОМЪ.

(КН. ВЯЗЕМСКАГО.)

Какъ надпись хладная на камнѣ гробовомъ
Вниманье путника невольно пробуждаетъ,
Пускай въ твоихъ листахъ объ имени моемъ
Мой сѣтующій стихъ тебѣ напоминаетъ;
Пусть скажетъ: «Брошенный на произволъ судьбѣ,
Подъ дальнимъ небомъ зритъ онъ чуждое свѣтило;

Но все, что̀ жизнью сердца было
И сердце самое оставилъ при тебѣ! »

—

ГОСТЬЯ НЕ НАДОЛГО.

(Ѳ. ГЛИНКИ).

Дорида! ты свѣжа, какъ молодой цвѣтокъ;
Твой станъ, какъ стебель розы гибкой:
Какъ ты мила своею дѣтскою улыбкой,
Легка, какъ на лугахъ душистый вѣтерокъ.
Волшебница! кругомъ тебя очарованье!
Онъ сладокъ мнѣ, какъ жизнь, съ тобой свиданья часъ!
И груди молодой, подъ дымкой, трепетанье
И тихій свѣтъ прекрасныхъ глазъ
(Въ нихъ *что*-то милое, небесное свѣтлѣетъ)
И русые власы... и все въ тебѣ краса!
Но предъ тобой желанье цѣпенѣетъ,
И страсть къ тебѣ чиста, какъ небеса.
Моя душа твою, Дорида! душу слышитъ:
О другъ земной! въ тебѣ небесный ангелъ дышетъ,
Онъ прилетѣлъ съ надзвѣздной вышины
И, притаясь, живетъ подъ тлѣнной пеленою.
И отъ тебя, какъ отъ младой весны,
Мнѣ вѣетъ нѣгой неземною..

Но, милый другъ! мнѣ въ мысль приходитъ иногда,
Что на землѣ небесное непрочно,
Что ты у насъ, какъ будто ненарочно,
И что зовутъ тебя *туда*!..

—

ГУСАРЪ.

(ДАВЫДОВА.)

Напрасно думаете вы,
Что бы гусаръ, питомецъ славы,
Любилъ лишь только бой кровавый
И былъ отступникомъ любви.
Амуръ не вѣчно пастушкомъ
Въ свирель безъ умолка играетъ:
Онъ часто, скучивъ посошкомъ,
Съ гусарской саблею гуляетъ;
Онъ часто храбрости огонь
Любовнымъ пламенемъ питаетъ —
И тѣмъ милѣй бываетъ онъ!
Онъ часто съ грознымъ барабаномъ
Мѣшаетъ звукъ любовныхъ словъ.
Онъ такъ и намъ подъ доломаномъ
Веселяетъ звѣрство и любовь.
Въ насъ сердце не всегда желаетъ
Услышать стонъ, увидѣть бой, —

Ахъ! часто и гусаръ вздыхаетъ,
И въ киверѣ его весной
Голубка гнѣздышко свиваетъ.

—

НАѢЗДНИЦА.

(БЕНЕДИКТОВА.)

Люблю я Матильду, когда Амазонкой
Она воцарится надъ дамскимъ сѣдломъ,
И дергаетъ поводъ упрямой рученкой
И дѣйствуетъ буйно визгливымъ хлыстомъ.
Гордяся усѣстомъ красивымъ и плотнымъ,
Изъ рѣзвыхъ очей разсыпая огонь,
Она — властелинка надъ статнымъ животнымъ,
И дѣвѣ покоренъ неистовый конь, —
Скрежещетъ объ сталь сокрушительнымъ зубомъ,
И млечная пѣна сливается клубомъ,
И шея крутится упорнымъ кольцомъ.
Красавецъ! — подъ дѣвой онъ топчется, пляшетъ,
И мордой мотаетъ и гривою машетъ,
И ноги, какъ нехотя, мечетъ потомъ,
И скупо идетъ охотливою рысью,
И въ рѣзвыхъ подскокахъ на мягкомъ сѣдлѣ,
Сердечно довольная тряскою высью,
Наѣздница въ пыльной рисуется мглѣ:
На губкахъ пунцовыхъ улыбка сверкаетъ,

А ножка-малютка вся въ стремя впилась;
Матильда въ галопъ бѣгуна подымаетъ
И зыблется, хитро на немъ избочась,
И носится вихремъ, пока утомленье
На свѣтлые глазки набросить туманъ;
Матильда спрыгнула — и въ сладкомъ волненьи
Кидается бурно на пышный диванъ.

—

ВОЗЬМИТЕ МЕЧЪ.

(ДАВЫДОВА.)

Возьмите мечъ — я не достоинъ брани!
Сорвите лавръ съ чела — онъ страстью помраченъ!
О боги Паѳоса! окуйте мощны длани
И робкимъ плѣнникомъ въ постыдный риньте плѣнъ!
Я вашъ. И кто не воспылаетъ?
Кому не пишется любовью приговоръ,
Какъ длинныя она рѣсницы подымаетъ
И пышетъ страстью взоръ?
Когда Харитой улыбнется,
Или въ ночной тиши
Воздушнымъ призракомъ несется,
Иль, непреклонная, надъ чувствами смѣется
Обуреваемой души!
О вы, которыя здѣсь прелестьми гордитесь!

Не вамъ ужъ болѣе покорствуетъ любовь,
Взгляните на нее и сердцемъ содрогнитесь:
Она владычица и смертныхъ и боговъ!
Ахъ! пусть богъ Ѳракіи мнѣ срамомъ угрожаетъ,
И потрясая лавръ, манитъ еще къ боямъ,
Воспитанникъ побѣдъ прахъ ногъ ея лобзаетъ,
И говоритъ: «прости!» торжественнымъ вѣнкамъ...
Но кто сей юноша блаженный,
Который будетъ пить дыханье воспаленно
На тающихъ устахъ,
Познаетъ млѣнье чувствъ въ потупленныхъ очахъ
И на груди ея воздремлетъ утомленной?

—

ТЕБѢ ЛЕГКО.

(ДАВЫДОВА.)

Тебѣ легко — ты весела,
Ты радостна, какъ утро Мая,
Ты рѣзвишься, не вспоминая,
Какую клятву мнѣ дала!..
Ты права. Какъ отъ упоенья,
Въ чаду кадильницъ не забыть
Обѣтъ, который, можетъ быть,
Ты бросила отъ нетерпѣнья!
Я, я...? Я жалуюсь безжалостной судьбѣ.

Я плачу, какъ дитя, припикнувъ къ изголовью,
Мечусь по ложу сна, терзаемый любовью,
И мыслю о тебѣ... и объ одной тебѣ!

—

ПРИМѢТЫ.

(ПУШКИНА).

Я ѣхалъ къ вамъ: живые сны
За мной вились толпой игривой,
И мѣсяцъ съ правой стороны
Сопровождалъ мой бѣгъ ретивой.

Я ѣхалъ прочь: иные сны...
Душѣ влюбленной грустно было,
И мѣсяцъ съ лѣвой стороны
Сопровождалъ меня уныло.

Мечтанью вѣчному втиши
Такъ предаемся мы, поэты;
Такъ суевѣрныя примѣты
Согласны съ чувствами души.

—

КРАСАВИЦА.

(ПУШКИНА.)

Все въ ней гармонія, все диво,
Все выше міра и страстей:

Она покоится стыдливо
Въ красѣ торжественной своей;
Она кругомъ себя взираетъ:
Ей нѣтъ соперницъ, нѣтъ подругъ;
Красавицъ нашихъ блѣдный кругъ
Въ ея сіяньѣ исчезаетъ.

Куда бы ты не поспѣшалъ,
Хоть на любовное свиданье,
Какое бъ въ сердцѣ ни питалъ
Ты сокровенное мечтанье;
Но встрѣтясь съ ней, смущенный, ты,
Вдругъ остановишься невольно,
Благоговѣя богомольно
Передъ святыней красоты.

—

ЭЛЕГІЯ.

(ПУШКИНА).

Простишь ли мнѣ ревнивыя мечты,
Моей любви безумное волненье?
Ты мнѣ вѣрна: за чѣмъ же любишь ты
Всегда пугать мое воображенье?
Окружена поклонниковъ толпой,
Зачѣмъ для всѣхъ казаться хочешь милой,
И всѣхъ даритъ надеждою пустой
Твой чудный взоръ, то нѣжный, то унылой?
Мной овладѣвъ, мнѣ разумъ омрачивъ,

Увѣрена въ любви моей несчастной,
Не видишь ты, когда, въ толпѣ ихъ страстной
Бесѣды чуждъ, одинъ и молчаливъ,
Терзаюсь я досадой одинокой;
Ни слова мнѣ, ни взгляда... другъ жестокой!
Хочу ль бѣжать: съ боязнью и мольбой
Твои глаза не слѣдуютъ за мной.
Заводитъ ли красавица другая
Двусмысленный со мною разговоръ:
Спокойна ты; веселый твой укоръ
Меня мертвитъ, любви не выражая.
Скажи еще: соперникъ вѣчный мой,
Наединѣ заставъ меня съ тобой,
Зачѣмъ тебя привѣтствуетъ лукаво?..
Что жъ онъ тебѣ? Скажи, какое право
Имѣетъ онъ блѣднѣть и ревновать?..
Въ нескромный часъ межъ вечера и свѣта,
Безъ матери, одна, полуодѣта,
Зачѣмъ его должна ты принимать?..
Но я любилъ... Наединѣ со мною
Ты такъ нѣжна! Лобзанія твои
Такъ пламенны! Слова твоей любви
Такъ искренно полны твоей душою!
Тебѣ смѣшны мученія мои;
Но я любимъ, тебя я понимаю.
Мой милый другъ, не мучь меня, молю:
Не знаешь ты, какъ сильно я люблю,
Не знаешь ты, какъ тяжко я страдаю.

—

КЪ МОРѲЕЮ.

(А. ПУШКИНА).

Морѳей до утра дай отраду
Моей мучительной любви.
Приди, задуй мою лампаду,
Мои мечты благослови!
Сокрой отъ памяти унылой
Разлуки страшной приговоръ!
Пускай увижу милый взоръ,
Пускай услышу голосъ милой.
Когдажъ умчится ночи мгла
И ты мои покинешь очи,
О если бы душа могла
Забыть любовь до новой ночи!

—

НЕРЕИДА.

(ПУШКИНА).

Среди зеленыхъ волнъ, лобзающихъ Тавриду,
На утренней зарѣ я видѣлъ Нереиду,
Сокрытый межъ деревъ, едва я смѣлъ дохнуть:
Надъ ясной влагою полубогиня грудь
Младую, бѣлую — какъ лебедь, воздымала
И пѣну изъ власовъ струею выжимала.

—

ДЛЯ БЕРЕГОВЪ ОТЧИЗНЫ ДАЛЬНОЙ.

(ПУШКИНА).

Для береговъ отчизны дальной
Ты покидала край чужой;
Въ часъ незабвенный, въ часъ печальной
Я долго плакалъ предъ тобой.
Мои хладѣющія руки
Тебя старались удержать,
Томленья страшнаго разлуки
Мой стонъ молилъ не прерывать;
Но ты отъ горькаго лобзанья
Свои уста оторвала;
Изъ края мрачнаго изгнанья
Ты въ край иной меня звала.
Ты говорила — въ день свиданья
Подъ небомъ вѣчно голубымъ,
Въ тѣни оливъ, любви лобзанья
Мы вновь, мой другъ, соединимъ.

Но тамъ, увы, гдѣ неба своды
Сіяютъ въ блескѣ голубомъ,
Гдѣ подъ скалами дремлютъ воды
Заснула ты послѣднимъ сномъ.
Твоя краса, твои страданья
Исчезли въ урнѣ гробовой —
А съ нимъ и поцѣлуй свиданья...
Но жду его: онъ за тобой...

—

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ КОМЕДІИ:

ГОРЕ ОТЪ УМА.

(ГРИБОѢДОВА).

ЧАЦКІЙ.

Чуть свѣтъ, ужъ на ногахъ, и я у вашихъ ногъ!
(Съ жаромъ цѣлуетъ ея руку.)
Ну, поцѣлуйте-же! Не ждали? Говорите:
Что-жъ, рады? Нѣтъ? Въ лицо мнѣ посмотрите!
Удивлены? И только? Вотъ пріемъ!
Какъ будто не прошло недѣли,
Какъ будто-бы вчера, вдвоемъ
Мы мочи нѣтъ другъ другу надоѣли!
Ни на волосъ любви! Куда какъ хороши!
А между тѣмъ, не вспомнюсь, безъ души
Я сорокъ пять часовъ, глазъ мигомъ не прищуря,
Верстъ больше семи сотъ пронесся — вѣтеръ, буря —
И растерялся весь, и падалъ сколько разъ —
И вотъ за подвиги награда!

СОФЬЯ.

Ахъ! Чацкій! я вамъ очень рада!

ЧАЦКІЙ.

Вы рады? Въ добрый часъ!
Однакожъ, искренно: кто радуется этакъ!
Мнѣ кажется, что напослѣдокъ,

Людей и лошадей знобя,
Я только тѣшилъ самъ себя.

ЛИЗА.

Вотъ, сударь, если-бы вы были за дверями —
Ей Богу, нѣтъ пяти минутъ,
Какъ поминали мы васъ тутъ.
Сударыня! скажите сами.

СОФЬЯ.

Всегда, не только что теперь.
Не можете вы сдѣлать мнѣ упрека.
Кто промелькнетъ, отворитъ дверь
Проѣздомъ, случаемъ, изъ-чужа, издалека,
Съ вопросомъ я — хоть будь морякъ —
Не повстрѣчалъ-ли гдѣ въ почтовой васъ ка-
ретѣ?

ЧАЦКІЙ.

Положимъ-те, что такъ.
Блаженъ, кто вѣруетъ — тепло ему на свѣтѣ!
Ахъ! Боже мой! уже-ль я *здѣсь* опять,
Въ Москвѣ, у васъ? Да, какъ-же васъ узнать!
Гдѣ время то, гдѣ возрастъ тотъ невинный,
Когда бывало, въ вечеръ длинный,
Мы съ вами явимся, изчезнемъ, тутъ и тамъ,
Играемъ и шумимъ по стульямъ и столамъ...
Или вашъ батюшка съ мадамой за пикетомъ,
Мы въ темномъ уголкѣ, и кажется, что въ
этомъ?

Вы помните — вздрогнемъ, чуть скрыпнетъ столикъ, дверь...

СОФЬЯ.

Ребячество!

ЧАЦКІЙ.

Да-съ, а теперь,
Въ семнадцать лѣтъ, вы разцвѣли прелестно,
Неподражаемо, и это вамъ извѣстно,
И потому скромны, не смотрите на свѣтъ.
Не влюблены-ли вы? Прошу мнѣ дать отвѣтъ,
Безъ думы — полно-те смущаться!

СОФЬЯ.

Да, хоть кого смутятъ
Вопросы быстрые и любопытный взглядъ.

ЧАЦКІЙ.

Помилуйте! не вамъ, чему же удивляться?
Что новаго покажетъ мнѣ Москва?
Вчера былъ балъ, а завтра будетъ два;
Тотъ сватался—успѣлъ, а тотъ —далъ промахъ;
Все тотъ-же толкъ, и тѣ жъ стихи въ альбомъ!

СОФЬЯ.

Гоненье на Москву! Что значитъ видѣть свѣтъ!
Гдѣ-жъ лучше?

ЧАЦКІЙ.

Гдѣ насъ нѣтъ!
Ну, что вашъ батюшка? Все Англійскаго клоба

Старинный, вѣрный членъ до гроба?
Вашъ дядюшка отпрыгалъ ли свой вѣкъ?
А этотъ... какъ его... онъ Турокъ, или Грекъ?
Тотъ черномазенькій, на ножкахъ журавлиныхъ —
Не знаю какъ его зовутъ...
Куда ни сунься — тутъ, какъ тутъ,
Въ столовыхъ и въ гостиныхъ?
А трое изъ бульварныхъ лицъ,
Которые съ полвѣка молодятся?
Родныхъ мильонъ у нихъ, и съ помощью сестрицъ
Со всей вселенной породнятся?
А наше солнышко, нашъ кладъ?
На лбу написано: *театръ* и *маскерадъ*;
Домъ зеленью расписанъ въ видѣ рощи;
Самъ толстъ, его артисты тощи.
На балѣ, помните, открыли мы вдвоемъ,
За ширмами, въ одной изъ комнатъ, посекретнѣй,
Былъ спрятанъ человѣкъ и щелкалъ соловьемъ—
Пѣвецъ зимой погоды лѣтней?
А тотъ чахоточный, родня вашъ, книгамъ врагъ,
Въ ученый комитетъ который поселился,
И съ крикомъ требовалъ присягъ,
Чтобъ грамотѣ никто не зналъ и не учился?
Опять увидѣть ихъ мнѣ суждено судьбой!
Жить съ ними надоѣстъ, и въ комъ не сыщешь пятенъ?
Когда-жъ постранствуешь, воротишся домой,
И дымъ отечества намъ сладокъ и пріятенъ!

СОФЬЯ.

Вотъ васъ-бы съ тетушкою свесть,
Чтобъ всѣхъ знакомыхъ перечесть.

ЧАЦКІЙ.

А тетушка? Все дѣвушкой, Минервой?
Все фрейлиной Екатерины Первой?
Воспитанницъ и мосекъ полонъ домъ?
Ахъ! къ воспитанью перейдемъ:
Что, нынче, такъ-же, какъ издревле,
Хлопочутъ набирать учителей полки,
Числомъ поболѣе, цѣною подешевле?
Не то, чтобы въ наукѣ далеки:
Въ Россіи, подъ великимъ штрафомъ,
Намъ каждаго признать велятъ
Историкомъ и географомъ.
Нашъ Менторъ, помните: калпакъ его, халатъ,
Перстъ указательный, всѣ признаки ученья,
Какъ наши робкіе тревожили умы!..
Какъ съ раннихъ поръ привыкли вѣрить мы,
Что намъ безъ Нѣмцовъ нѣтъ спасенья!
А Гильоме Французъ, подбитый вѣтеркомъ?
Онъ не женатъ еще?

СОФЬЯ.

На комъ?

ЧАЦКІЙ.

Хоть на какой-нибудь княгинѣ,
Пулхеріи Андревнѣ, напримѣръ.

СОФЬЯ.

Танцмейстеръ! можно-ли?

ЧАЦКІЙ.

Что-жъ? Онъ и кавалеръ.
Отъ насъ потребуютъ съ имѣньемъ быть и въ чинѣ,
А Гильоме... Здѣсь нынче тонъ каковъ?
На съѣздахъ на большихъ, по праздникамъ приходскимъ,
Господствуетъ еще смѣшенье языковъ
Французскаго съ Нижегородскимъ?

СОФЬЯ.

Смѣсь языковъ?

ЧАЦКІЙ.

Да, двухъ, безъ этого нельзя-жъ.

ЛИЗА.

Но мудрено изъ нихъ одинъ скроить, какъ вашъ!

ЧАЦКІЙ.

По крайней мѣрѣ, ненадутой.
Вотъ новости! Я пользуюсь минутой,
Свиданьемъ съ вами оживленъ
И говорливъ, а развѣ нѣтъ временъ,
Что я Молчалина глупѣе? — Гдѣ онъ, кстати?
Еще ли не сломилъ безмолвія печати?
Бывало пѣсенокъ гдѣ новенькихъ тетрадь

Увидитъ, пристаетъ: «Пожалуйте списать!»
А впрочемъ онъ дойдетъ до степеней извѣстныхъ —
Вѣдь нынче любятъ безсловесныхъ.

СОФЬЯ, (въ сторону).

Не человѣкъ, змѣя! *(громко)* Хочу у васъ спросить:
Случалось ли, чтобъ вы, смѣясь или въ печали,
Ошибкою, добро о комъ нибудь сказали?
Хоть не теперь, а въ дѣтствѣ можетъ быть...

ЧАЦКІЙ.

Когда все мягко такъ, и нѣжно и незрѣло?
На что-же такъ давно? Вотъ доброе вамъ дѣло:
Звонками только что гремя,
И день и ночь по снѣговой пустынѣ,
Спѣшу къ вамъ голову сломя,
И какъ васъ нахожу? Въ какомъ-то строгомъ чинѣ!
Вотъ полчаса холодности терплю —
Лицо святѣйшей богомолки...
И все-таки я васъ безъ памяти люблю!

(Минутное молчаніе.)

Послушайте, ужель слова мои всѣ колки
И клонятся къ чьему нибудь вреду?
Но если такъ, умъ съ сердцемъ не въ ладу.
Я въ чудакахъ иному чуду

Разъ посмѣюсь, потомъ забуду:
Велите-жъ мнѣ въ огонь — пойду какъ на обѣдъ.

—

РАЗУВѢРЕНІЕ.

(БАРАТЫНСКАГО.)

Не искушай меня безъ нужды
Возвратомъ нѣжности твоей:
Разочарованному чужды
Всѣ обольщенья прежнихъ дней.
Ужъ я не вѣрю увѣреньямъ,
Ужъ я не вѣрую въ любовь,
И не могу предаться вновь
Разъ измѣнившимъ сновидѣньямъ!
Слѣпой тоски моей не множъ,
Не заводи о прежнемъ слова,
И другъ заботливый, больнова
Въ его дремотѣ не тревожъ!
Я сплю, мнѣ сладко усыпленье:
Забудь бывалыя мечты:
Въ душѣ моей одно волненье,
А не любовь пробудишь ты.

—

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ РИМСКИХЪ СЦЕНЪ.

(МАЙКОВА).

Былъ свѣтелъ полдень золотой,
Между листовъ густаго сада
Струилась тихая прохлада;
Фонтанъ серебряной горой,
На солнцѣ ввысь взвивалъ алмазы;
Подъ портикомъ, между колоннъ,
Съ цвѣтами мраморныя вазы
Благоухали; упоенъ
Дыханьемъ розы и лилеи
Былъ воздухъ утренній; вдали
Высокихъ тополей аллеи
Къ статуямъ греческимъ вели.
Какъ нереида молодая,
Передъ фонтаномъ, на скамьѣ,
Сидѣла пышная Аглая
Съ златою лютнею въ рукѣ.

АГЛАЯ.

А! это ты, патрицій милый!
Ты такъ послушенъ... Я люблю
Такихъ любовниковъ. Свою
Аглаю вспомнилъ ты насилу.
Признайся: ты передо мной
Не правъ, конечно?

ОЛИНФЪ.

Я съ тобой,
Я вновь у ногъ твоихъ, Аглая!

АГЛАЯ.

Да, если бы не мой вѣнокъ...

ОЛИНѲЪ.

Аглая!

АГЛАЯ.

Но къ чему упрекъ?
Ты здѣсь... Мой другъ, скажи: мечтая,
Ты вспоминаешь ли тѣ дни,
Для счастья и любви мятежной,
Когда, вдали отъ всѣхъ, одни,
Мы упивались страстью нѣжной;
Когда для красоты иной
Я не была тобой забыта?

ОЛИНѲЪ.

Тѣ дни, когда твои ланиты,
Твои уста еще другой
Не жегъ неистовымъ лобзаньемъ?

АГЛАЯ.

Что, еслибъ прежняя любовь
Воскресла, съ нѣгой и страданьемъ, —
Когда бъ толпа моихъ рабовъ
Была оставлена, — открыта
Тебѣ лишь дверь моя порой
Ночной, — была ли бы тобой
Моя соперница забыта?

ОЛИНѲЪ.

Аглая, полно! перестань!

АГЛАЯ.

И впрямь элегіи унылой
Платить не въ модѣ нынѣ дань.
Но... слушай мой измѣнникъ милый!
Хоть нынѣ ты забылъ меня,
Но я... сказать ли?.. я тебя
Воспоминала. Было скучно
Одной мнѣ.

ОЛИНФЪ.

Что жъ, въ толпѣ послушной
Тебя занять не могъ иной?

АГЛАЯ.

О, нѣтъ! Они всѣ такъ ничтожны,
Съ такой отцвѣтшею душой;
А я люблю огонь тревожный,
Порывы страсти молодой.
Въ обьятьяхъ огненныхъ покоить
Статую хладную какъ ледъ...
Нѣтъ! имъ любви моей не стоить,
Мертвецъ ли пылъ ея пойметъ?
Но ты молчишь все?.. Полно, милый!
Такихъ мужей я не люблю
Какъ нашъ Катонъ, Сенека хилый.
Ласкай красавицу свою
И улыбнись.

ОЛИНФЪ.

Мой другъ, Аглая!
Живи, вовѣкъ заботъ не зная,

Питай въ груди огонь страстей,
Вѣнчай свой кубокъ миртомъ свѣжимъ;
Блаженство жизни шумной пей...
Блаженъ, кто на груди твоей,
Тобой любимъ, тобою нѣжимъ,
Вкушаетъ счастіе! Но мнѣ,
Моя Аспазія, ужъ скоро,
Быть можетъ, въ адской глубинѣ,
Не зрѣть твоей улыбки, взора,
Съ тобой не праздновать досугъ.
Быть-можетъ... Но скажи, мой другъ:
Когда про мой конецъ нежданный
Узнаешь, принесешь ли ты
На прахъ мой миртъ благоуханный
Своихъ гирляндъ?

АГЛАЯ.

Что за мечты!
Что за вопросъ!.. мой другъ прекрасный,
Послушай лучше пѣсни страстной,
Лезбійской пѣсни. Мнѣ ее
Поетъ невольница.

НЕВОЛЬНИЦА ПОЕТЪ:

«Я войду въ тотъ садъ прекрасный,
Гдѣ, царицею цвѣтовъ,
Ты почіешь сладострастно
Межъ акацій и дубовъ.

Тихой страстію волнуемъ,
На тебя я погляжу,
И внезапнымъ поцѣлуемъ
Легкій сонъ твой пробожу.»

АГЛАЯ.

Не правдаль, вѣетъ пѣсня эта
Отчизной Сафо?.. Но, мой другъ,
Ты все угрюмъ, и нѣтъ отвѣта
На твой любимый прежде звукъ?

—

ПОЦѢЛУЙ.

(БАРАТЫНСКАГО.)

Сей поцѣлуй, дарованный тобой,
Преслѣдуетъ мое воображенье:
И въ шумѣ дня и въ тишинѣ ночной
Я чувствую его напечатлѣнье!
Сойдетъ ли сонъ и взоръ сомкнетъ ли мой,
Мнѣ снишся ты, мнѣ снится наслажденье;
Обманъ исчезъ, нѣтъ счастья! и со мной
Одна любовь, одно изнеможенье.

—

РАЗСТАЛИСЬ МЫ.

(БАРАТЫНСКАГО.)

Разстались мы; на мигъ очарованьемъ,
На краткій мигъ была мнѣ жизнь моя;

Словамъ любви внимать не буду я,
Не буду я дышать любви дыханьемъ!
Я все имѣлъ, лишился вдругъ всего;
Лишь началъ сонъ... исчезло сновидѣнье!
Одно теперь унылое смущенье
Осталось мнѣ отъ счастья моего.

—

ПТИЧКА.

(ТУМАНСКАГО).

Вчера я растворилъ темницу
Воздушной плѣнницы моей:
Я рощамъ возвратилъ пѣвицу,
Я возвратилъ свободу ей.
Она исчезла, утопая
Въ сіяньи голубаго дня,
И такъ запѣла, улетая,
Какъ бы молилась за меня.

—

КЪ НЕЙ.

(ТУМАНСКАГО).

Не цвѣта небеснаго очи твои,
Не розы — уста твои, дѣва!
Не лиліи — перси и плечи;
Но чтобъ за весна въ странѣ той была,
Гдѣ бъ розы такія, такія лилеи
Цвѣли на зеленыхъ лугахъ,
И небо и все, что подъ небомъ
Блистало какъ очи твои голубыя!

—

ДОМОВОЙ.

(ВЕНЕВИТИНОВА.)

Что ты, Параша, такъ блѣдна?
— «Родная! домовой проклятый
Меня звалъ нынче у окна.
Весь въ черномъ, какъ медвѣдь лохматый,
Съ усами, да какой большой!
Вѣкъ не видать тебѣ такаго.»
— Перекрестися, ангелъ мой!
Тебѣ ли видѣть домоваго?

Ты не спала, Параша, ночь.
— «Родная! страшно; не отходитъ
Проклятый бѣсъ отъ двери прочь;

Стучитъ задвижкой, дышетъ, бродитъ,
Въ сѣняхъ мнѣ шепчетъ: отопри!»
— Ну что-же ты? — «Да я ни слова».
— Э, полно, ангелъ мой, не ври;
Тебѣ ли слышать домоваго?

Параша! ты не весела;
Опять всю ночь ты пространа.
— «Нѣтъ, ничего: я ночь спала».
— Какъ ночь спала! ты тосковала,
Ходила, отпирала дверь;
Ты вѣрно испугалась снова?
— «Нѣтъ, нѣтъ, родимая, повѣрь!
Я не видала домоваго.»

—

КЪ ЛЮБИТЕЛЮ МУЗЫКИ.

(ВЕНЕВИТИНОВА.)

Молю тебя, не мучь меня:
Твой шумъ, твои рукоплесканья,
Языкъ притворнаго огня,
Безсмысленныя восклицанья
Противны, ненавистны мнѣ.
Повѣрь, привычки рабъ холодный,
Не такъ, не такъ восторгъ свободный
Горитъ въ сердечной глубинѣ.
Когда бъ ты зналъ, что̀ эти звуки,

Когда бы тайный ихъ языкъ
Ты чувствомъ пламеннымъ проникъ,
Повѣрь, уста твои и руки
Сковались бы, какъ въ часъ святой,
Благоговѣйной тишиной.
Тогдабъ ты не желалъ блеснуть
Личиной страсти принужденной,
Но ты бъ въ углу, уединенной,
Таилъ вселюбящую грудь.
Тебѣ бы люди были братья,
Ты бъ втайнѣ слезы проливалъ
И къ нимъ горячія объятья,
Какъ другъ вселенной, простиралъ.

—

ПОСЛѢДНІЕ СТИХИ

ВЕНЕВИТИНОВА.

Люби питомца вдохновенья
И гордый умъ предъ нимъ склоняй;
Но въ чистой жаждѣ наслажденья
Не каждой арфѣ слухъ ввѣряй.
Не много истинныхъ пророковъ
Съ печатью тайны на челѣ,
Съ дарами выспреннихъ уроковъ,
Съ глаголомъ неба на землѣ.

—

БЕЗУМНАЯ.

(РОМАНСЪ, КОЗЛОВА.)

Меня жестокіе бранятъ,
Меня безумной называютъ,
Спокойной, смирной быть велятъ,
Молиться Богу заставляютъ.
О, здѣсь, далеко отъ своихъ...
Покой бѣжитъ очей моихъ;
Въ чужой; угрюмой сторонѣ
Нѣтъ силъ молиться Богу мнѣ!
Но будь я тамъ, гдѣ Донъ родной
Шумитъ знакомыми волнами,
Гдѣ теремъ отческій, простой
Въ тѣни таится подъ дубами, —
Тамъ стану я покоя ждать,
Тамъ стану Бога умолять,
Чтобъ, сжалясь надъ тоской моей,
Онъ мнѣ конецъ послалъ скорѣй.
О, какъ мнѣ бѣдной не тужить!
Ты, радость, и меня манила;
И я сбиралась въ свѣтѣ жить,
Была мила ему, любила,
И въ церковь Божью вся въ цвѣтахъ
Пошла съ румянцомъ на щекахъ;
И помню то, что съ женихомъ
И я стояла подъ вѣнцомъ.
Но гибнетъ радость навсегда;
Къ бѣдѣ, къ слезамъ я пробудилась, —

И ясная любви звѣзда
Въ кровавомъ облакѣ затмилась!
Сокрылся мой привѣтный свѣтъ,
Его ищу — его ужъ нѣтъ!
Ахъ, улетая, ангелъ мой,
Что не взялъ ты меня съ собой!

—

НА ПОГРЕБЕНІЕ АНГЛІЙСКАГО ГЕНЕРАЛА СИРА ДЖОНА МУРА.

(КОЗЛОВА).

Не билъ барабанъ передъ смутнымъ полкомъ,
Когда мы вождя хоронили,
И трупъ не съ ружейнымъ прощальнымъ огнемъ
Мы въ нѣдра земли опустили.

И бѣдная почесть въ ночи отдана;
Штыками могилу копали;
Намъ тускло свѣтила въ туманѣ луна,
И факелы дымно сверкали.

На немъ не усопшихъ покровъ гробовой,
Лежитъ не въ досчатой неволѣ:
Обернутъ въ широкій свой плащъ боевой,
Уснулъ онъ какъ ратники въ полѣ.

Не долго, но жарко молилась Творцу
Дружина его удалая,
И молча смотрѣла въ лицо мертвецу,
О завтрашнемъ днѣ помышляя.

Быть можетъ, на утро, внезапно явясь,
Врагъ дерзкій надменности полный,
Тебя не уважитъ, товарищъ, — а насъ
Умчатъ невозвратныя волны.

О нѣтъ, не коснется въ таинственномъ снѣ
До храбраго дума печали!
Твой одръ одинокій въ чужой сторонѣ
Родимыя руки постлали.

Еще не свершенъ былъ обрядъ роковой,
И часъ наступилъ разлученья;
И съ валу ударилъ перунъ вѣстовой,
И намъ онъ не вѣстникъ сраженья.

Прости же, товарищъ! Здѣсь нѣтъ ничего
На память могилы кровавой;
И мы оставляемъ тебя одного
Съ твоею безсмертною славой.

—

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ЧЕРНЕЦА.

(КОЗЛОВА.)

Вчера — бьетъ полночь — страхъ могилы
Послѣднія разрушилъ силы —
И предъ иконою святой
Съ непостижимою тоской
Я изливалъ мои страданья;
Я Милосердаго молилъ,
Чтобъ грѣхъ кровавый мнѣ простилъ,
Чтобъ принялъ слезы покаянья.
Вдругъ что-то, свыше осѣня,
Какъ будто душу озарило
И тайной святостью страшило,
Отецъ мой, грѣшнаго меня.
Лампада лучь дрожащій, блѣдной
Бросала томно въ кельѣ бѣдной.
Покрыта бѣлой пеленой,
Она предстала предо мной,
И черныя горѣли очи
Ярчѣе звѣздъ осенней ночи.
О, нѣтъ, то былъ не призракъ сна
И не обманъ воображенья!
Святой отецъ, къ чему сомнѣнья!
Съ нея слетѣла пелена,
И то была, повѣрь... она!
Она, прелестная, младая!
Ея улыбка неземная!
И кудри темныя съ чела

На грудь лилейную бѣжали,
И, мнилось мнѣ, ея уста
Былое, милое шептали;
Все та жъ любовь въ ея очахъ,
И нашъ младенецъ на рукахъ.
«Она!.. Прощенъ я Небесами!»
И слезы хлынули ручьями.
Я внѣ себя бросаюсь къ ней,
Схватилъ, прижалъ къ груди моей...
Но сердце у нея не бьется,
Молчитъ плѣнительная тѣнь;
Неумолимая несется
Опять въ таинственную сѣнь:
И руки жадныя дрожали,
И только воздухъ обнимали;
Мечтой обмануты, онѣ
Къ груди прижалися однѣ.
«Ужель отринуты моленья?
Ужель ты вѣстникъ отверженья?
Или, въ ужасный, смертный часъ,
Моя все вѣрная подруга,
Хотѣла ты въ послѣдній разъ
Взглянуть на гибнущаго друга?»..

—

РУССКАЯ ПѢСНЯ.

(БАРОНА ДЕЛЬВИГА).

Что, красотка молодая,
Что ты, свѣтикъ, плачешь?
Что головушку, вздыхая,
Къ бѣлой ручкѣ клонишь?
Или словомъ, или взоромъ
Я тебя обидѣлъ?
Иль не скромнымъ разговоромъ
Ввелъ при людяхъ въ краску?

Нѣтъ, лежитъ тоска иная
У тебя на сердцѣ!
Нѣтъ, кручинушку другую
Ты вложила въ мысли!
Ты не хочешь, не желаешь
Молодцу открыться
Ты боишься милу другу
Заповѣдать тайну!

Не слыхали ль злые люди
Нашихъ разговоровъ?
Не спросили ль злые люди
У отца роднаго;
Не спросили ль супостаты
У твоей родимой:
«Чей у ней на ручкѣ перстень?
«Чья въ повязкѣ лента,

«Лента, ленточка цвѣтная,
«Съ золотой каймою;
«Перстень съ чернью расписною,
«Съ чистымъ изумрудомъ?»
Не томи, открой причину
Слезъ твоихъ горючихъ!
Перелей въ мое ты сердце
Всю тоску-кручину,
Перелей тоску-кручину
Сладкимъ поцѣлуемъ:
Мы вдвоемъ тоску-кручину
Лучше разтоскуемъ.

—

ЖАЛОБА.

(БАРОНА ДЕЛЬВИГА).

Возпламенить васъ трудъ напрасной,
Узналъ по опыту я самъ;
Васъ боги создали прекрасной,
Хвала и честь за то богамъ:
Но вмѣстѣ съ прелестью опасной
Они холодность дали вамъ.
Я таю въ грусти сладострастной;
А вы, на зло моимъ мечтамъ,
Улыбкой платите неясной
Любви моей простымъ мольбамъ.

—

ФОРТУНА И НИЩІЙ.

(КРЫЛОВА).

Съ истертою и ветхою сумой
Бѣдняжка-нищенькій подъ оконьемъ таскался,
И, жалуясь на жребій свой,
Не рѣдко удивлялся,
Что люди, живучи въ богатыхъ теремахъ,
По горло въ золотѣ, въ довольствѣ и сластяхъ,
Какъ ихъ карманы ни набиты,
Еще не сыты!
И даже до того,
Что, безъ пути алкая
И новаго богатства добывая,
Лишаются нерѣдко своего
Всего.
Вонъ, бывшій, напримѣръ, того хозяинъ дому
Пошелъ счастливо торговать:
Расторговался въ пухъ. Тутъ, чѣмъ бы пере-
стать,
И достальной свой вѣкъ спокойно доживать,
А промыселъ оставить свой другому,
Онъ въ море корабли отправилъ по веснѣ;
Ждалъ горы золота; но корабли разбило:
Сокровища его всѣ море поглотило;
Теперь они на днѣ,
И видѣлъ онъ себя богатымъ, какъ во снѣ.
Другой, тотъ въ откупа пустился,
И нажилъ было милліонъ,

Да мало: захотѣлъ его удвоить онъ,
Забрался по уши, и вовсе разорился.
Короче, тысячи такихъ примѣровъ есть;
И по-дѣломъ: знай честь!
Тутъ нищему Фортуна вдругъ предстала,
И говоритъ ему:
«Послушай, я помочь давно тебѣ желала;
Червонцевъ кучу я сыскала;
Подставь свою суму;
Ее насыплю я, да только съ уговоромъ:
Все будетъ золото, въ суму что попадетъ;
Но если изъ сумы что на полъ упадетъ,
То сдѣлается соромъ.
Смотри жъ, я напередъ тебя остерегла:
Мнѣ велѣно хранить условье наше строго;
Сума твоя ветха, не забирайся много,
Чтобъ вынести она могла.»
Едва отъ радости мой Нищій дышетъ,
И подъ собой земли не слышетъ!
Расправилъ свой кошель, и щедрою рукой
Тутъ полился въ него червонцевъ дождь златой.
Сума становится ужъ тяжеленька.
«Довольно ль?» Нѣтъ еще. «Не треснула бъ.»
Небойсь.
«Смотри ты Крезомъ сталъ.» Еще, еще маленько,
Хоть горсточку прибрось.
«Ей полно! Посмотри сума ползетъ ужъ врозь.»
Еще щепоточку. Но тутъ кошель прорвался,

Разсыпалась казна и обратилась въ прахъ,
Фортуна скрылася: одна сума въ глазахъ,
И Нищій нищенькимъ по прежнему остался.

—

ДѢВА НОЧИ.

(ЯЗЫКОВА).

Какъ эта ночь стыдливъ и томенъ
Очаровательный твой взоръ;
Какъ эта ночь, прелестно теменъ
Съ тобою нѣжный разговоръ;
Ты вся мила, ты вся прекрасна!
Какъ пламенны твои уста!
Какъ безгранично сладострастна
Твоихъ объятій полнота!

Но успокойся, дѣва ночи!
Спусти завистливый покровъ,
Сокрой твои уста и очи
И злато вьющихся власовъ:
Не на твоей груди перловой
Моя воздремлетъ голова,
Не ты внушишь мнѣ жизни новой
Родныя чувства и слова.

Тамъ, тамъ, гдѣ пышный токъ Родана,
Въ виду заоблачныхъ вершинъ,

Сребромъ выходитъ изъ Лемана
На гладь шелковую долинъ...
Туда — сердечной жажды полны,
Мои возвышенные сны;
Туда — надеждъ и мыслей волны,
Игривы, чисты и звучны.

. . . .

—

КЪ А. Н. В—У.

(ЯЗЫКОВА.)

Скажу ль тебѣ — кого люблю я,
Куда летятъ мои мечты
То завывая, то ликуя
Среди полночной темноты?
Она — души моей царица —
И своенравна и горда;
Но, при очахъ ея, денница
Обыкновенная звѣзда.
На взоры страстные, на слезы
Она безчувственно глядитъ;
Но пламенны младыя розы
Ея застѣнчивыхъ ланитъ.
Ее жестоко осуждаютъ:
Она проста, она пуста;
Но эти перси и уста,
Чего они не замѣняютъ? —

—

А. Н.

(ЯЗЫКОВА.)

Влюбленъ я, дѣва-красота!
Въ твой разговоръ живой и страстный,
Въ твой голосъ ангельски-прекрасный,
Въ твои румяныя уста!

Дай мнѣ тобой налюбоваться,
Твоихъ наслушаться рѣчей,
Упиться пѣснію твоей,
Твоимъ дыханьемъ надышаться!

—

ЦЫГАНКА.

(ШЕВЫРЕВА.)

Видалъ ли ты, какъ пляшетъ Египтянка?
— Какъ бурный вихрь она подъемлетъ прахъ,
Бѣжитъ, поетъ, какъ дикая вакханка;
Ея власы, какъ змѣи на плечахъ!

Какъ пѣсня вольности, она прекрасна;
Какъ пѣснь любви, она души полна;
Какъ поцѣлуй горячій, сладострастна;
Какъ буйный хмѣль, неистова она!

Она летитъ, какъ полный звукъ цѣвницы,
Она дрожитъ, какъ звонкая струна,
И пышетъ взоръ, какъ яркій лучъ денницы,
И дышетъ грудь, какъ бурная волна!

—

ЖЕЛАНІЕ.

(ХОМЯКОВА.)

Хотѣлъ бы я разлиться въ мірѣ;
Хотѣлъ бы съ солнцемъ въ небѣ течь,
Звѣздою въ сумрачномъ эфирѣ
Ночной свѣтильникъ свой зажечь.
Хотѣлъ бы зыбію стеклянной
Играть въ бездонной глубинѣ,
Или лучемъ зари румянной
Скользить по плещущей волнѣ.
Хотѣлъ бы съ тучами скитаться,
Туманомъ виться вкругъ холмовъ,
Иль буйнымъ вѣтромъ разыграться
Въ сѣдыхъ изгибахъ облаковъ;
Жить ласточкой подъ небесами,
Къ цвѣтамъ ласкаться мотылькомъ,
Или надъ дикими скалами
Носиться дерзостнымъ орломъ.
Какъ сладко было бы въ природѣ
То жизнь и радость разливать,

То въ громахъ, вихряхъ, непогодѣ
Пространство неба обтекать!

—

ПѢСНЯ МИНЬОНЫ.

ИЗЪ ГЕТЕ.

(ОБОДОВСКАГО).

Ты знаешь ли страну, гдѣ золотой лимонъ
Горитъ межъ темными листами,
Гдѣ дышетъ сладостью лазурный небосклонъ,
Гдѣ лавръ и миртъ переплелись вѣтвями!
Туда, возлюбленный! туда
Умчалась бы съ тобою навсегда.

Ты знаешь ли чертогъ? На мраморныхъ столбахъ
Покоятся его узорчатые своды,
Съ участьемъ шепчутъ мнѣ тамъ лики на стѣнахъ:
Что такъ грустна дочь бѣдная природы?
Туда, возлюбленный! туда
Умчалась бы съ тобою навсегда!

Ты знаешь ли стезю превыше тучь?
Въ туманѣ мулъ себѣ тропинки ищетъ,
Тамъ бьетъ изъ скалъ сребромъ кипящій ключь,

И пестрый змѣй въ пещерахъ темныхъ рыщетъ, —
Туда, возлюбленный, туда
Умчалась бы съ тобою навсегда.

—

ИЗЪ МІРОЗДАНІЯ.

(СОКОЛОВСКАГО).

ДЕНЬ VI.

Увы! давно на свѣтѣ нѣтъ
Святыхъ восторговъ безъ печали:
Въ ужасномъ морѣ зла и бѣдъ
Мы ихъ безумно затеряли!
Намъ не постигнуть ихъ теперь
Своими грѣшными мечтами —
Мы, какъ гранитными горами,
Грѣхомъ закрыли къ счастью дверь.
Для насъ, среди вседневной муки
Отъ колыбелей до гробовъ,
На вѣкъ погибла тайна словъ
И тѣ торжественные звуки,
Которыми въ земномъ раю
Адамъ излилъ любовь свою;
Но въ лонѣ счастія и мира,
Въ тѣ дни, душа его была
Такъ упоительна свѣтла,

Какъ блескъ лазоревый эѳира.
Восторгъ небесный, какъ ручей
Въ его груди заволновался,
И долго, не сводя очей,
Онъ чѣмъ-то дивнымъ любовался...

—

Въ привѣтѣ радости нѣмой
Свои объятья раскрывая,
Предъ нимъ стояла дѣва рая,
Блестя священной наготой.
И все, что небесамъ родное,
Едва доступное мечтѣ,
Въ невыразимой красотѣ
Слилось въ лицо ея младое;
Въ тѣни рѣсницъ, лазурь очей
Какъ свѣтлый рай любви сіяла,
И непонятно отражала
Душа свое блаженство въ ней.
Нѣжнѣе розы и лилеи,
Свѣжѣй зари была она,
И шелку мягкаго волна
Ей оттѣняла мраморъ шеи;
На роскоши ея грудей
Восторги сладко засыпали,
И сладостнѣй цвѣтовъ полей
Ея уста благоухали;
Прекрасной нѣги идеалъ

Былъ отраженъ въ ея улыбкѣ,
И станъ ея, какъ стебель гибкій,
Невольно взоры ослѣплялъ;
Въ ней жизнь небесная свѣтлѣла,
И мнилось, будто съ высоты
Она въ Эдемъ какъ духъ слетѣла;
Вѣнцомъ возможной красоты!..

—

Адамъ недвижными очами
Взиралъ на Евву въ забытьи,
И вдругъ потомъ уста свои
Онъ въ нѣгѣ слилъ съ ея устами...
О, какъ отрадно сладокъ онъ —
Сей поцѣлуй любви и счастья!
Въ немъ нѣтъ земнаго сладострастья,
Онъ небесами освященъ;
И въ ту минуту умиленья,
Они безмолвно вознесли
Свое горячее моленье
Высоко отъ лица земли.

—

Подъ ароматными вѣтвями,
Разбитыми густымъ шатромъ,
Невыразимыми словами
Они бесѣдуютъ вдвоемъ.

И все, что въ тайнахъ сотворенья
За гордость недоступно намъ,
Все познавалъ тогда Адамъ
Въ своемъ младенческомъ смиреньи.
Причины дѣйствій, цѣль, законъ,
Постигъ онъ чистою душою,
И предъ супругой молодою
Все открывалъ въ восторгѣ онъ...
Свѣтлѣе солнца въ небѣ ясномъ
И выше звѣздъ въ тиши ночной,
Его всѣ помыслы рѣкой
Текли въ согласіи прекрасномъ.
Онъ говорилъ о Богѣ ей
Въ забытыхъ, тайныхъ выраженьяхъ —
И нѣжный пухъ ея грудей
Дышалъ волнами наслажденья;
Доступный небо постигать,
Онъ говорилъ о томъ селеньи,
Гдѣ самый воздухъ — упоенье,
Гдѣ пища — Божья благодать;
Гдѣ безпредѣльность крѣпко въ своды
Рука всемощная слила,
Отколѣ вѣчность излила
Свои стремительныя воды;
Онъ говорилъ, какъ въ той странѣ
Живутъ безсмертныя созданья,
Какъ Богу пѣснь поютъ онѣ
На пиршествѣ очарованья;
Онъ говорилъ о тмѣ міровъ,

О непреложномъ ихъ теченьи,
И какъ могучимъ звукомъ словъ
Весь міръ связало Провидѣнье...

—

И рѣчь его тогда текла
Блестящей лавою стекла;
Какъ вѣтхій день она свѣтлѣла,
И вдохновенія огнемъ
Въ порывѣ быстромъ и святомъ
Одушевлялась и кипѣла...
Своей восторженной душой
Она словамъ его внимала,
И тихо нѣжною рукой
Супруга съ лаской обвивала...

—

ТРИ ВИДА.

(БЕНЕДИКТОВА.)

I.

Прекрасна дѣва молодая,
Когда вся въ газъ облечена,
Несется будто неземная
Въ кругахъ затѣйливыхъ она.
Ея уборы изгибаясь,

То развиваясь, то свиваясь,
На разгорѣвшуюся грудь
Очамъ прокладываютъ путь.
Она лститъ, она сверкаетъ, —
И млѣютъ юноши кругомъ,
И въ сладострастіи нѣмомъ
Паркетъ подъ ножкой изныавает.
Огонь потупленныхъ очей,
По волѣ милой ихъ царицы,
Порой блеснетъ изъ-подъ рѣсницы
И броситъ молнію страстей.
Уста кокетствуютъ улыбкой;
Изобличается станъ гибкой; —
И все, что прихотямъ дано,
Рѣзцомъ любви округлено.

II.

Прекрасна дѣва молодая,
Когда, влюбленная, она,
О стройномъ юношѣ мечтая,
Сидитъ печально и блѣдна;
Сложивъ тяжелую снуровку,
Летаетъ думой вдалекѣ,
И подпершись на локоткѣ,
Покоитъ милую головку.
Въ очахъ рисуется тоска,
Какъ на лазури тѣнь ночная,
И перси зыблются слегка,

Въ томленьѣ страстномъ замирая.
Кругомъ все полно тишины;
Недавній блескъ и говоръ бальной
Смѣненъ таинственною спальной,
Гдѣ въ ожиданьи вьются сны
Надъ чистымъ ложемъ невидимкой,
Съ волшебной, радужною дымкой. —
Куда въ часъ нѣги съ вышины
Могъ заходить — и то украдкой,
Лучъ обольстительный и сладкой
Небесной путницы — луны.

III.

Прекрасна дѣва молодая,
Когда покоится она,
Роскошно члены развивая
Средь упоительнаго сна.
Рука откинута небрежно,
Лежитъ подъ сонной головой,
И озаренная луной
Глава къ плечу склонилась нѣжно.
Растянутъ въ ленту изъ кольца
Измятый локонъ ниспадаетъ,
И брошенъ на-кось въ пол-лица
Его волшебно оттѣняетъ.
Грудныя волны и плечо,
Никѣмъ незримыя открыты,
Ланиты нѣгою облиты,

И устъ дыханье горячо. —
Давно пронзаетъ лучъ денницы
Лилейный занавѣсъ окна:
Въ послѣднемъ обаяньи сна
Дрожатъ роскошныя рѣсницы, —
И дѣва силится вздохнуть;
По лику блѣдность пролетала,
И пламенѣющая грудь
Въ какомъ-то трепетѣ замлѣла...
И вотъ — лазурная эмаль
Очей прелестныхъ развернулась...
Она и рада, что проснулась
И сна лукаваго ей жаль.

—

ЖАЛОБА ДНЯ.

(БЕНЕДИКТОВА.)

На востокѣ засвѣтлѣло,
Отошла ночная тѣнь;
День взлетѣлъ какъ ангелъ бѣлой...
Отъ чего-жъ ты грустенъ, день? —
«Отъ того порой грущу я,
Что возлюбленная ночь,
Только къ милой подхожу я —
Отъ меня уходитъ прочь.
Вотъ и нынче — подъ востокомъ
Лишь со мной она сошлась,
Яркимъ пурпурнымъ потокомъ

Облилась и унеслась.
Въ слѣдъ за ней туманы плыли,
Облаковъ катился станъ;
Тучки ложемъ ей служили,
Покрываломъ былъ туманъ.
Я горѣлъ мечтой огнистой:
Такъ мила и такъ легка!
Покрывало было чисто,
Не измяты облака.
Безъ нея съ огнями Феба
Что лазурный мнѣ алтарь?
Я въ роскошномъ царствѣ неба
Одинокій, бѣдный царь —
Съ той поры ищу царицы,
Какъ въ пучину бытія
Изъ всемощныя десницы
Вышла юная земля!» —

Не томись, о день прелестный!
Ты найдешь ее, найдешь;
Съ тишиной ея чудесной
Блескъ свой огненный сольешь,
Какъ пройдетъ временъ тревога,
И окончивъ грустный пиръ,
Отдохнуть на перси Бога
Истомленный ляжетъ міръ!

—

ИЗЪ БАХЧИСАРАЙСКАГО ФОНТАНА.
(ПУШКИНА).

I.

Безпечно, ожидая хана,
Вокругъ игриваго фонтана
На шелковыхъ коврахъ онѣ
Толпою рѣзвою сидѣли
И съ дѣтской радостью глядѣли,
Какъ рыба въ ясной глубинѣ
На мраморномъ ходила днѣ.
Нарочно къ ней на дно иныя
Роняли серьги золотыя.
Кругомъ невольницы межъ тѣмъ
Шербетъ носили ароматный
И пѣснью звонкой и пріятной
Вдругъ огласили весь гаремъ.

Онѣ поютъ. Но гдѣ Зарема,
Звѣзда любви, краса гарема?
Увы, печальна и блѣдна,
Похвалъ не слушаетъ она;
Какъ пальма, смятая грозою,
Поникла юной головою;
Ничто, ничто не мило ей:
Зарему разлюбилъ Гирей.

Онъ измѣнилъ!.. Но кто съ тобою,
Грузинка, равенъ красотою?

Вокругъ лилейнаго чела
Ты косу дважды обвила;
Твои плѣнительныя очи
Яснѣе дня, чернѣе ночи.
Чей голосъ выразитъ сильнѣй
Порывы пламенныхъ желаній?
Чей страстный поцѣлуй живѣй
Твоихъ язвительныхъ лобзаній?
Какъ сердце, полное тобой,
Забьется для красы чужой?
Но, равнодушный и жестокой,
Гирей презрѣлъ твои красы,
И ночи хладные часы
Проводитъ мрачный, одинокой
Съ тѣхъ поръ, какъ Польская княжна
Въ его гаремъ заключена.

II.

Марія, ты предъ нимъ явилась...
Увы, съ тѣхъ поръ его душа
Преступной думой омрачилась!
Гирей, измѣною дыша,
Моихъ не слушаетъ укоровъ;
Ему докученъ сердца стонъ;
Ни прежнихъ чувствъ, ни разговоровъ
Со мною не находитъ онъ.
Ты преступленью не причастна,
Я знаю, не твоя вина...

И такъ послушай: я прекрасна;
Во всемъ гаремѣ ты одна
Могла бъ еще мнѣ быть опасна;
Но я для страсти рождена,
Но ты любить, какъ я, не можешь;
За чѣмъ же хладной красотой
Ты сердце слабое тревожишь?
Оставь Гирея мнѣ: онъ мой;
На мнѣ горятъ его лобзанья;
Онъ клятвы страшныя мнѣ далъ;
Давно всѣ думы, всѣ желанья
Гирей съ моими сочеталъ;
Меня убьетъ его измѣна...
Я плачу! видишь, я колѣна
Теперь склоняю предъ тобой.
Молю, винить тебя не смѣя,
Отдай мнѣ радость и покой,
Отдай мнѣ прежняго Гирея...
Не возражай мнѣ ничего;
Онъ мой; онъ ослѣпленъ тобою.
Презрѣньемъ, просьбою, тоскою,
Чѣмъ хочешь, отврати его;
Клянись... (хоть я для Алкорана,
Между невольницами хана,
Забыла вѣру прежнихъ дней;
Но вѣра матери моей
Была твоя) клянись мнѣ ею
Зарему возвратить Гирею...
Но слушай: если я должна

Тебѣ... кинжаломъ я владѣю,
Я близъ Кавказа рождена.»

—

КУДРИ.

(БЕНЕДИКТОВА.)

Кудри дѣвы-чародѣйки,
Кудри блескъ и ароматъ,
Кудри — кольца, струйки, змѣйки,
Кудри шелковый каскадъ!
Вейтесь, лейтесь, сыптесь дружно,
Пышно, искристо, жемчужно!
Вамъ не надобенъ алмазъ:
Вашъ извивъ неуловимый
Блещетъ краше безъ прикрасъ,
Безъ перловой діадимы; —
Только роза — цвѣтъ любви,
Роза — нѣжности эмблема
Краситъ роскошью эдема
Ваши мягкія струи.
Помню прелесть пирной ночи:
Живо помню я, какъ вы —
Задремавъ, чрезъ ясны очи
Низпадали съ головы; —
Въ ароматной сферѣ бала,
При пылающихъ свѣчахъ;

Пышно тѣнь отъ васъ дрожала
На груди и на плечахъ;
Ручка нѣжная бросала
Васъ небрежно за ушко:
Грудь у юношей пылала
И металась высоко.
Мы, смущенные, смотрѣли —
Сердце взорами неслось,
Умъ тускнѣлъ, уста нѣмѣли.
А въ очахъ сверкалъ вопросъ:
«Кто-жъ владѣлецъ будетъ полный
Этой розсыпи златой?
Кто-то будетъ эти волны
Черпать жадною рукой?
Кто изъ насъ, друзья-страдальцы,
Будетъ амвру ихъ впивать,
Навивать ихъ шелкъ на пальцы,
Поцѣлуемъ припекать,
Мять и спутывать любовью
И во тьмѣ по изголовью
Беззавѣтно разсыпать?»
Кудри, кудри золотыя,
Кудри пышныя, густыя —
Юной прелести вѣнецъ!
Вами юноши плѣнялись
И мольбы ихъ выражались
Стукомъ пламенныхъ сердецъ;
Но снѣдаемыя взглядомъ
И доступны лишь ему,

Вы ручнымъ безцѣннымъ кладомъ
Не далися никому:
Появились, порѣзвились, —
И какъ въ море водъ хрусталь,
Ваши волны укатились
Въ неизвѣданную даль!

—

СЕРЕЖѢ.

ПОСЫЛАЯ ЕМУ МОЮ РУКОПИСЬ.

(ГРАФИНИ РОСТОПЧИНОЙ).

Возьми, — вотъ думы и мечтанья
Души восторженной моей,
И сердца первыя страданья,
И первыхъ мыслей изліянья
Во время грустныхъ дѣтства дней!

Тутъ все... тутъ все, что волновало
Меня въ теченьи многихъ лѣтъ...
Чѣмъ радость сердце баловала,
Чѣмъ жизнь мнѣ волю испытала,
Чему училъ премудрый свѣтъ!

Тутъ все: — и чары вдохновенья,
И пылъ порывовъ молодыхъ,

Тревоги, слезы, сожалѣнья,
Суетъ блестящихъ искушенья,
И отголоски чувствъ моихъ.

Тутъ все: — и проблески святые
Поэзіи въ душѣ моей, —
Минуты жизни дорогія! —
И женскихъ грезъ слѣды живые,
И повѣсть всѣхъ ея затѣй.

Возьми!... на злато, на веселье
Мой пестрый сборникъ промѣняй!
И въ часъ заздравнаго похмѣлья
Меня, мою степную келью
Съ улыбкой братской поминай!

На цѣну сестриныхъ мечтаній
Купи блестящій эполетъ,
И ятаганъ для грозной брани,
И для похода за Кубанью
Съ стальною шашкой пистолетъ!

Купи лихаго Карабаха,
Съ ногою вѣрною, съ огнемъ,
Съ сухою костью, съ прыткимъ махомъ,—
И поѣзжай тогда безъ страха
Въ путь утомительный на немъ!..

И знай: — подъ бранною палаткой,

Среди тревоги боевой,
Ты не одинъ!.. и я украдкой,
Съ заботой нѣжной, съ думой сладкой,
Переношусь къ тебѣ душой!

—

КОГДА БЪ ОНЪ ЗНАЛЪ!

(ГРАФИНИ РОСТОПЧИНОЙ).

Когда бъ онъ зналъ, что пламенной душою
Съ его душой сливаюсь тайно я!
Когда бъ онъ зналъ, что горькою тоскою
Отравлена младая жизнь моя!
Когда бъ онъ зналъ, какъ страстно и какъ нѣжно
Онъ, мой кумиръ, рабой своей любимъ...
Кагда бъ онъ зналъ, что въ грусти безнадежной
Увяну я, непонятая имъ!..
Когда бъ онъ зналъ!

Когда бъ онъ зналъ, какъ дорого мнѣ стоитъ,
Какъ тяжело мнѣ съ нимъ притворной быть!
Когда бъ онъ зналъ, какъ томно сердце ноетъ,
Когда велитъ мнѣ гордость страсть таить!..
Когда бъ онъ зналъ, какое испытанье
Спокойный взоръ его приноситъ мнѣ,
Когда въ замѣнъ нѣмаго обожанья

Обидный хладъ я зрю въ его душѣ!..
Когда бъ онъ зналъ!..

Когда бъ онъ зналъ!.. въ немъ смутно пробужденный
Языкъ страстей еще бъ заговорилъ,
И пылкихъ чувствъ восторгъ полу-забвенный
Его бы вновь согрѣлъ, воспламенилъ...
И я тогда, счастливица!.. любима...
Любима имъ, была бы, можетъ-быть!
Надежда льститъ тоскѣ неутолимой;
Не любитъ онъ... а могъ бы полюбить!
Когда бъ онъ зналъ!..

—

РАВНОДУШНОЙ.

Будетъ время... и ты скажешь:
«Дано сердце, чтобъ любить!»

СТАРАЯ ПѢСНЯ.

(ГРАФИНИ РОСТОПЧИНОЙ).

Скажи, красавица жестокая моя,
Уже ль всю жизнь свою ты обрекла безстрастью?..
Уже ль, презрѣніемъ полна къ земному счастью,
Къ небесной радости паритъ душа твоя?

Иль клятву ты дала въ борьбѣ тяжелой, вѣчной,
Съ очарованіемъ, съ надеждой, чувствомъ быть,
Не знать волшебныхъ узъ взаимности сердечной,
И человѣческой любовью не любить?..
Изъ благочестія, ты сердце молодое
Мгновенно обмануть могла своей мечтой...
Страшись, чтобъ нѣкогда раскаянье живое
Вдругъ не разрушило непрочный твой покой.

Мой другъ... мнѣ жаль тебя!.. ты молода, прекрасна,
Съ душой чувствительной, ты дышешь для любви,
Тебѣ ль, во цвѣтѣ лѣтъ, ошибкою ужасной
Безжалостно, на вѣкъ, убить права свои,
Проститься съ счастіемъ... погибнуть для земли?..
Нѣтъ!.. вѣрь, Богъ милости, Богъ пламенныхъ моленій
Не принялъ робкаго обѣта твоего!
Вѣрь, жертва слезъ твоихъ, постовъ и треволненій
Противна благости вселюбящей Его!...
Не Онъ ли создалъ насъ, чтобъ съ кротостью, съ терпѣньемъ
Посланье Ангеловъ въ быту земномъ свершить?..
Не Онъ ли намъ велѣлъ быть міру утѣшеньемъ,
Мущинѣ гордому путь трудный облегчить,

И отъ житейскихъ смутъ въ немъ сердце охранить?..
Не Онъ ли одарилъ насъ пламенной душою,
Намъ сердце, чувство далъ, явилъ въ насъ благодать,
И въ умъ намъ даръ вложилъ, какъ вѣрой и мольбою
Отступниковъ ума съ святыней примѣрять?..
Такъ!.. мы посредницы межъ Божествомъ и свѣтомъ,
Намъ цѣль творить добро, намъ велѣно — *любить*,
И женщина, любовь отвергнувши обѣтомъ,
Не въ правѣ болѣе сестрою нашей быть!
Ей темный монастырь! Ей жребій закелейный!..
Ей гробъ,.. но съ думами, съ тревогою, съ тоской!..
И горе... горе ей, коль образъ чародѣйный
Подъ чернымъ клобукомъ сдруженъ съ ея мечтой,
Подъ черной мантіей волнуетъ умъ младой!..

Но ты!.. нѣтъ, тотъ удѣлъ небудетъ твой, другъ милый,
Сроднишься съ нами ты, придешь убѣждена,
Отъ сердца руку дашь, и этотъ ледъ унылый,
Насъ раздѣляющій, ты разобьешь сама!
Теперь... признаться ли?.. я отъ тебя скрываю
Что мыслю,.. что̀ люблю неопытной душой;

Боюсь упрекъ твой внять, судью въ тебѣ встрѣ-
чаю,
Излишней пылкости стыжусь передъ тобой.
О! какъ мнѣ высказать тебѣ твой сонъ люби-
мый?
Какъ чувства жаркія безчувственной открыть?
Какъ перелить огонь души неукротимой
Въ ту грудь, гдѣ нѣтъ огня,.. нѣтъ сердца,
можетъ быть?..

Когда, собравшись въ кругъ, мы бредимъ и
мечтаемъ,
Когда мы разговоръ заводимъ о страстяхъ,
Иль огненный романъ втроемъ тайкомъ читаемъ,
Иль ищемъ отклика себѣ въ чужихъ стихахъ;
И передъ нами ты, съ усмѣшкою укора,
Вдругъ явишься, — горда холодностью своей,
Какъ страшны намъ тогда потупленные взоры
И охужденіе твоихъ живыхъ очей!
И вотъ, мы вдругъ молчимъ... ты царствуешь
надъ нами
Примѣромъ, мнѣніемъ, вліяніемъ своимъ
И тишиной лица, и строгими рѣчами!
Какъ православный гнѣвъ присталъ чертамъ
твоимъ!..
Но знай: въ душѣ твоей таится искра чувства...
И вспыхнетъ... загоритъ... и поздно, можетъ
быть
Замѣтишь ты пожаръ... его не потушить

Ни силой разума, ни властію искусства!..
Страшись: придетъ твой часъ... и будешь ты
любить!..

—

ФІАЛКА.

(ОЗНОБИШИНА.)

Взгляни, средь радостныхъ полей,
Фіалка голубая
Цвѣтетъ, манитъ красой своей,
Сребромъ росы сверкая.

Такъ въ темноголубыхъ очахъ
Красавицы-дѣвицы
Слеза сверкаетъ и бѣжитъ
На длинныя рѣсницы.

—

КАЗАКЪ НА ЧУЖБИНѢ.

УКРАИНСКАЯ МЕЛОДІЯ.

(ГРЕБЕНКИ).

Поѣхалъ далеко казакъ на чужбину,
На добромъ конѣ ворономъ.
Свою онъ Украйну на вѣки покинулъ;
Ему не вернуться въ отеческій домъ!

Напрасно казачка его молодая
И утро и вечеръ на сѣверъ глядитъ;
Все ждетъ да пождетъ: изъ полночнаго края
Къ ней милый когда прилетитъ!

Далеко, откуда къ намъ вѣютъ мятели,
Гдѣ страшно морозы трещатъ;
Гдѣ сдвинулись дружно и сосны и ели...
Козацкія кости лежатъ.

Казакъ и просилъ и молилъ умирая,
Насыпать курганъ въ головахъ:
«Пускай на курганѣ калина родная
Красуется въ яркихъ плодахъ.»

«Пусть вольныя птицы садясь на калинѣ
Порой прощебечутъ и мнѣ,
Мнѣ бѣдному, вѣсть, на холодной чужбинѣ,
О милой родной сторонѣ!»

—

СЛЕЗЫ.

(ТЕПЛОВОЙ.)

Нѣтъ, мнѣ не жаль минувшихъ дней,
Дней первой юности моей,
Неясно-пламенныхъ желаній,
Живыхъ надеждъ, блестящихъ грезъ

И романтическихъ мечтаній:
Мнѣ жаль моихъ горячихъ слезъ!
Ихъ было такъ несчетно много!
Не разъ, избыткомъ чувствъ дыша,
Въ нихъ выливалася душа,
И сердца смутная тревога —
И ихъ весны моей фіалъ
Какъ дань, какъ жертву принималъ!

Теперь утраты, скорби тѣже,
Но слезъ тѣхъ нѣтъ — я плачу рѣже,
И гнетъ существенныхъ скорбей
Теперь мнѣ вдвое тяжелѣй.

—

РАЗЛУКА.

(КОЛЬЦОВА.)

На зарѣ туманной юности
Всей душой любилъ я милую:
Былъ у ней въ глазахъ небесный свѣтъ,
На лицѣ горѣлъ любви огонь.

Что предъ ней, ты утро майское,
Ты дуброва-мать зеленая,
Степь-трава — парча шелковая,
Заря-вечеръ, ночь волшебница!

Хороши вы, — когда нѣтъ ея,
Когда съ вами дѣлишь грусть свою;
А при ней васъ хоть-бы не было!
Съ ней зима — весна, ночь ясный день!

Не забыть мнѣ, какъ въ послѣдній разъ,
Я сказалъ ей: «Прости, милая!
Когда Богъ велѣлъ — разстанемся...
Можетъ-быть, опять увидимся...»

Вмигъ огнемъ лицо все вспыхнуло,
Бѣлымъ снѣгомъ перекрылося, —
И, рыдая, какъ безумная
На груди моей повиснула.

«Не ходи, постой! дай время мнѣ
Задушить грусть, печаль выплакать;
На тебя... на ясна сокола...»
Занялся духъ, слово замерло...

—

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПОЭМЫ:

КНЯГИНЯ НАТАЛЬЯ БОРИСОВНА ДОЛГОРУКАЯ *.

(КОЗЛОВА.)

У церкви сельской за оградой,
Въ уютномъ домикѣ своемъ,
Въ кругу семьи, предъ тихимъ сномъ,
Дыша вечернею прохладой,
Священникъ у окна сидѣлъ;
Онъ въ думѣ набожной смотрѣлъ,
Какъ, на закатѣ догарая,
Багряный блескъ смѣнялся тмой:
Такъ ясно жизнь его святая
Клонилась къ сѣни гробовой.

—

Уже готовъ итти молиться,
Да снидетъ тихъ грядущій сонъ,
Бесѣды Златоуста онъ
Хотѣлъ закрыть: но вдругъ стучится
Легонько кто-то у ворòтъ,
И кто-то на крыльцо идётъ,
И дверь шатнулась; у порога
Съ младенцемъ путница стоитъ,

* Княгиня Наталья Борисовна Долгорукая была дочь Фельдмаршала Графа Бориса Петровича Шереметева, знаменитаго полководца во время Петра I.

И голосъ жалобный дрожитъ,
Прося ночлега ради Бога.

—

«Войди подъ мой убогій кровъ
(Сказалъ онъ ей): пора ночная,
«Кругомъ все лѣсъ, ночлегъ готовъ,
«И есть у насъ хлѣбъ-соль простая;
«Переночуй, ты съ новымъ днемъ
«Пойдешь опять своимъ путемъ.»
И старецъ мать благословляетъ,
Младенца соннаго креститъ,
И къ огоньку ее сажаетъ,
И съ ней привѣтно говоритъ;
Но, и блѣдна, и боязлива,
Она сидѣла молчалива;
На рѣчь привѣтную его
Полу-словами отвѣчала,
И лишь младенца своего
Со вздохомъ къ сердцу прижимала;
Украдкою бросая взглядъ
На барскій домъ, на темный садъ,
Какъ будто узнавала что-то,
Какъ бы искала тамъ кого-то;
И вдругъ, то пламень на щекахъ,
То слезы крупныя въ очахъ.

—

Священникъ рѣчь свою прервалъ,

И вдругъ, съ душой отца во взорѣ,
Вздохнувши самъ, онъ ей сказалъ:
«Что такъ задумалась? Ты въ горѣ?»

ПУТНИЦА.

Я, мой отецъ?..

СВЯЩЕННИКЪ.

Твоя тоска,
Повѣрь, къ душѣ моей близка;
Въ томъ нужды нѣтъ, что я не знаю,
Кто ты; мой долгъ того любить,
Кто въ горѣ.

ПУТНИЦА.

Ахъ, мнѣ тяжко жить!
Я день безъ радости встрѣчаю,
Я плачу ночь.

СВЯЩЕННИКЪ.

Лукавый свѣтъ
Обманчивъ, другъ!

ПУТНИЦА.

И сколько бѣдъ
Уже сбылось, и сколькихъ снова
Должна я ждать, и какъ сурова...

СВЯЩЕННИКЪ.

Такъ Богъ велѣлъ; предъ нимъ смирись,
Прими съ любовью крестъ тяжелый,
Терпи, надѣйся и молись;
Онъ самъ носилъ вѣнецъ терновый:

Не унывай, не смѣй роптать,
Терпи — въ страданьи благодать!

ПУТНИЦА:

Отецъ ты мой! Въ ужасной долѣ
Кто ропотъ слышалъ отъ меня?
Теперь дрожу не за себя,
И слезы льются по неволѣ.

СВЯЩЕННИКЪ.

Небойся воли дать слезамъ;
Но только слезы проливая,
Стреми взоръ грустный къ Небесамъ;
Кто плачетъ здѣсь, утѣшенъ тамъ,
Сказалъ Господь.

ПУТНИЦА.

О, рѣчь святая!
Отрадна ты.

СВЯЩЕННИКЪ.

И гдѣ же тотъ,
Кто жизнь безъ горя проживетъ!!
Твои, мой другъ, младые годы
Не разцвѣли отъ непогоды;
Но ты, какъ видно, рождена
Въ семьѣ безвѣстной; ты бѣдна;
Тебя судьба не баловала,
Къ веселой участи она
Ни чѣмъ тебя не пріучала;
А часто гибельный ударъ
Надежды знатныхъ разрушаетъ...

О нашемъ Графѣ кто не знаетъ?
Онъ былъ — бояринъ межъ бояръ,
Петровой правою рукою,
И прямо Русскою душою
Отчизну и Царя любилъ;
Былъ славенъ; въ золотѣ ходилъ;
И что же? Дочь его родная
Не знаетъ радости земной,
И гибнетъ въ бурѣ роковой,
Какъ гибнетъ травка полевая...
Суди жъ, дивна ль судьба твоя?
Она была не ты?

ПУТНИЦА.

Не я!

СВЯЩЕННИКЪ.

Давно отъ насъ она ужъ скрылась;
Но все живетъ въ душѣ моей.
Я разскажу тебѣ о ней:
Почти при мнѣ она родилась,
Я на рукахъ ее носилъ,
Ребенкомъ грамотѣ училъ,
И здѣсь, куда, мой другъ, ни взглянешь,
Вездѣ о ней, вездѣ помянешь.
Вотъ тамъ, въ тѣни густыхъ березъ,
Ты видишь кустъ махровыхъ розъ:
Она сама его садила;
Онѣ цвѣтутъ... ее одну
Печаль такъ рано сокрушила;

Она одна свою весну
Отъ нихъ далеко погубила.
Теперь я вижу, есть у насъ
Какой-то въ сердцѣ вѣщій гласъ:
Она, забавы убѣгая,
Въ шуму роскошнаго села,
Тиха, задумчива росла,
Какъ будто горя ожидая,
Покорна будущей судьбѣ.
Могу ль я выразить тебѣ
Весь жаръ усердія святаго
Сыскать, утѣшить нищету?
Въ слезахъ ли видитъ сироту:
Родная бѣдствія чужаго,
Она отдать готова ей
Свои сережки изъ ушей,
И, сверхъ подарка дорогаго,
Бывало, плачетъ вмѣстѣ съ ней.
Съ невинной, нѣжною тоскою
Въ ея плѣнительныхъ чертахъ
Сливался непонятный страхъ,
И что-то схожее съ тобою
Въ ней было: такъ, лице твое
Напоминаетъ мнѣ ее;
Рѣсницы, какъ у ней, густыя,
И очи темно-голубыя,
И цвѣтъ каштановыхъ волосъ;
Она была тебя стройнѣе
И воска яраго бѣлѣе;

Не диво: солнце и морозъ
Ея въ поляхъ не заставали,
Полоть и жать не посылали,
И одѣвалъ красивый станъ
Не твой кумачный сарафанъ.

—

И дружно путницѣ смятенной
Священникъ руку протянулъ,
И ярко взоръ его блеснулъ,
Воспоминаньемъ оживленной.
Онъ разсказалъ о той порѣ,
Когда ей радость ложно снилась,
И какъ звѣздою при Дворѣ
Въ семнадцать лѣтъ она явилась.
Тогда чинами и красой,
Невѣсты Царской братъ родной
Сіялъ надменный Долгорукой;
Онъ межъ бояръ и межъ князей
Ея очамъ былъ всѣхъ милѣй.
Съ нимъ бракъ надежною порукой
Казался всѣмъ, что вѣчно ей
Не знать ни слезъ, ни скорбныхъ дней.
Невольно старецъ вздохъ тяжелый
Стѣснилъ, и съ важностью веселой
Завелъ онъ рѣчь про ихъ сговоръ,
Какъ духовенство, пышный Дворъ
Бояръ вельможныхъ посѣтили,

Какъ Царь пріѣхалъ, какъ при немъ
Чету младую обручили,
И какъ восточнымъ жемчугомъ
Невѣсту милую дарили,
Межъ тѣмъ, прелестная, она
Стыдливо съ женихомъ сидѣла,
И, тихой радости полна,
То улыбалась, то краснѣла,
А, другъ веселости живой,
Кругомъ шелъ кубокъ золотой
Въ бесѣдѣ шумной и привѣтной,
И щитъ зажегся разноцвѣтной,
И хоръ гремѣлъ, и до утра
Народъ, толпясь, кричалъ: ура!

—

И кто бы, кто подумалъ прежде,
Такъ продолжалъ, вздохнувши, онъ,
Что радость измѣнитъ надеждѣ,
Что счастье ихъ минутный сонъ!
Неумолимая гробница
Схватила юнаго Царя
Отъ двухъ вѣнцевъ, отъ алтаря;
Напрасно блещетъ багряница
И ждетъ Княжна: всему конецъ!..
Женихъ и Царь уже мертвецъ!
Затмились вдругъ мечты златыя,
И Долгорукагѡ семья

Погибла съ Нимъ; чины, друзья
Исчезли; степи ледяныя,
Изгнанья горестный предѣлъ,
Любимца падшаго удѣлъ;
Но, жизни узнавая цѣну,
Когда во всемъ онъ зрѣлъ измѣну,
Невѣста юная одна
Ему осталася вѣрна;
Его подругою, душою
Съ нимъ въ ссылкѣ цѣлыхъ восемь лѣтъ
Она жила; но и съ женою
Онъ разлученъ..

ПУТНИЦА.

И слуха нѣтъ
О немъ?

СВЯЩЕННИКЪ.

Я помню, какъ родные
Тогда давали ей совѣтъ
Расторгнуть узы роковыя,
Покинуть друга своего.
И при Дворѣ не трудно бъ снова
Найти ей жениха другаго.
Нѣтъ, не покину я его,
Она въ слезахъ имъ говорила;
Я счастливымъ его любила,
Онъ и въ несчастьи все мнѣ милъ:
Самъ Богъ меня съ нимъ обручилъ.
Но ты, я вижу, улыбнулась;

Такъ вѣрь, не вѣрь, ни вѣчныхъ слезъ,
Ни гордой мести, ни угрозъ
Ея любовь не ужаснулась.
На все съ нимъ вмѣстѣ рѣшена,
И въ даль, и въ хладъ...

ПУТНИЦА.

Она любила!
Не ссылка бѣдную убила;
Была разлука ей страшна!...
Скажи гдѣ онъ?

СВЯЩЕННИКЪ.

Какъ ты блѣдна!
Ты плачешь?

ПУТНИЦА.

Плачу!.. Ахъ, она
О томъ лишь Небо умоляла,
Чтобъ въ нищетѣ, въ глуши степной,
Но вмѣстѣ жизнь ихъ протекала,
Чтобъ счастье ихъ!..

СВЯЩЕННИКЪ.

О сонъ пустой!
Имъ счастье, тамъ?

ПУТНИЦА.

Отецъ святой,
Не страшно съ другомъ заточенье:
Съ нѣмъ есть и въ горѣ наслажденье.

—

Онъ говорилъ, она дрожала,
Сказала что-то, замолчала,
Во взорѣ тмился Божій свѣтъ;
Но старецъ кажетъ на портретъ,
Который въ рамѣ золоченой
Задернутъ былъ тафтой зеленой;
Онъ снялъ тафту и молвилъ ей:
«Вотъ онъ, взгляни и пожалѣй!»
Написанъ кистью мастерскою,
За шпагу ухватясь рукою,
Въ мундирѣ, въ лентѣ голубой,
Фельдмаршалъ смотритъ, какъ живой.
Ей мнится, давняя могила
Подпору бѣдной возвратила;
Въ смятеньи робкомъ передъ нимъ
Она колѣна преклоняетъ,
Зоветъ его отцомъ своимъ,
Къ нему младенца поднимаетъ;
Казалось, взоръ ея молилъ,
Чтобъ сына онъ благословилъ.
Ей мнится, будто къ ней несется
Привѣтъ любви издалека;
Но вдругъ мятежная тоска
Съ порывомъ новымъ въ душу льется.
Волнуясь грозною мечтой,
Она свой перстень золотой
Къ устамъ, рыдая, прижимала,
И распущенною косой
Лазурны очи отирала;

Невольный трепетъ, дикой взглядъ
О чемъ-то страшномъ говорятъ.
Безмолвно старецъ изумленной
Молилъ Творца о сокрушенной;
Онъ понялъ что единый Богъ
Ея печаль утѣшить могъ;
И старца важное молчанье,
Его встревоженный покой,
И незнакомки молодой
Неукротимое страданье,
Гласило все о черныхъ дняхъ,
О дняхъ, отправленныхъ бѣдою,
И безнадежностью земною
Въ священный приводило страхъ.
Одинъ, тревогамъ непричастный,
Младенецъ тихій и прекрасный,
Не зная, что и жизнь, и рокъ,
Грозой нетронутый цвѣтокъ,
Съ улыбкой, съ ясными очами,
На грудь родимую припалъ,
И влажными отъ слезъ кудрями
Безпечный весело игралъ.

—

РУССКАЯ ПѢСНЯ.

(КОЛЬЦОВА).

Такъ и рвется душа
Изъ груди молодой —
Хочетъ воли она,
Проситъ жизни другой!

То-ли дѣло — вдвоемъ
Надъ рѣкою сидѣть,
На зеленую степь,
На цвѣточки глядѣть!

То-ли дѣло — вдвоемъ
Зимнюю ночь коротать,
Друга нѣжной рукой
Ко груди прижимать, —

Поутру, на зарѣ,
Обнимать, провожать,
Вечеркомъ, у воротъ,
Его вновь поджидать!

—

КОГДА ВОЛНУЕТСЯ ЖЕЛТѢЮЩАЯ НИВА.

(ЛЕРМОНТОВА).

Когда волнуется желтѣющая нива
И свѣжій лѣсъ шумитъ при звукѣ вѣтерка,
И прячется въ саду малиновая слива
Подъ тѣнью сладостной зеленаго листка;

Когда росой обрызганный душистой,
Румянымъ вечеромъ, иль утра въ часъ златой,
Изъ-подъ куста мнѣ ландышъ серебристый
Привѣтливо киваетъ головой;

Когда студеный ключъ играетъ по оврагу
И, погружая мысль въ какой-то смутный сонъ,
Лепечетъ мнѣ таинственную сагу
Про мирный край, откуда мчится онъ, —

Тогда смиряется души моей тревога,
Тогда расходятся морщины на челѣ, —
И счастье я могу постигнуть на землѣ,
И въ небесахъ я вижу Бога...

—

ДУМА.

(ЛЕРМОНТОВА.)

Печаль я гляжу на наше поколѣнье!
Его грядущее — иль пусто, иль темно,
Межъ-тѣмъ, подъ бременемъ познанья и сомнѣнья,
Въ бездѣйствіи состарится оно.
Богаты мы, едва изъ колыбели,
Ошибками отцовъ и позднимъ ихъ умомъ,
И жизнь ужъ насъ томитъ, какъ ровный путь безъ цѣли,
Какъ пиръ на праздникѣ чужомъ.
Къ добру и злу постыдно равнодушны,
Въ началѣ поприща мы вянемъ безъ борьбы:
. . . .
. . . .
Такъ тощій плодъ до времени созрѣлый,
Ни вкуса нашего не радуя, ни глазъ,
Виситъ между цвѣтовъ, пришлецъ осиротѣлый,
И часъ ихъ красоты — его паденья часъ!
Мы изсушили умъ наукою безплодной,
Тая завистливо отъ ближнихъ и друзей
Надежды лучшія и голосъ благородный
Невѣріемъ осмѣянныхъ страстей.
Едва касались мы до чаши наслажденья,
Но юныхъ силъ мы тѣмъ не сберегли;
Изъ каждой радости, боясь пресыщенья,
Мы лучшій сокъ навѣки извлекли.

Мечты поэзіи, созданія искусства
Восторгомъ сладостнымъ нашъ умъ не шевелитъ;
Мы жадно бережемъ въ груди остатокъ чувства —
Зарытый скупостью и безполезный кладъ,
И ненавидимъ мы и любимъ мы случайно,
Ни чѣмъ не жертвуя ни злобѣ, ни любви,
И царствуетъ въ душѣ какой-то холодъ тайный,
Когда огонь кипитъ въ крови.
И предковъ скучны намъ роскошныя забавы —
Ихъ добросовѣстный ребяческій развратъ;
И къ гробу мы спѣшимъ безъ счастья и безъ славы,
Глядя насмѣшливо назадъ.
Толпой угрюмою и скоро позабытой,
Надъ міромъ мы пройдемъ безъ шума и слѣда,
Не бросивши вѣкамъ ни мысли плодовитой,
Ни геніемъ начатаго труда.
И прахъ нашъ, съ строгостью судьи и гражданина,
Потомокъ оскорбитъ презрительнымъ стихомъ,
Насмѣшкой горькою обманутаго сына
Надъ промотавшимся отцомъ.

—

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПОВѢСТИ: КАЗНАЧЕЙША.

(ЛЕРМОНТОВА.)

I.

Вдругъ оживился кругъ дворянскій;
Губернскихъ дѣвъ нельзя узнать;
Пришло извѣстье: полкъ уланскій
Въ Т...вѣ будетъ зимовать.
Уланы, ахъ! какіе хваты!..
Полковникъ, вѣрно не женатый —
А ужъ бригадный генералъ
Конечно дастъ блестящій балъ.
У матушекъ сверкнули взоры;
За то, несносные скупцы,
Неумолимые отцы
Пришли въ раздумье: сабли, шпоры —
Бѣда для крашеныхъ половъ...
Такъ волновался весь Т...овъ

II.

И вотъ однажды утромъ рано,
Въ часъ лучшій дѣвственнаго сна,
Когда сквозь пелену тумана
Едва проглядываетъ Цна,
Когда лишь куполы собора
Роскошно золотитъ аврора,
И, тишины извѣстный врагъ,

Еще безмолствовалъ кабакъ.

. . . .

. . . .

Уланы справа — по шести
Вступили въ городъ; музыканты,
Дремля на лошадяхъ своихъ,
Играли маршъ изъ Двухъ-Слѣпыхъ.

III.

Услыша ласковое ржанье
Желанныхъ вороныхъ коней,
Чье сердце, полное вниманья,
Тутъ не запрыгало сильнѣй?
Забыта жаркая перина...
« Малашка! дура! Катерина!
« Скорѣе туфли и платокъ!
« Да гдѣ Иванъ? какой мѣшокъ!
« Два года ставни отворяютъ... »
Вотъ ставни настежь. Цѣлый домъ
Третъ стекла тусклыя сукномъ —
И любопытно пробѣгаютъ
Глаза опухшія дѣвицъ
Ряды суровыхъ, пыльныхъ лицъ!

IV.

« Ахъ, посмотри сюда, кузина,
« Вотъ этотъ! » Гдѣ? майоръ? — « О нѣтъ!

Какъ онъ хорошъ, а конь — картина!
Да жаль, онъ, кажется корнетъ...
Какъ ловко, смѣло избочился...
Повѣришь ли, онъ мнѣ приснился...
Я послѣ не могла уснуть...»
И тутъ дѣвическая грудь
Косынку тихо поднимаетъ —
И разыгравшейся мечтой
Слегка темнится взоръ живой.
Но полкъ прошелъ. За нимъ мелькаетъ
Толпа мальчишекъ городскихъ,
Немытыхъ, шумныхъ и босыхъ.

—

МОЛИТВА.

(ЛЕРМОНТОВА.)

Въ минуту жизни трудную
Тѣснится-ль въ сердце грусть:
Одну молитву чудную
Твержу я наизусть.

Есть сила благодатная
Въ созвучьи словъ живыхъ,
И дышетъ непонятная,
Святая прелесть въ нихъ.

Съ души какъ бремя скатится,
Сомнѣнье далеко —
И вѣрится, и плачется,
И такъ легко, легко...

—

И СКУЧНО, И ГРУСТНО!

(ЛЕРМОНТОВА.)

И скучно, и грустно, и некому руку подать
Въ минуту душевной невзгоды...
Желанья!.. что пользы напрасно и вѣчно желать?
А годы проходятъ — всѣ лучшіе годы!
Любить... но кого же?.. на время — не стоитъ труда,
А вѣчно любить невозможно.
Въ себя ли заглянешь? — тамъ прошлаго нѣтъ и слѣда:
И радость и муки, и все тамъ ничтожно...
Что̀ страсти? — вѣдь рано иль поздно ихъ сладкій недугъ
Исчезнетъ при словѣ разсудка;
И жизнь, какъ посмотришь съ холоднымъ вниманьемъ вокругъ —
Такая пустая и глупая шутка...

—

РЕБЕНКУ.

(ЛЕРМОНТОВА.)

О грезахъ юности томимъ воспоминаньемъ,
Съ отрадой тайною и тайнымъ содроганьемъ,
Прекрасное дитя, я на тебя смотрю...
О, еслибъ знало ты, какъ я тебя люблю!
Какъ милы мнѣ твои улыбки молодыя,
И быстрые глаза, и кудри золотыя,
И звонкій голосокъ! — Не правдаль, говорятъ,
Ты на нее похожъ? — Увы! года летятъ;
Страданія ее до срока измѣнили,
Но вѣрныя мечты тотъ образъ сохранили
Въ груди моей; тотъ взоръ, исполненный огня
Всегда со мной. А ты, ты любишь ли меня?
Не скучны ли тебѣ непрошеныя ласки?
Не слишкомъ часто ль я твои цѣлую глазки?
Слеза моя ланитъ твоихъ не обожгла ль?
Смотри жъ, не говори ни про мою печаль,
Ни вовсе обо мнѣ. Къ-чему? Ее, быть можетъ,
Ребяческій разсказъ разсердитъ иль встрѣво-
житъ...
Но мнѣ ты все повѣрь. Когда въ вечерній часъ,
Предъ образомъ съ тобой заботливо склонясь,
Молитву дѣтскую она тебѣ шептала
И въ знаменье креста персты твои сжимала,
И всѣ знакомыя, родныя имена
Ты повторялъ за ней, — скажи, тебя она
Ни за кого молится не учила?

Блѣднѣя, можетъ быть, она произносила
Названіе, теперь забытое тобой...
Не вспоминай его... Что имя? - звукъ пустой!
Дай Богъ, чтобъ для тебя оно осталось тайной.
Но если какъ-нибудь, когда-нибудь, случайно
Узнаешь ты его, — ребяческіе дни
Ты вспомни, и его, дитя, не прокляни!

—

КЪ ПОРТРЕТУ.

(ЛЕРМОНТОВА).

Какъ мальчикъ кудрявый рѣзва,
Нарядна, какъ бабочка лѣтомъ;
Значенья пустаго слова
Въ устахъ ея полны привѣтомъ.

Ей нравиться долго нельзя:
Какъ цѣпь ей несносна привычка,
Она ускользнетъ какъ змѣя,
Порхнетъ и умчится какъ птичка.

Таитъ молодое чело
По волѣ — и радость и горе.
Въ глазахъ — какъ на небѣ свѣтло,
Въ душѣ ея темно, какъ въ морѣ!

То истиной дышетъ въ ней все.
То все въ ней притворно и ложно!
Понять нетозможно ее,
Зато не любить невозможно.

—

ЭЛЕГІЯ.

(МАЙКОВА).

О чемъ, въ тиши ночной, таинственно мечтаю,
О чемъ, при свѣтѣ дня, всечасно помышляю,
То будетъ тайной всѣмъ, и даже ты, мой стихъ,
Ты, другъ мой вѣтреный, услада дней моихъ,
Тебѣ не передамъ души своей мечтанья,
А то раскажешь ты, чей гласъ въ ночномъ мол-
чаньи
Мнѣ слышится, чей ликъ я всюду нахожу,
Чьи очи свѣтятъ мнѣ, чье имя я твержу.

—

ДОРИДѢ.

(МАЙКОВА.)

Дорида милая, къ чему уборъ блестящій,
Гирлянды свѣжія, алмазъ огнемъ горящій,
И ткани пышныя и поясъ золотой,
Упругій твой корсетъ, сжимающій собой .
Такъ жадно, пламенно твои красы младыя,
Твой стройный, гибкій станъ и перси наливныя?...
Нѣтъ, милая! оставь, оставь уловку ты
Насъ разомъ поражать и блескомъ красоты,
И блескомъ пышныхъ розъ. Явись мнѣ не богиней:
Благоговѣніе такъ хладно предъ святыней!
Я не его ищу. Явися дѣвой мнѣ,
Земною дѣвою. Со мной наединѣ
Ты косу отрѣши изъ подъ кольца златаго,
Сорви съ своей груди рукой своей перловой
Ту розу блѣдную, желанный дай просторъ
Горящимъ персямъ. Пусть непринужденный взоръ
Забудетъ всѣ любви примапки!.. Другъ мой нѣжный!
Пусть сердце юное волнуется мятежно,
Пускай спадетъ во прахъ и злато, и жемчугъ
Съ твоихъ роскошныхъ плечь, съ полупрозрачныхъ рукъ...

Ахъ, Боже мой! какъ ты мила, какъ милъ и
сладокъ
Одежды и рѣчей волшебный безпорядокъ.

—

ОТВЕРГЛА, ГОРДАЯ, МОЙ ЧИСТЫЙ ЖАРЪ ЛЮБВИ.

(МАЙКОВА).

Отвергла, гордая, мой чистый жаръ любви:
На всѣ моленія, на клятвы всѣ мои,
Она улыбкою презрѣнья отвѣчала!..
Но прежде для чего искусно раздувала
Въ горячемъ сердѣ огнь? зачѣмъ всегда со мной
Была такъ искренна? зачѣмъ на мнѣ порой
Свой взоръ разсѣянный остановивъ случайно,
Смущеніемъ моимъ такъ любовалась тайно?
Зачѣмъ порою рѣчь изъ милыхъ устъ ея
Текла то медленно, то бурно... и меня
Межъ юношей ея искали взоры?
Что значатъ скрытый вздохъ и робки разгово-
ры?..
Уловки женскія!.. Но гордая, прійдетъ
Твоя пора! твой часъ мучительный пробьетъ!
Узнаешь ты любовь!.. Надъ ложемъ, въ тай-
номъ мракѣ,

Напрасно будетъ сонъ свои цвѣтисты маки
Бросать тебѣ: сама ты ихъ отвергнешь! ты
Единый свѣтлый ликъ узришь средь темноты;
Ты станешь страстная, склонясь на пухъ суровый,
И плакать и молить, шептать одно лишь слово;
Въ нѣмомъ томленіи и съ жаждою любви,
Прижмешь подушку ты къ пылающей груди,
И будутъ жаркія уста твои, бушуя,
Искать горячаго невольно поцѣлуя!

—

ОТВѢТЪ.

(МАРКОВА.)

Не смотри мнѣ сладко въ очи,
Перестань меня ласкать,
Не зови, во мракѣ ночи,
Въ рощу темную гулять! —

Много ль славы — что обманетъ
Сердце дѣвичье твой взоръ
И несчастная увянетъ,
Какъ цвѣтокъ на скатѣ горъ?

Рокъ мнѣ далъ для утѣшенья
Лишь невинность да покой —

Ты ль возмешь, безъ возвращенья,
Все у дѣвы молодой?

Не вливай же въ сердце муку,
Не преслѣдуй, не тоскуй —
На прощанье дамъ я руку,
Да украдкой поцѣлуй...

—

РОМАНСЪ.

(ПАВЛОВА.)

Она безгрѣшныхъ сновидѣній
Тебѣ на ложе не пошлетъ,
И для небесъ, какъ добрый геній,
Твоей души не сбережетъ;
Съ ней міръ другой, но міръ прелестный,
Съ ней гаснетъ вѣра въ лучшій край...
Не называй ея небесной,
И у земли не отнимай!

Нѣтъ у нея безплотныхъ крылій,
Чтобъ отдѣлиться отъ людей:
Она сліянье розъ и лилій,
Цвѣтущихъ для земныхъ очей;
Она манитъ во храмъ чудесной,
Но этотъ храмъ не свѣтлый рай...

Не называй ея небесной,
И у земли не отнимай.

Вглядись въ пронзительныя очи, —
Не небомъ свѣтятся они:
Въ нихъ есть неправедныя ночи,
Въ нихъ есть мучительные дни.
Предъ трономъ красоты тѣлесной
Святыхъ молитвъ не зажигай...
Не называй ея небесной,
И у земли не отнимай!

Она, не ангелъ-небожитель, —
Но, о любви ее моля,
Какъ помнить горнюю обитель,
Какъ знать, что небо, что земля?
Съ ней міръ другой, но міръ прелестной,
Съ ней гаснетъ вѣра въ лучшій край...
Не называй ея небесной,
И у земли не отнимай!

—

КЪ . . .

(КОРЕНЕВА).

Бывало писывала кровью,
Она въ альбомы нѣжныхъ дѣвъ.

ПУШКИНЪ.

Ты-ль это, Машинька? Тебя ли вижу я?
Ты-ль это милое, воздушное творенье,
Которымъ такъ полна была душа моя?
О Боги! что за превращенье!

Гдѣ жъ эта свѣтлая эмаль твоихъ очей:
Гдѣ стройный, гибкій станъ Психеи?
Гдѣ музыкальная плѣнительность рѣчей?
Гдѣ всѣ поэзіи затѣи?

Гдѣ эта милая былая простота —
Что такъ плѣняла насъ, заманчивой уловкой?
Гдѣ живость рѣзвая, любезность острота?
Гдѣ Маша прежняя съ кудрявою головкой?

Ахъ, Марья Павловна! какой волшебникъ злой,
Провелъ вамъ на челѣ угрюмыя морщины?
Какъ скоро стали вы — помѣщицей простой,
Уѣздной барыней изъ миленькой Ундины!

Ахъ, Марья Павловна! не вѣрится все мнѣ...
Представить не могу... да полно это вы ли?

Бывало вы цвѣты любили на окнѣ —
А нынѣ тамъ стоятъ — съ наливками бутыли!..

—

ПѢСНЬ МАРГАРИТЫ.

ИЗЪ «ФАУСТА» ГЕТЕ.

(ПЕРЕВОДЪ СТРУГОВЩИКОВА.)

МАРГАРИТА, (въ своей комнатѣ за самопрялкою).

Ты прости, мой покой,
Ты прости навсегда:
Ужъ не знать мнѣ тебя
Никогда, никогда.

Гдѣ друга нѣтъ,
Тамъ цѣлый свѣтъ
Постылъ, уныль,
Какъ рядъ могилъ!

Въ умѣ моемъ
Такъ пусто все,
А на сердцѣ
Такъ тягостно.

Ты прости, мой покой!
Ты прости навсегда!
Ужъ не знать мнѣ тебя
Никогда, никогда!..

На что ни смотрю я —
Все чудится онъ
О чемъ ни задумаю —
Онъ-же и онъ!

Какъ онъ благороденъ
И ловокъ въ движеньяхъ!
Какое въ улыбкѣ,
Въ устахъ выраженье!

Ты прости, мой покой!
Ты прости навсегда!
Ужъ не знать мнѣ тебя
Никогда, никогда!..

Волшебная сила
Любезныхъ рѣчей,
И рукъ пожиманье
И прелесть очей...

Въ немъ все такъ чудесно,
Все такъ хорошо!
Къ нему-бы, за нимъ-бы,
Обнять бы его!

О, еслибъ могла я
По волѣ ласкать,
Могла-бы по волѣ
Его цѣловать.

Его обняла-бы,
Держала, ласкала...
Ласкала-бъ — и вѣчно
Лобзала, лобзала!

—

ВЪ АЛЬБОМЪ.

(ГРЕБЕНКИ.)

Порой ко мнѣ съ далекой вышины
Слетитъ фантазія цвѣтущая, живая —
Мелькнетъ и — скроется; и послѣ долго сны,
Ея волшебный образъ повторяя,
Тревожитъ миръ душевной глубины.
Вы, какъ фантазія, безпечны, прихотливы —
Явились и исчезли предо мной...
Вы будете по прежнему счастливы,
А я? — Быть можетъ, я порой
(Чудакъ взлелеянный мечтами),
Былое вспомня въ тишинѣ,
Я стану пѣть и плакать, надъ стихами,
О той, которая не думаетъ о мнѣ.

—

монологъ изъ драматической фантазіи:

ДЖАКОБО САННАЗАРЪ.

(КУКОЛЬНИКА).

САННАЗАРЪ.

Кармазина!
Я-ль не люблю...

КАРМОЗИНА.

Нѣтъ, ты меня не любишь!
Ты сострадаешь, добрый человѣкъ,
Къ моей докучливой любви — и только!

САННАЗАРЪ.

И только! Боже Всемогущій! только!!
Нѣтъ! Я люблю тебя, люблю безмѣрно!
Я весь любовь! Какъ тайный жаръ волкана
Душа моя любовію кипѣла;
Отъ раннихъ лѣтъ ребенокъ осьмилѣтній,
Я заключилъ тебя въ невинномъ сердцѣ,
Какъ образъ Бога; за холодной книгой,
Подъ тягостнымъ учителей надзоромъ,
Я скрылъ тебя такъ глубоко въ душѣ,
Что мысль чужая не могла проникнуть
Во глубину моей святыни; люди
Смотрѣли на ребенка съ удивленьемъ:
Какъ въ немъ широкій разумъ развивался.
Какъ, огнедышащей душой и сердцемъ,

Онъ освѣтилъ безмѣрный храмъ искусства!
Не я ребенкомъ былъ, а эти люди,
Что чудеса во мнѣ подозрѣвали,
Тогда, какъ я одной тебѣ молился,
Въ твоихъ очахъ читалъ я Божью книгу,
Пророческую книгу вдохновеній!
Я у тебя учился, Кармазина!
Въ тебѣ любовью годы упреждалъ!
И, какъ потокъ, широкими волнами
Я разрывалъ крутые берега,
Чтобъ предъ тобой восторговъ бурной силой,
Могуществомъ искусства похвалиться!
Ты — геній мой! Когда съ перомъ въ рукѣ,
Я надъ стихомъ задумаюсь упрямымъ,
Ты пролетишь — и побѣгутъ стихи
Невидимо, неслышимо, — а я
Одну тебя, какъ сонъ небесный, вижу!
Исчезнетъ образъ твой... я ослабѣю!
Недвижимо перо въ рукѣ лежитъ,
И нѣтъ тебя и нѣтъ стиховъ прекрасныхъ.
Ты сомнѣваешься?

КАРМОЗИНА.

Не сомнѣваюсь!
Какъ мнѣ не вѣрить счастью своему
И своего нечувствовать несчастья?!

САННАЗАРЪ.

Несчастья? Какого?..

КАРМОЗИНА.

Грозный долгъ,
Но долгъ святой!.. Позволь мнѣ скрыть, Джа-
кобо!

САННАЗАРЪ.

Скрыть отъ меня?! Нѣтъ ты меня не любишь,
Ты испытать меня хотѣла только!..

КАРМОЗИНА.

Лобзаньемъ не испытываютъ дѣвы!
Онѣ сплетаютъ сѣть изъ словъ притворныхъ
И напоивъ заботливую гордость
Роскошнымъ изліяньемъ сладкой рѣчи,
Въ сѣтяхъ, съ насмѣшкой, оставляютъ сердце!
Я — не онѣ.

САННАЗАРЪ.

Я вѣрю, Кармозина!
Но этотъ долгъ, но эта тайна...

КАРМОЗИНА.

Смерть!

САННАЗАРЪ.

Всесильный!

КАРМОЗИНА.

Успокойся! Этотъ долгъ
Теперь не такъ ужасенъ; я узнала
Всю полноту блаженства моего
И въ гробъ иду съ веселою надеждой!

САННАЗАРЪ, (упавъ на колѣна.)

О, сжалься надъ моимъ несчастнымъ сердцемъ!
Не дай груди сомнѣньемъ волноваться
И медленной, мучительной отравой,
Не сожигай блаженства моего!
Скажи мнѣ эту тайну!

КАРМОЗИНА.

Я невѣста
Лоренцо Дольчи.

САННАЗАРЪ, (вставъ.)

Боже Всемогущій!
Кто?.. Какъ?.. Когда? Кто смѣлъ? Нѣтъ я не вѣрю!
Чѣмъ я тебя обидѣлъ, Кармозина?..
Подумай! Этой клеветы — довольно,
Чтобы открыть могилу Санназара!

КАРМОЗИНА.

Несчастный! для чего же ты молчалъ,
Любовь свою скрывалъ въ холодномъ сердцѣ...

САННАЗАРЪ.

Зачѣмъ? Зачѣмъ: сегодня — не вчера?
Но этотъ змѣй... есть средства у меня!
Я отниму убійственное слово
И вмѣстѣ съ жизнью отниму...

—

ХАНДРА.

(ОГАРЕВА).

Бываютъ дни, когда душа пуста:
Ни мыслей нѣтъ, ни чувствъ—молчатъ уста;
Равно печаль и радости постылы,
И въ тѣлѣ лѣнь, и двигаться нѣтъ силы.
Напрасно ищешь, чѣмъ бы умъ занять:
Противно видѣть, слушать, понимать,
И только безконечно давитъ скука,
И кажется, что жизнь такая мука!
Куда бѣжать? чѣмъ облегчить бы грудь?
Вотъ ночи ждешь—въ постель! скорѣй заснуть!
И хорошо, что все кругомъ беззвучно...
А сонъ нейдетъ! а тьма томитъ докучно!..

—

МЛАДЕНЕЦЪ.

(ШЕВЦОВА).

Изъ рая къ намъ переселенецъ,
Едва начавшій дальній путь,
Уже усталый, спитъ младенецъ,
Припавши матери на грудь.
Лицо безгрѣшное сіяетъ
Еще небесной красотой —

И на устахъ еще играетъ
Улыбка радости святой.

Какія грезы и видѣнья
Во снѣ, младенецъ, видишь ты?
Земли ли новыя явленья,
Иль рая прежнія мечты?
Проснулся ты — слеза во взорѣ...
Чтожъ сонъ твой свѣтлый унесло?
О чемъ слеза? Земное ль горе
Къ тебѣ, небесный подошло?

О нѣтъ! ты ангелъ между нами,
Пока людей не распозналъ,
Пока невинными устами
Земнаго слова не сказалъ...
Нѣтъ, призракъ горя не посмѣетъ
Къ тебѣ, младенецъ, подойти:
Самъ Богъ отъ бурь тебя лелѣетъ,
Цвѣтокъ не здѣшней красоты!

Недавній гость земли ненастной,
Не рай ли видишь ты во снѣ?
Не звуки ль родины прекрасной
Въ его ты слышишь тишинѣ?
За дверью рая, не къ тебѣ ли
Міръ братьевъ, ангеловъ летитъ —
Не у твоей ли колыбели
Онъ, намъ невидимый, гоститъ!

И дѣти неба, изъ отчизны
Приносятъ вѣсти и цвѣты —
И ароматомъ прежней жизни,
Земная жертва — дышешь ты!
И сонный съ братьями играешь,
О ихъ блаженствѣ говоришь,
И съ ними землю забываешь,
При нихъ о раѣ не грустишь...

И сладокъ сонъ твой въ колыбели
Пока ихъ Богъ не отзоветъ...
Но въ небо братья улетѣли —
И мракъ на душу упадетъ...
Ты просыпаешься невольно,
Кричишь и плачешь сиротой...
И страшно вдругъ тебѣ и больно
Въ объятьяхъ матери земной.

—

МѢСЯЦЪ.

(СТРОМИЛОВА).

Побудь со мной, красавецъ ночи,
Побудь до пламеннаго дня;
Твои задумчивые очи
Привѣтно смотрятъ на меня.

Скажи: въ какой странѣ далекой
Ты долго, долго такъ гостилъ?..
За что, красавецъ свѣтлоокій,
Ты небо сѣвера забылъ?..

Взгляни, мой мѣсяцъ: небо ясно;
По немъ не бродятъ облака —
Ихъ день унесъ; гуляй, прекрасный:
Тебѣ дорога широка...

Не разъ, бывало, въ часъ моленій
Я взоромъ по небу скользилъ
И ждалъ тебя, лампада бдѣній,
Чтобъ ты мнѣ небо озарилъ.

Въ немъ было темно. То летучей
Толпой неслися облака;
То черныя, какъ уголь, тучи
Куда-то шли издалека...

Не разъ, бывало, полусонный
Взгляну на небо: нѣтъ огня! —
Знать спитъ любовникъ ночи томный,
Иль онъ испуганъ блескомъ дня...

Теперь мнѣ любо такъ, отрадно;
Теперь ты здѣсь, опять со мной;
Опять, красавецъ ненаглядный,
Не налюбуюсь я тобой!..

—

МАЛЮТКА.

(—θ—).

Малютка проситъ пѣсенокъ,
Играть меня зоветъ,
И складно бьетъ ручонками,
И радостно поетъ.
Сижу себѣ и думаю
О милыхъ сердцу дняхъ,
Я вспомнилъ радость юности —
И слезы на глазахъ.
Назадъ тому пятнадцать лѣтъ
Я много пѣсенъ зналъ.
Я вѣрилъ въ жизнь, я жизнь любилъ,
Я жизнію игралъ.
Эхъ, времечко! эхъ, времечко!
Куда дѣвалось ты?
Гдѣ вы, надежды юности
И свѣтлыя мечты?
«Эхъ, времечко! эхъ, времечко!»
За мной она твердитъ.
Не рѣзвится, задумалась
И на меня глядитъ.
Зачѣмъ я радость чистую
Невинности смутилъ?
Не время — самъ я счастіе,
Надежду погубилъ.
Играй, моя малюточка,
Довѣрчиво живи:

Мы рождены для радости,
Для счастья, для любви.
Смѣяся, плачетъ крошечка,
Прильнувъ къ моимъ устамъ,
И кудри свѣтлорусыя
Струятся по плечамъ.
И чувство свѣтлой радости
Въ груди проснулось вновь.
И вотъ ужъ мы сквозь слезъ поемъ
Про счастье, про любовь.
Пугаетъ сердце прошлаго
И будущаго даль.
Часъ мой — и пѣснью радости
Я прогоню печаль.

—

ѲЕДЯ.

(Т. Л.)

Молча въѣзжаетъ — да ночью морозной
Парень въ село на лошадкѣ усталой.
Тучи сѣдыя столпилися грозно,
Звѣздочки нѣтъ ни великой, ни малой.

Онъ у забора встрѣчаетъ старуху:
«Бабушка, здравствуй!» — А, Ѳедя! Откуда?

Гдѣ пропадалъ ты? Ни слуху, ни духу! —
«Гдѣ я бывалъ — не увидишь отсюда!

«Живы ли братья? Родная жива ли?
«Наша изба все цѣла, не сгорѣла?
«Правда ль, Параша, — въ Москвѣ мнѣ сказали
«Наши ребята, — постомъ овдовѣла?»

— Домъ вашъ какъ былъ—словно полная чаша,
Братья всѣ живы, родная здорова,
Умеръ сосѣдъ — овдовѣла Параша,
Да чрезъ мѣсяцъ пошла за другаго.

Вѣтеръ подулъ... Засвисталъ онъ легонько;
На небо глянулъ и шапку надвинулъ,
Молча рукой онъ махнулъ и тихонько
Лошадь назадъ повернулъ—да и изгинулъ.

—

ЦВѢТОКЪ.

(КОНИ).

Не жемчугъ дорогой на цвѣточкѣ блеститъ
А росинка,
Не веселье въ глазахъ у дѣвицы горитъ,
А слезинка.
Пересаженъ цвѣтокъ изъ поляны родной
Въ злую стужу!

Продана красота за мѣшокъ золотой
Злому мужу.
И цвѣточку въ глуши эта Божья роса
Полюбилась,
И съ тоской и слезой на чужбинѣ краса
Подружилась.
Пригорюнясь цвѣтокъ тяжело на листки
Опустился,
Блескъ алмазныхъ очей у красотки съ тоски
Помрачился.
И цвѣточикъ больной только острой косы
Поджидаетъ;
И румянецъ живой у дѣвицы красы
Увядаетъ.
Знать погибнуть тебѣ мой цвѣтокъ по веснѣ
Въ чужомъ полѣ;
Не любить красотѣ на чужой сторонѣ
И въ неволѣ.

—

РОЗЫ.

Какъ хороши, какъ свѣжи были розы,
Въ моемъ саду, какъ взоръ прельщали мой!
Какъ я молилъ весенніе морозы
Не трогать ихъ холодною рукой!

Какъ я берегъ, какъ я лелѣялъ младость
Моихъ цвѣтовъ завѣтныхъ, дорогихъ;

Казалось мнѣ, въ нихъ развѣтала радость,
Казалось мнѣ, любовь дышала въ нихъ.

Но въ мірѣ мнѣ явилась дѣва рая,
Прелестная, какъ ангелъ красоты:
Вѣнка изъ розъ искала молодая,
И я сорвалъ завѣтные цвѣты.

И мнѣ въ вѣнкѣ цвѣты еще казались
На радостномъ челѣ красивѣе, свѣжѣй:
Какъ хорошо, какъ мило сплетались
Съ душистою волной каштановыхъ кудрей!

И за одно онѣ цвѣли съ дѣвицей.
Среди подругъ, средь плясокъ и пировъ,
Въ вѣнкѣ изъ розъ она была царицей,
Вокругъ ея вились и радость и любовь.

Въ ея очахъ веселье, жизни пламень;
Ей счастье долгое сулилъ, казалось, рокъ.
И гдѣ жъ она?.. Въ погостѣ бѣлый камень,
На камнѣ — розъ моихъ завянувшій вѣнокъ.

—

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ РОМАНСА:

РЫБАКЪ.

Волна шумитъ, волна бушуетъ,
И съ пѣною о берегъ бьетъ,
На берегу сидитъ, тоскуетъ
Младой рыбакъ, и слезы льетъ.

— Завесть могу челнокъ я новой,
Вѣтрило новое достать,
И вопреки судьбѣ суровой
Пуститься по морю опять;
Но будетъ ужъ не то вѣтрило,
Не тотъ челнокъ, и съ ними мнѣ
Не будетъ ужъ, какъ прежде было,
Отрадно плавать по волнѣ.

О, если въ юности мятежной
Измѣнятъ счастье и любовь,
Ужъ никогда къ нимъ вѣрой прежней
Не озарится сердце вновь!
Быть можетъ счастье пожалѣетъ,
Опять отдастъ, что отнято,
И новая любовь повѣетъ, —
Но будетъ все уже не то!..

—

КЪ * * *

Не для меня она цвѣтетъ,
Не для меня она сіяетъ,
И не меня мечтой зоветъ,
И не о мнѣ воспоминаетъ;
Священнымъ пламенемъ горитъ
Въ ней сердце пылкое, младое,
И взоръ божественный сулитъ
Утѣхи, счастье неземное;
Но этотъ взоръ не на меня
Въ забвеньи страстномъ устремится,
И не съ моей у олтаря
Ея рука соединится!
Не за меня по вечерамъ,
Склоняясь ангельской главою,
Поетъ моленье небесамъ —
И въ лучшій міръ летитъ душою!
Видѣнье дѣвственнаго сна
Черты другаго ей рисуетъ,
И ни меня во снѣ она
Устами жаркими цѣлуетъ!
Когда жъ свѣтило дня взойдетъ,
И неслетитъ къ ней пробужденье, —
Не обо мнѣ тогда вздохнетъ
Небесъ прекрасное творенье!

—

ВДОВА.

(ХЕМНИЦЕРА.)

Нѣтъ! полно больше согрѣшать,
И говорить, что женъ такихъ нельзя сыскать,
Которы бы мужей любили,
И ихъ по смерти не забыли.
Я признаюся, самъ въ томъ часто согрѣшалъ,
И легкомысліемъ полъ нѣжный упрекалъ;
А нынѣ всякой разъ готовъ за женъ вступиться,
И въ вѣрности къ мужьямъ за нихъ хоть побожиться.
Жена
Лишилася супруга.
«Лишилась,» вопіетъ она:
«Тебя я мила друга!
И полно мнѣ самой на свѣтѣ больше жить?» —
Жена терзаться,
Ни спать, ни ѣсть, ни пить,
Морить себя и рваться.
Что ей ни станутъ говорить,
И какъ не унимаютъ,
Что въ утѣшеніе ея ни представляютъ,
Отвѣтъ жены былъ тотъ: «жестокіе! мнѣ-ль жить,
Мнѣ-ль жить, лишася друга мила!
Нѣтъ! жизнь моя — могила!»
Отчаяннымъ словамъ
Я былъ свидѣтель самъ.

Вотъ мужа какъ жена любила!
Нельзя, казалося, такъ мертваго любить.
Везутъ покойника къ погосту хоронить,
И опускаютъ ужъ въ могилу;
Жена туда же къ другу милу...
Но не уже-ль себя и впрямь зарыть дала? —
Нѣтъ! — такъ бы за мужемъ чрезъ мѣсяцъ не была.

—

ЛЮБЛЮ Я КРАСАВИЦУ.

(БАРАТЫНСКАГО.)

Люблю я красавицу
Съ очами лазурными:
О! въ нихъ не обманчиво
Душа ея свѣтится!
И если прекрасная
Съ любовію томною
На миломъ покоитъ ихъ,
Онъ мирно блаженствуетъ,
Во вѣкъ не смутитъ его
Сомнѣнье мятежное.
И кто не довѣрится
Сіянью ихъ чистому,
Эфирной ихъ прелести,
Небесной души ея
Небесному знаменью?

Страшна мнѣ, друзья мои,
Краса черноокая;
За темной завѣсою
Душа его кроется,
Любовникъ пылаетъ къ ней
Любовью тревожною
И взорамъ двусмысленнымъ
Не смѣетъ довѣрится.
Какой-то недобрый духъ
Качалъ колыбель ея:
Одѣлася тьмой она,
Вспылала причудою,
Закралося въ сердце къ ней
Лукавство лукаваго.

—

ПѢСНЯ.

(ЖУКОВСКАГО).

О милый другъ! теперь съ тобою радость!
А я одинъ — и мой печаленъ путь;
Живи, вкушай невинной жизни сладость;
Въ душѣ не измѣнись; достойна счастья будь...
Но не отринь, въ толпѣ плѣняемыхъ тобою,
Ты друга прежняго, увядшаго душою;
Веселья ихъ дѣли — ему отрадой будь;
Его, мой другъ, не позабудь!

О, милый другъ! намъ рокъ велѣлъ разлуку;
Дни, мѣсяцы и годы пролетятъ:
Вотще къ тебѣ простру отъ сердца руку —
Ни голосъ твой, ни взоръ меня не усладятъ!
Но и вдали моя душа съ твоей согласна;
Любовь ни времени, ни мѣсту не подвластна;
Всегда, вездѣ ты мой хранитель-ангелъ будь;
Меня, мой другъ, не позабудь!

О, милый другъ! пусть будетъ прахъ холодный
То сердце, гдѣ любовь къ тебѣ жила:
Есть лучшій міръ! тамъ мы любить свободны;
Туда моя душа ужъ все перенесла;
Туда всечасное влечетъ меня желанье;
Тамъ свидимся опять; тамъ наше воздаянье;
Сей вѣрой сладкою полна въ разлукѣ будь —
Меня, мой другъ, не позабудь!

—

ЖАЛОБА.

(ЖУКОВСКАГО.)

Надъ прозрачными водами
Сидя, рвалъ Усладъ вѣнокъ;
И шумящими волнами
Уносилъ цвѣты потокъ.
«Такъ бѣгутъ лѣта младыя

Невозвратною струей!
Такъ всѣ радости земныя
Цвѣтъ увядшій полевой!

«Ахъ! безвременной тоскою
Умерщвленъ мой юный цвѣтъ;
Все воскреснуло съ весною;
Обновился Божій свѣтъ;
Я смотрю — и холмъ веселой,
И поля омрачены —
Для души осиротѣлой
Нѣтъ цвѣтущія весны!

Что въ природѣ, озаренной
Красотою майскихъ дней?
Есть *одна* во всей вселенной —
Къ *ней* душа, и мысль объ *ней*!
Къ *ней* стремлю, забывшись, руки —
Милый призракъ прочь летитъ...
Кто жъ мои услышитъ муки,
Жажду сердца утолитъ?»

—

ТѢНЬ ДРУГА.

(БАТЮШКОВА.)

Я берегъ покидалъ туманный Альбіона:
Казалось, онъ въ волнахъ свинцовыхъ утопалъ.
За кораблемъ вилася Гальціона,
И тихій гласъ ея пловцовъ увеселялъ.
Вечерній вѣтръ, валовъ плесканье,
Однообразный шумъ и трепетъ парусовъ,
И кормчаго на палубѣ взыванье
Ко стражѣ дремлющій подъ говоромъ валовъ;
Все сладкую задумчивость питало.
Какъ очарованный у мачты я стоялъ,
И сквозь туманъ и ночи покрывало
Свѣтила сѣвера любезнаго искалъ.
Вся мысль моя была въ воспоминаньѣ,
Подъ небомъ сладостнымъ отеческой земли.
Но вѣтровъ шумъ и моря колыханье
На вѣжды томные забвенье навели.
Мечты смѣнялися мечтами,
И вдругъ... то былъ ли сонъ? предсталъ това-
рищъ мнѣ,
Погибшій въ роковомъ огнѣ
Завидной смертію надъ Плейскими струями.
Но видъ не страшенъ былъ: чело
Глубокихъ ранъ не сохраняло,
Какъ утро майское веселіемъ цвѣло,
И все небесное душѣ напоминало.

«Ты ль это, милый другъ, товарищъ лучшихъ
дней!
Ты ль это?» я вскричалъ: «о воинъ вѣчно ми-
лой!
Не я ли надъ твоей безвременной могилой,
При страшномъ заревѣ Беллониныхъ огней,
Не я ли съ вѣрными друзьями
Мечемъ на деревѣ твой подвигъ начерталъ,
И тѣнь въ небесную отчизну провождалъ
Съ мольбой, рыданьемъ и слезами?
Тѣнь незабвеннаго! отвѣтствуй, милый братъ!
Или протекшее все было сонъ, мечтанье,
Все, все, и блѣдный трупъ, могила и обрядъ,
Свершенный дружбою въ твое воспоминанье?
О! молви слово мнѣ! пускай знакомый звукъ
Еще мой жадный звукъ ласкаетъ,
Пускай рука моя, о незабвенный другъ!
Твою, съ любовью сжимаетъ...»
И я летѣлъ къ нему... Но горній духъ исчезъ,
Въ бездонной синевѣ безоблачныхъ небесъ,
Какъ дымъ, какъ метеоръ, огнистой полуночи,
Исчезъ, — и сонъ покинулъ очи. —
Все спало вкругъ меня подъ кровомъ тишины.
Стихіи грозныя казалися безмолвны;
При свѣтѣ облакомъ подернутой луны
Чуть вѣялъ вѣтерокъ, едва сверкали волны;
Но сладостный покой бѣжалъ моихъ очей,
И все душа за призракомъ летѣла,

Все гостя горняго остановить хотѣла:
Тебя, о милый братъ! и лучшій изъ друзей!

—

КЪ ДРУГУ.

(ГНѢДИЧА.)

Когда изъ глубины души моей угрюмой,
Гдѣ грусть одна живетъ въ тоскѣ нѣмой,
Проступитъ мрачная на блѣдный образъ мой
И осѣнитъ чело мнѣ черной думой;
На сумрачный ты видъ мой не ропщи:
Мое страданіе свое жилище знаетъ;
Оно сойдетъ опять во глубину души,
Гдѣ, нераздѣльное, безмолвно обитаетъ.

—

ЭПИТАФІЯ.

(ЛОБАНОВА).

И дружба и любовь, и самый прахъ мнѣ милой—
Все, все поглащено могилой.

—

МУХА И ПЧЕЛА.

(БАСНЯ, КРЫЛОВА).

Въ саду, весной, при легкомъ вѣтеркѣ,
На тонкомъ стебелькѣ
Качалась Муха, сидя,
И на цвѣткѣ Пчелу увидя,
Спѣсиво говоритъ: «Ужъ какъ тебѣ не лѣнь
Съ-утра до вечера трудиться цѣлый день!
На мѣстѣ бы твоемъ я въ сутки захирѣла.
Вотъ, напримѣръ, моё
Такъ, право, райское житье!
За мною только лишь и дѣла,
Летать по баламъ, по гостямъ:
И молвить, не хвалясь, мнѣ въ городѣ знакомы
Вельможъ и богачей всѣ домы.
Когда бъ ты видѣла, какъ я пирую тамъ!
Гдѣ только свадьба, имянины, —
Изъ первыхъ я ужъ вѣрно тутъ.
И ѣмъ съ фарфоровыхъ богатыхъ блюдъ,
И пью изъ хрусталей блестящихъ сладки вины,
И прежде всѣхъ гостей
Беру что вздумаю изъ лакомыхъ сластей;
Притомъ же, жалуя полъ нѣжной,
Вкругъ молодыхъ красавицъ вьюсь,
И отдыхать у нихъ сажусь
На щечкѣ розовой, иль шейкѣ бѣлоснѣжной.»
— «Все это знаю я,» отвѣтствуетъ Пчела:
«Но и о томъ дошли мнѣ слухи,

Что никому ты не мила,
Что даже часто, гдѣ покажешься ты въ домъ,
Тебя гоняютъ со стыдомъ.»
— «Вотъ» Муха говоритъ: «гоняютъ! Что жъ такое?
Коль выгонятъ въ окно, такъ я влечу въ другое.»

—

КУКУШКА И ПѢТУХЪ.

(БАСНЯ, КРЫЛОВА.)

«Какъ, милый Пѣтушокъ, поешь ты громко, важно!»
— «А ты, Кукушечка, мой свѣтъ,
Какъ тянешь плавно и протяжно:
Во всемъ лѣсу у насъ такой пѣвицы нѣтъ!»
«Тебя, мой куманекъ, вѣкъ слушать я готова.»
— «А ты, красавица, божусь,
Лишь-только замолчишь, то жду я, не дождусь,
Чтобъ начала ты снова...
Отколь такой берется голосокъ?
И чистъ, и нѣженъ, и высокъ!...
Да вы ужъ родомъ такъ: собою не велички,
А пѣсни, что твой соловей!»
«Спасибо, кумъ; зато, по совѣсти моей,
Поешь ты лучше райской птички.»
«На всѣхъ ссылаюсь въ этомъ я.»

Тутъ Воробей, случась, примолвилъ имъ:
«Друзья!
Хоть вы охрипните, хваля другъ дружку,
Все ваша музыка плоха!..»

За что́ же, не боясь грѣха,
Кукушка хвалитъ Пѣтуха?
За то, что хвалитъ онъ Кукушку.

—

ОТРЫВКИ ИЗЪ ДОГОВОРОВЪ.

(ДАВЫДОВА.)

Довольно!.. я рѣшенъ: люблю тебя... люблю.
Давно признанію удо́бный мигъ ловлю,
И съ устъ трепещущихъ слетѣть оно готово,
Но взглянешь ты — смущаюсь я,
И въ сердце робкое скрываю отъ тебя
Все бытіе мое вмѣщающее слово.
Бѣгу тебя... вотще!.. полна
Безумная душа тобою.
Въ мечтахъ безсонницы и въ жаркихъ грезахъ сна
Неотразимая! ты всюду предо мною,
Прилично-ль это мнѣ? Прошла, прошла пора

Тревожнымъ радостямъ и бурнымъ наслажденьямъ;
Потухла въ сумракѣ весны моей заря.
Напрасно предаюсь привычнымъ заблужденьямъ,
Напрасно — мнѣ ль тебя любить?
Мнѣ-ль сердце юное къ взаимности склонить.

—

Нѣтъ! именемъ любви тебя прошу:
Забыть на вѣкъ театръ, любви моей опасный.
Не все, не все еще: танцуешь ты прекрасно,
Я знаю, но тебѣ на балахъ не бывать.
Какъ? Будешь ты на балъ заранѣ наряжаться,
Съ намѣреньемъ приготовляться,
Чтобъ нравиться другимъ, прельщать обворожать?
Такъ стало, для другихъ и локоны волнисты
Завьются? Для другихъ и яхонты огнисты
Алмазы яркіе зажгутся въ волосахъ —
Все это для другихъ? И въ золотѣ, въ лучахъ,
Богиня празднества, кадимая жрецами,
И упоенная мольбами и хвалами,
Изъ жалости одной взоръ бросишь на того,
Кто болѣе всѣхъ любитъ, и кого
Ты не нарядами, не блескомъ привлекаешь,
Но сердцемъ, но умомъ, но скромностью плѣняешь?..
Но вальсы начались. На вальсъ тебя просить
Подходитъ юноша. Онъ съ видомъ боязливымъ,
Бродящимъ взоромъ, торопливымъ,

Окинулъ общество и взоръ остановить
Рѣшился на тебѣ... И кто не восхитится,
Увидѣвши тебя! Ужъ онъ съ тобой вертится.
Злодѣй! Ужъ онъ, обвивъ твой гибкій, строй-
ный станъ,
Летаетъ, до полу изъ милости касаясь,
И ты лицо съ лицомъ! А я? — я, разрываясь,
Опять у притолки! — А я? опять въ обманъ
Попался! Думалъ быть съ тобою неразлученъ,
Ждалъ удовольствія — теперь несносенъ, ску-
ченъ,
Въ отчаяньи, взбѣшенъ! Но вальса вихрь утихъ,
И ты спѣшишь ко мнѣ, чтобъ перевесть ды-
ханье.
Я ожилъ, я забылъ и горе, и страданье,
Но ахъ! надолго-ли? Рой франтовъ молодыхъ
Въ погонѣ за тобой, и ты съ однимъ изъ нихъ...
Прекраснѣйшимъ, любезнѣйшимъ... Нѣтъ! полно!
Нѣтъ! балы позабудь... утѣшь меня!.. Довольно
Измученъ уже я одной мечтой моей!..
Для разсудительныхъ, безчувственныхъ людей
Я страненъ, можетъ быть. Что-жъ дѣлать,
другъ мой милый,
Не я виновенъ въ томъ! Я сердца моего
Могу-ль избавиться? Какою силой
Дамъ чувства новыя ему?
Мнѣ скажутъ: я тебя на скуку осуждаю;
Твой домъ въ безлюдную тюрьму,
Столицу въ монастырь пустынный обращаю...

О нѣтъ! я самъ хочу, чтобъ всюду за тобой
Утѣхи, радости стремилися толпой...
Но я покой люблю, но скромность обожаю...
И потому тебя въ деревню призываю.
Огромны зданія не нужны намъ съ тобой:
Чертогъ, украшенный искусною рукой
Очаровательный, чудесный,
Не такъ мнѣ нравится, какъ сельскій домикъ, тѣсный,
Но свѣтлый и простой. Я тѣсноту люблю:
Боюсь далеко жить отъ той, съ кѣмъ жизнь дѣлю;
Въ одной же горницѣ — кто шепчетъ, кто вздыхаетъ,
Кто стукнетъ, заскрыпитъ, на цыпочкахъ ступаетъ...
Я вижу, слышу, знаю все,
И сердце отъ того спокойнѣе мое.
Чего еще желать блаженства къ дополненью?
Во вкусѣ Англійскомъ, простомъ,
Я рощу насажу, она окружитъ домъ,
Пустыню оживитъ; дастъ пищу размышленью;
Вдоль рощи побѣжитъ струистый ручеекъ;
Тамъ ивы гибкія бесѣдкою сплетутся;
Березы надъ скамьей, развесившись, нагнутся,
Тамъ мшистый, темный гротъ, тамъ свѣтленькій лужокъ
И даже огородъ приманитъ насъ порою

Своей роскошною и скромной простотою.
Мы будемъ счастливы природой и собой.

—

ИЗЪ КАВКАЗСКАГО ПЛѢННИКА.

(ПУШКИНА).

Свершилось... цѣлью упованья
Не зритъ онъ въ мірѣ ничего.
И вы, послѣднія мечтанья,
И вы сокрылись отъ него.
Онъ рабъ. Склонясь главой на камень,
Онъ ждетъ, чтобъ съ сумрачной зарей
Погасъ печальной жизни пламень,
И жаждетъ сѣни гробовой.

Ужъ меркнетъ солнце за горами;
Вдали раздался шумный гулъ,
Съ полей народъ идетъ въ аулъ,
Сверкая свѣтлыми косами.
Пришли; въ домахъ зажглись огни,
И постепенно шумъ нестройной
Умолкнулъ; все въ ночной тѣни
Объято нѣгою спокойной;
Вдали сверкаетъ горный ключъ,
Сбѣгая съ каменной стремнины;
Одѣлись пеленою тучь
Кавказа спящія вершины...
Но кто, въ сіяніи луны,
Среди глубокой тишины

Идетъ, украдкою ступая?
Очнулся Рускій. Передъ нимъ,
Съ привѣтомъ нѣжнымъ и нѣмымъ,
Стоитъ Черкешенка младая.
На дѣву молча смотритъ онъ,
И мыслитъ: это лживый сонъ,
Усталыхъ чувствъ игра пустая.
Луною чуть озарена,
Съ улыбкой жалости отрадной
Колѣна преклонивъ, она
Къ его устамъ кумысъ прохладной
Подноситъ тихою рукой.
Но онъ забылъ сосудъ цѣлебный;
Онъ ловитъ жадною душой
Пріятный рѣчи звукъ волшебный
И взоры дѣвы молодой.
Онъ чуждыхъ словъ не понимаетъ;
Но взоръ умильный, жаръ ланитъ,
Но голосъ нѣжный говоритъ:
Живи! и плѣнникъ оживаетъ.

Не вдругъ увянетъ наша младость,
Не вдругъ восторги бросятъ насъ,
И неожиданую радость
Еще обнимемъ мы не разъ:
Но вы, живыя впечатлѣнья,
Первоначальная любовь,
О первый пламень упоенья,
Не прилетаете вы вновь.

—

ЦВѢТОКЪ.

(ПУШКИНА).

Цвѣтокъ засохшій, безуханной,
Забытый въ книгѣ вижу я;
И вотъ уже мечтою странной
Душа наполнилась моя:

Гдѣ цвѣлъ? когда? какой весною?
И долго ль цвѣлъ? и сорванъ кѣмъ,
Чужой, знакомой ли рукою?
И положенъ сюда зачѣмъ?

На память нѣжнаго ль свиданья,
Или разлуки роковой,
Иль одинокаго гулянья
Въ тиши полей, въ тѣни лѣсной?

И живъ ли тотъ, и та жива ли?
И нынче гдѣ ихъ уголокъ?
Или уже они увяли,
Какъ сей невѣдомый цвѣтокъ?

—

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПОЭМЫ:

БОРСКІЙ.

(ПОДОЛИНСКАГО).

ЕЛЕНА.

Нѣтъ! это были не мечты!
Онъ здѣсь мелькнулъ, на мѣстѣ этомъ,
Гдѣ озаряются кусты
Изъ оконъ падающимъ свѣтомъ...

МАТЬ.

Мелькнулъ? — Но гдѣ жъ онъ? — кто
здѣсь былъ?
Повѣрь мнѣ, призракъ ослѣпилъ
Твои блуждающія очи!
Тебя такъ часто онъ томилъ
При свѣтѣ дня и въ мракѣ ночи!
Недуга жаръ въ твоей груди,
Онъ грезы страшныя наводитъ
И ты... Но вотъ — луна восходитъ,
Кругомъ все пусто; — погляди!

ЕЛЕНА.

Да!.. пусто! — взоръ мой очарованъ
Былъ снова призракомъ ночнымъ,
Но я давно сдружилась съ нимъ,
Одной мечтой мой умъ окованъ —
Зачѣмъ страшиться мнѣ его?
То призракъ счастья моего!

МАТЬ.

И счастья этого довольно?
Желаній новыхъ ты чужда!
О, если бъ знала ты, какъ больно,
Объ этомъ мыслить мнѣ всегда!
И тотъ, о комъ еще понынѣ
Тоскуешь столько—онъ въ чужбинѣ,
Онъ, можетъ быть, и свой обѣтъ
Забылъ давно...

ЕЛЕНА.

Владиміръ?.. Нѣтъ!
Повѣрь мнѣ, ты его не знаешь.

МАТЬ.

Ты сердцу слѣпо довѣряешь —
Но — доживи до позднихъ лѣтъ...

ЕЛЕНА.

Онъ измѣнилъ? О нѣтъ, измѣны
Я не страшусь!.. Я знаю, онъ
Не разлюбилъ своей Елены!..
Моей любви невѣрный сонъ
Еще я помню, — помню живо
Его послѣдній разговоръ,
Его обѣтъ краснорѣчивый;
И помню я прощальный взоръ!
Тотъ взоръ онъ высказалъ мнѣ ясно
Его тоску, его любовь,
И въ мигъ разлуки, въ мигъ ужасный
Я ожила къ надеждѣ вновь!

МАТЬ.

Но вотъ ужъ минуло три года,
Владиміръ родину забылъ; —
Иноплеменнаго народа
Онъ край и нравы полюбилъ.
Онъ молодъ, онъ страстямъ послушенъ,
Смѣнились прежнія мечты,
Быть можетъ, онъ неравнодушенъ
Къ привѣту новой красоты...
Онъ измѣнилъ — другую любитъ,
И счастливъ... да! — зачѣмъ же губитъ
Тебя напрасная тоска?
Забудь его! Твоя рука
Опять свободна.

ЕЛЕНА.

Я ль забуду
Все, чѣмъ жила, все чѣмъ живу!
Укоромъ вѣчнымъ я не буду
Отягощать мою главу!
Смотри: вотъ перстень обручальной —
Онъ на рукѣ моей горитъ!
Но яркій блескъ свѣчи вѣнчальной
Моей главы не озаритъ!
Пусть онъ забылъ любовь Елены,
Пускай въ объятіяхъ другой,
Пьетъ усыпительной струей,
Отраву сладкую измѣны, —
Я все прощаю! — Никогда

Моихъ упрековъ не услышитъ!
Пока горитъ моя звѣзда,
Покамѣстъ грудь больная дышитъ,
О немъ молиться буду я...
Когда онъ счастливъ — пусть узнаю —
Мой вѣкъ покойно я скончаю
И тѣнь утѣшиться моя!..

—

ОТРЫВКИ ИЗЪ ЕВГЕНІЯ ОНѢГИНА.

(ПУШКИНА).

«Не спится, няня: здѣсь такъ душно!
Открой окно, да сядь ко мнѣ.»
— Что, Таня, что съ тобой? — «Мнѣ скучно,
Поговоримъ о старинѣ.»
— О чемъ же, Таня! Я, бывало,
Хранила въ памяти немало
Старинныхъ былей, небылицъ
Про злыхъ духовъ и про дѣвицъ;
А нынѣ все мнѣ темно, Таня:
Что знала, то забыла. Да,
Пришла худая череда!
Зашибло... — «Разскажи мнѣ, няня,
Про ваши старые года:
Была ты влюблена тогда?»

— И, полно, Таня! Въ эти лѣта

Мы не слыхали про любовь;
А то бы согнала со свѣта
Меня покойница свекровь. —
«Да какъ же ты вѣнчалась, няня?»
— Такъ, видно, Богъ велѣлъ. Мой Ваня
Моложе былъ меня, мой свѣтъ,
А было мнѣ тринадцать лѣтъ.
Недѣли двѣ ходила сваха
Къ моей роднѣ, и наконецъ
Благословилъ меня отецъ.
Я горько плакала со страха;
Мнѣ съ плачемъ косу расплели,
И съ пѣньемъ въ церковь повели.

И вотъ ввели въ семью чужую...
Да ты не слушаешь меня... —
«Ахъ, няня, няня, я тоскую,
Мнѣ тошно, милая моя:
Я плакать, я рыдать готова!..»
— Дитя мое, ты нездорова;
Господь, помилуй и спаси!
Чего ты хочешь, попроси...
Дай окроплю святой водою,
Ты вся горишь... — «Я не больна;
Я... знаешь, няня,.. влюблена.
— Дитя мое, Господь съ тобою! —
И няня дѣвушку съ мольбой
Крестила дряхлою рукой.

«Я влюблена,» шептала снова
Старушкѣ съ горестью она.
— Сердечный другъ, ты нездорова.
«Оставь меня: я влюблена!»
И между тѣмъ луна сіяла
И темнымъ свѣтомъ озаряла
Татьяны блѣдныя красы,
И распущенные власы,
И капли слезъ, и на скамейкѣ
Предъ героиней молодой,
Съ платкомъ на головѣ сѣдой,
Старушку въ длинной тѣлогрѣйкѣ;
И все дремало въ тишинѣ
При вдохновительной лунѣ.

—

ПИСЬМО ТАТЬЯНЫ КЪ ОНѢГИНУ.

«Я къ вамъ пишу — чего же болѣ?
Что я могу еще сказать?
Теперь, я знаю, въ вашей волѣ
Меня презрѣньемъ наказать.
Но вы, къ моей несчастной долѣ
Хоть каплю жалости храня,
Вы не оставите меня.
Сначала я молчать хотѣла;
Повѣрьте: моего стыда
Вы не узнали бъ никогда,
Когда бъ надежду я имѣла,
Хоть рѣдко, хоть въ недѣлю разъ,

Въ деревнѣ нашей видѣть васъ,
Чтобъ только слышать ваши рѣчи,
Вамъ слово молвить, и потомъ
Все думать, думать объ одномъ
И день и ночь до новой встрѣчи.
Но говорятъ, вы нелюдимъ;
Въ глуши, въ деревнѣ, все вамъ скучно,
А мы... ничѣмъ мы не блестимъ,
Хоть вамъ и рады простодушно.
Зачѣмъ вы посѣтили насъ?
Въ глуши забытаго селенья
Я никогда не знала бъ васъ,
Не знала бъ горькаго мученья.
Души неопытной волненья
Смиривъ современемъ (какъ знать?)
По сердцу я нашла бы друга,
Была бы вѣрная супруга
И добродѣтельная мать.

Другой!.. Нѣтъ, никому на свѣтѣ
Не отдала бы сердца я!
То въ вышнемъ суждено совѣтѣ...
То воля Неба: я твоя;
Вся жизнь моя была залогомъ
Свиданья вѣрнаго съ тобой;
Я знаю, ты мнѣ посланъ Богомъ,
До гроба ты хранитель мой...
Ты въ сновидѣньяхъ мнѣ являлся;
Незримый, ты мнѣ былъ ужъ милъ,

Твой чудный взглядъ меня томилъ,
Въ душѣ твой голосъ раздавался
Давно... нѣтъ, это былъ не сонъ!
Ты чуть вошелъ, я вмигъ узнала,
Вся обомлѣла, запылала,
И въ мысляхъ молвила: вотъ онъ!
Не правда ль? я тебя слыхала:
Ты говорилъ со мной въ тиши,
Когда я бѣднымъ помогала,
Или молитвой услаждала
Тоску волнуемой души?
И въ это самое мгновенье
Не ты ли, милое видѣнье,
Въ прозрачной темнотѣ мелькнулъ,
Приникнулъ тихо къ изголовью?
Не ты ль, съ отрадой и любовью,
Слова надежды мнѣ шепнулъ?
Кто ты: мой ангелъ ли хранитель,
Или коварный искуситель?
Мои сомнѣнья разрѣши.
Быть можетъ, это все пустое,
Обманъ неопытной души!
И суждено совсѣмъ иное...
Но такъ и быть! судьбу мою
Отнынѣ я тебѣ вручаю,
Передъ тобою слезы лью,
Твоей защиты умоляю...
Вообрази: я здѣсь одна,
Никто меня не понимаетъ;

Разсудокъ мой изнемогаетъ,
И, молча, гибнуть я должна.
Я жду тебя: единымъ взоромъ
Надежды сердца оживи,
Иль сонъ тяжелый перерви,
Увы, заслуженнымъ укоромъ!

«Кончаю! страшно перечесть...
Стыдомъ и страхомъ замираю...
Но мнѣ порукой ваша честь,
И смѣло ей себя ввѣряю...»

—

Теперь мы въ садъ перелетимъ,
Гдѣ встрѣтилась Татьяна съ нимъ.

Минуты двѣ они молчали,
Но къ ней Онѣгинъ подошелъ
И молвилъ: «Вы ко мнѣ писали,
Не отпирайтесь. Я прочелъ
Души довѣрчивой признанья,
Любви невинной изліянья;
Мнѣ ваша искренность мила;
Она въ волненье привела
Давно умолкнувшія чувства;
Но васъ хвалить я не хочу;
Я за нее вамъ отплачу
Признаньемъ также безъ искусства;
Примите исповѣдь мою:
Себя на судъ вамъ отдаю.

«Когда бы жизнь домашнимъ кругомъ
Я ограничить захотѣлъ;
Когда бъ мнѣ быть отцемъ, супругомъ
Пріятный жребій повелѣлъ;
Когда бъ семейственной картиной
Плѣнился я хоть мигъ единой:
То вѣрно бъ кромѣ васъ одной
Невѣсты не искалъ иной.
Скажу безъ блестокъ мадригальныхъ:
Нашедъ мой прежній идеалъ,
Я вѣрно бъ васъ одну избралъ
Въ подруги дней моихъ печальныхъ,
Всего прекраснаго въ залогъ,
И былъ бы счастливъ... сколько могъ!

«Но я не созданъ для блаженства:
Ему чужда душа моя;
Напрасны ваши совершенства:
Ихъ вовсе не достоинъ я.
Повѣрьте (совѣсть въ томъ порукой),
Супружество намъ будетъ мукой.
Я, сколько ни любилъ бы васъ,
Привыкнувъ, разлюблю тотчасъ;
Начнете плакать: ваши слезы
Не тронутъ сердца моего,
А будутъ лишь бѣсить его.
Судите жъ вы, какія розы
Намъ заготовитъ Гименей
И, можетъ быть, на много дней!

«Что можетъ быть на свѣтѣ хуже
Семьи, гдѣ бѣдная жена
Груститъ о недостойномъ мужѣ
И днемъ и вечеромъ одна;
Гдѣ скучный мужъ, ей цѣну зная
(Судьбу однако жъ проклиная),
Всегда нахмуре́нъ, молчаливъ,
Сердитъ и холодно-ревнивъ!
Таковъ я. И того ль искали
Вы чистой, пламенной душой,
Когда съ такою простотой,
Съ такимъ умомъ ко мнѣ писали?
Ужели жребій вамъ такой
Назначенъ строгою судьбой?

«Мечтамъ и годамъ нѣтъ возврата;
Не обновлю души моей...
Я васъ люблю любовью брата
И, можетъ быть, еще нѣжнѣй.
Послушайте жъ меня безъ гнѣва:
Смѣнитъ неразъ младая дѣва
Мечтами легкія мечты:
Такъ деревцо свои листы
Мѣняетъ съ каждою весною.
Такъ видно Небомъ суждено.
Полюбите вы снова: но...
Учитесь властвовать собою,
Не всякой васъ, какъ я, пойметъ;
Къ бѣдѣ неопытность ведетъ.»

ПИСЬМО ОНѢГИНА КЪ ТАТЬЯНѢ.

«Предвижу все: васъ оскорбитъ
Печальной тайны объясненье.
Какое горькое презрѣнье
Вашъ гордый взглядъ изобразитъ!
Чего хочу? съ какою цѣлью
Открою душу вамъ свою?
Какому злобному веселью,
Быть можетъ, поводъ подаю!
«Случайно васъ когда-то встрѣтя,
Въ васъ искру нѣжности замѣтя,
Я ей повѣрить не посмѣлъ:
Привычкѣ милой не далъ ходу;
Свою постылую свободу
Я потерять не захотѣлъ.
Еще одно насъ разлучило...
Несчастной жертвой Ленскій палъ...
Ото всего, что сердцу мило,
Тогда я сердце оторвалъ;
Чужой для всѣхъ, ничѣмъ не связанъ,
Я думалъ: вольность и покой
Замѣня счастью — Боже мой!
Какъ я ошибся, какъ наказанъ!
«Нѣтъ, поминутно видѣть васъ,
Повсюду слѣдовать за вами,
Улыбку устъ, движенье глазъ
Ловить влюбленными глазами,
Внимать вамъ долго, понимать

Душой все ваше совершенство,
Предъ вами въ мукахъ замирать,
Блѣднѣть и гаснуть... вотъ блаженство!
«И я лишенъ того: для васъ
Тащусь повсюду на удачу;
Мнѣ дорогъ день, мнѣ дорогъ часъ:
А я въ напрасной скукѣ трачу
Судьбой отсчитанные дни.
И такъ ужъ тягостны они.
Я знаю: вѣкъ ужъ мой измѣренъ;
Но, чтобъ продлилась жизнь моя,
Я утромъ долженъ быть увѣренъ,
Что съ вами днемъ увижусь я...
«Боюсь: въ мольбѣ моей смиренной
Увидитъ вашъ суровый взоръ,
Затѣи хитрости презрѣнной —
И слышу гнѣвный вашъ укоръ.
Когда бъ вы знали, какъ ужасно
Томиться жаждою любви,
Пылать — и разумомъ всечасно
Смирять волненіе въ крови;
Желать обнять у васъ колѣни,
И, зарыдавъ, у вашихъ ногъ
Излить мольбы, признанья, пѣни,
Все, все, что выразить бы могъ,
А между тѣмъ притворнымъ хладомъ
Вооружить и рѣчь и взоръ,
Вести спокойный разговоръ,
Глядѣть на васъ веселымъ взглядомъ!..

«Но такъ и быть: я самъ себѣ
Противиться не въ силахъ болѣ;
Все рѣшено: я въ вашей волѣ,
И предаюсь моей судьбѣ.»

—

О, кто бъ нѣмыхъ ея страданій
Въ сей быстрый мигъ не прочиталъ!
Кто прежней Тани, бѣдной Тани
Теперь въ княгинѣ бь не узналъ!
Въ тоскѣ безумныхъ сожалѣній
Къ ея ногамъ упалъ Евгеній;
Она вздрогнула, и молчитъ;
И на Онѣгина глядитъ
Безъ удивленія, безъ гнѣва...
Его больной, угасшій взоръ,
Молящій видъ, нѣмой укоръ,
Ей внятно все. Простая дѣва,
Съ мечтами, сердцемъ прежнихъ дней,
Теперь опять воскресла въ ней.

Она его не подымаетъ,
И, не сводя съ него очей,
Отъ жадныхъ устъ не отымаетъ
Безчувственной руки своей...
О чемъ теперь ея мечтанье?..
Проходитъ долгое молчанье,
И тихо наконецъ она:
«Довольно; встаньте. Я должна

Вамъ объясниться откровенно.
Онѣгинъ, помните ль тотъ часъ,
Когда въ саду, въ аллеѣ насъ
Судьба свела, и такъ смиренно
Урокъ вашъ выслушала я?
Сегодня очередь моя.

«Онѣгинъ, я тогда моложе,
Я лучше, кажется, была,
И я любила васъ; и что же?
Что въ сердцѣ вашемъ я нашла?
Какой отвѣтъ? Одну суровость.
Не правда ль? Вамъ была не новость
Смиренной дѣвочки любовь?
И нынче — Боже! — стынетъ кровь,
Какъ только вспомню взглядъ холодной
И эту проповѣдь... Но васъ
Я не виню: въ тотъ страшный часъ
Вы поступили благородно,
Вы были правы предо мной:
Я благодарна всей душой...

«Тогда — не правда ли? — въ пустынѣ,
Вдали отъ суетной молвы,
Я вамъ не нравилась... Что жъ нынѣ
Меня преслѣдуете вы?
Зачѣмъ у васъ я на примѣтѣ?
Не потому ль, что въ высшемъ свѣтѣ
Теперь являться я должна;

Что я богата и знатна;
Что мужъ въ сраженьяхъ изувѣченъ;
Что насъ за то ласкаетъ Дворъ?
Не потому ль, что мой позоръ
Теперь бы всѣми былъ замѣченъ,
И могъ бы въ обществѣ принесть
Вамъ соблазнительную честь?

«Я плачу... Если вашей Тани
Вы не забыли до сихъ поръ,
То знайте: колкость вашей брани,
Холодный, строгій разговоръ,
Когда бъ въ моей лишь было власти,
Я предпочла бъ обидной страсти
И этимъ письмамъ и слезамъ.
Къ моимъ младенческимъ мечтамъ
Тогда имѣли вы хоть жалость,
Хоть уваженіе къ лѣтамъ...
А нынче! — что къ моимъ ногамъ
Васъ привело? Какая малость!
Какъ съ вашимъ сердцемъ и умомъ
Быть чувства мелкаго рабомъ?

«А мнѣ, Онѣгинъ, пышность эта,
Постылой жизни мишура,
Мои успѣхи въ вихрѣ свѣта,
Мой модный домъ и вечера,
Что въ нихъ? Сейчасъ отдать я рада
Всю эту ветошь маскарада,

Весь этотъ блескъ, и шумъ, и чадъ
За полку книгъ, за дикій садъ,
За наше бѣдное жилище,
За тѣ мѣста, гдѣ въ первый разъ,
Онѣгинъ, видѣла я васъ,
Да за смиренное кладбищѣ,
Гдѣ нынче крестъ и тѣнь вѣтвей
Надъ бѣдной нянею моей...

«А счастье было такъ возможно,
Такъ близко!.. Но судьба моя
Ужъ рѣшена. Неосторожно,
Быть можетъ, поступила я:
Меня съ слезами заклинаній
Молила мать; для бѣдной Тани
Всѣ были жребіи равны...
Я вышла замужъ. Вы должны,
Я васъ прошу, меня оставить;
Я знаю: въ вашемъ сердцѣ есть
И гордость и прямая честь.
Я васъ люблю (къ чему лукавить?),
Но я другому отдана,
Я буду вѣкъ ему вѣрна.»

—

МЛАДЕНЕЦЪ ВЪ КОЛЫБЕЛИ.

(ДЕЛАРЮ).

Крошка! теперь для тебя колыбель, какъ небо просторна:
Но возмужай: цѣлый міръ будетъ тѣсенъ тебѣ.

—

ВЕСНА.

(ГЛИНКИ.)

Уже душистѣй стали ели,
И пахнетъ въ воздухѣ смолой;
Уже луга зазеленѣли,
И мохъ кудрится надъ скалой.

Раздѣлись синіе заливы,
И лодки ходятъ по рѣкѣ;
Уже заполосились нивы,
И слышно стадо вдалекѣ...

И воздухъ полонъ тишиною,
И какъ имъ сладостно дышать!
Такъ сердце съ жизнью неземною
Вдыхаетъ неба благодать!

—

МАЛИНОВКА.

(ГРЕБЕНКИ.)

Люблю я, малиновка, пѣсню твою;
Она не звенитъ, не сверкаетъ,
Но много мечтаній на душу мою
И сладостныхъ думъ навѣваетъ.
Давно это было. Въ родной сторонѣ,
Какъ жизнь молодая кипѣла во мнѣ,

Лелѣяла сердце надежда,
Я жилъ въ обаяньи таинственныхъ сновъ
И вѣровалъ слѣпо, невѣжда! —
Въ безмездную дружбу, въ святую любовь!..
Я помню: весною, разсвѣтной порой,
Въ саду моя панна сидѣла со мной,
На грудь мнѣ головку склонила,
И, въ сторону кудри откинувъ рукой,
Мнѣ въ очи свой взоръ утопила.
Я таялъ въ восторгѣ. Я весь трепеталъ
И страстно коханку мою цѣловалъ.
Въ лобзаньяхъ душа улетѣть бы хотѣла...
Все нѣгой дышало. Въ стыдливыхъ лучахъ
Заря на востокѣ алѣла.
Цвѣты разцвѣтали. Далеко въ кустахъ
Малиновка пѣла.
На сѣверѣ грустномъ, въ еловой тѣни,
Гдѣ мохъ, да песокъ, да каменья одни,
И здѣсь я, услышавъ малиновки пѣсню,
Забудусь на время, — душою воскресну,
И вновь предо-мною минувшіе дни!
Мнѣ кажется, воздухъ Украины вѣетъ
Душистою нѣгой опять на меня,
Заря на востокѣ опять пламенѣетъ,
И смотритъ съ улыбкой коханка моя,
Любви поцѣлуй на устахъ ея млѣетъ; —
А тамъ, надъ рѣкою, черешня цвѣтетъ
И пѣсню малиновка тихо поетъ.

—

Я ПОМНЮ.

(ДАВЫДОВА.)

Я помню — глубоко,
Глубоко мой взоръ,
Какъ лучъ проникалъ и рощи и боръ,
И степь обнималъ широко, широко...
Но зоркія очи
Потухли и вы —
Я выглядѣлъ васъ на дѣву любви,
Я выплакалъ васъ въ безсонныя ночи!

—

ЭЛЕГІЯ.

(ЯЗЫКОВА.)

Языкъ души краснорѣчивый,
Восторга пламенный полетъ,
Стиховъ и мыслей переливы
И силу ихъ, — она пойметъ;
Но велика ль ея награда
За вдохновеніе любви?...
Порой два, три небесныхъ взгляда,
И то при васъ, друзья мои!

—

ДУМА.

(ОЗНОБИШИНА.)

Если грудь твоя взволнуется
Въ шумѣ свѣтской суеты,
И душа разочаруется,
И вздохнешь невольно ты;

Если очи, очи ясныя,
Вдругъ наполнятся слезой;
Если, слыша клятвы страстныя,
Ты поникнешь головой,

И безмолвное вниманіе
Будетъ юношѣ въ отвѣтъ,
За восторгъ, за упованіе...
Если презришь ты обѣтъ...

Не прельщусь я думой сладкою!
Равнодушенъ и унылъ,
Не скажу себѣ украдкою:
Той слезы виной я былъ.

Снова радости завѣтныя
Не блеснутъ въ груди моей;
Я слыхалъ слова привѣтныя,
Мнѣ знакомъ обманъ очей.

—

ЯЗЫКЪ ОЧЕЙ.

(ТЕПЛОВОЙ.)

Какъ много думъ невнятныхъ выражаетъ
Одинъ уныло-долгій взоръ!
И сей беззвучный разговоръ
Одно лишь сердце понимаетъ.
Языкъ очей — языкъ краснорѣчивый!
Внимай ему въ часъ вдохновенный тотъ,
Когда Поэтъ, мечтой своей счастливый,
Не говоритъ и не поетъ.

—

ТАЙНАЯ СКОРБЬ.

(РОМАНСЪ, ВЕЛЬТМАНА).

Туманенъ образъ твой, какъ даль;
Какъ послѣ слезъ, твой взоръ сталъ томенъ...
Признайся мнѣ: — я буду скроменъ,
Я раздѣлю съ тобой печаль.

Ужель себѣ не измѣня,
Душа твоя бы утаила,
Какъ безотвѣтная могила,
Всѣ чувства скорби отъ меня.

О, милый другъ! скорѣй скажи:
Какимъ страдаешь ты недугомъ?

Слетимся чувствами другъ съ другомъ
И откровеніемъ души!

—

ХОЛОДНОЕ ПРИЗНАНІЕ.

(БЕНЕДИКТОВА.)

Нѣтъ, милая, не тѣмъ мой полонъ взоръ;
Онъ не горитъ безумною любовью, —
И что любовь? — Коварный заговоръ
Слѣпой мечты съ огнемятежной кровью.
Я пережилъ дней юношескихъ жаръ,
Я выплатилъ мучительныя дани.
Ты видѣла мой бѣшеный разгаръ
Передъ тобой, звѣзда моихъ желаній!
Ты видѣла... теперь иной судьбѣ
Я кланяюсь, иною жизнью молодъ —
И предъ тобой я чувствую въ себѣ
Одинъ святой, благоговѣйный холодъ.
Снѣгъ на сердцѣ, но то не снѣгъ долинъ,
Почіющій подъ саваномъ тумана, —
Нѣтъ, это снѣгъ заоблачныхъ вершинъ,
Льдяной вѣнецъ потухшаго волкана,
И весь тебѣ, какъ солнцу, онъ открытъ;
Земля въ тѣни, а онъ тебя встрѣчаетъ
И весь огнемъ лучей твоихъ блеститъ,
Но отъ огня лучей твоихъ не таетъ.

—

КОЛЬЦО СЪ БИРЮЗОЮ

(ЕРШОВА).

Камень милый, бирюзовый,
Ненаглядный цвѣтъ очей!
Ахъ! зачѣмъ мой милый камень,
Ты безвременно потускъ?
Я тебя ли не лелѣялъ?
Я тебя ли не берегъ?
Что жъ по прежнему не свѣтишь?
Что не радуешь очей?
Ахъ! я слышу, ахъ! я знаю,
Милый камень, твой отвѣтъ:
«Скоро, скоро насъ оставитъ
«Незабвенный ангелъ нашъ,
«Свѣтъ очей ея небесныхъ
«Освѣщалъ меня собой,
«И дыханье устъ прелестныхъ
«Оживляло красотой!»
Ты померкни, ты потускни,
Камень милый, дорогой!
Распаяйся, разломися,
Ты, — завѣтное кольцо!
Что мнѣ кольца, что мнѣ камни,
Если нѣтъ со мной ее?
Съ ней и радость, съ ней и счастье!
Безъ нея мнѣ жизнь не въ жизнь!

—

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПОЭМЫ:

ДЕМОНЪ.

(ЛЕРМОНТОВА).

Всегда безмолвно на долины
Глядѣлъ съ утеса мрачный домъ;
Но пиръ большой сегодня въ немъ —
Звучитъ зурна и льются вины:
Гудалъ сосваталъ дочь свою;
На пиръ онъ созвалъ всю семью.
На кровлѣ, устланной коврами,
Сидитъ невѣста межъ подругъ:
Средь игръ и пѣсень ихъ досугъ
Проходитъ. Дальними горами
Ужъ спрятанъ солнца полукругъ.
Въ ладони мѣрно ударяя,
Онѣ поютъ, и бубенъ свой
Беретъ невѣста молодая
И вотъ она, одной рукой
Кружа его надъ головой,
То вдругъ помчится легче птицы,
То остановится, — глядитъ, —
И влажный взоръ ея блеститъ
Изъ-подъ завистливой рѣсницы;
То черной бровью поведетъ,
То вдругъ наклонится немножко,
И по ковру скользитъ, плыветъ
Ея божественная ножка;

И улыбается она,
Веселья дѣтскаго полна;
И лучъ луны, по влагѣ зыбкой
Слегка играющій порой,
Едвали сравнится съ той улыбкой,
Какъ жизнь, какъ молодость, живой.

—

Клянусь полночною звѣздой,
Лучомъ заката и востока,
Властитель Персіи златой
И ни единый царь земной
Не цѣловалъ такого ока;
Гарема брызжущій фонтанъ
Ни разу, жаркою порой,
Своей алмазною росой
Не брызгалъ на подобный станъ.
Еще ни чья рука земная,
По милому челу блуждая,
Такихъ волосъ не расплела.
Съ-тѣхъ-поръ, какъ міръ лишился рая,
Клянусь, красавица такая
Подъ солнцемъ юга не цвѣла.

—

КЪ ПОРТРЕТУ * * *.

То безъ рѣчей, то говорлива,
То холодна, то жжетъ въ ней кровь,
То безъ надеждъ, то прихотлива,
То всѣмъ чужда, то любитъ вновь.

То вдругъ грустна, то взоръ сіяетъ,
То простодушна, то хитра,
То гонитъ всѣхъ, то привлекаетъ,
То боязлива, то остра,
То ночь не спитъ, то днемъ зѣваетъ,
То сплинъ найдетъ, то всѣхъ смѣшитъ,
То смерти ждетъ, то вдаль мечтаетъ,
То въ монастырь, то въ вальсъ летитъ.
Но что виной явленій спорныхъ,
Что такъ сразить ее могло?
Языкъ лукавыхъ, лесть притворныхъ,
Любовь, или другое зло?...

—

СОФИСТЪ.

Надежда всѣ мои надежды отвергаетъ;
Любовь не платитъ мнѣ любовью за любовь;
Я къ Вѣрѣ съ вѣрою, — но вѣра увѣряетъ,
Что тщетно жертвовать для ней я всѣмъ готовъ.
Осталась Софья мнѣ,—хочу софистомъ быть:
Безъ Вѣры, безъ Любви, и безъ Надежды жить!

—

ДОРИДѢ.

(ПУШКИНА).

Я вѣрю: я любимъ; для сердца нужно вѣрить.
Нѣтъ, милая моя не можетъ лицемѣрить!

Все непритворно въ ней: желаній томный жаръ;
Стыдливость робкая, Харитъ безцѣнный даръ;
Нарядовъ и рѣчей пріятная небрежность
И ласковыхъ именъ младенческая нѣжность.

—

ДІОНЕЯ.

(ПУШКИНА).

Хромидъ въ тебя влюбленъ: онъ молодъ, и не разъ
Украдкою вдвоемъ мы замѣчали васъ;
Ты слушаешь его, въ безмолвіи краснѣя;
Твой взоръ потупленный любовію горитъ
И долго послѣ, Діонея,
Улыбку нѣжную лице твое хранитъ.

—

КЪ ВЫПУЩЕННОЙ ПТИЧКѢ.

(БАРОНА ДЕЛЬВИГА).

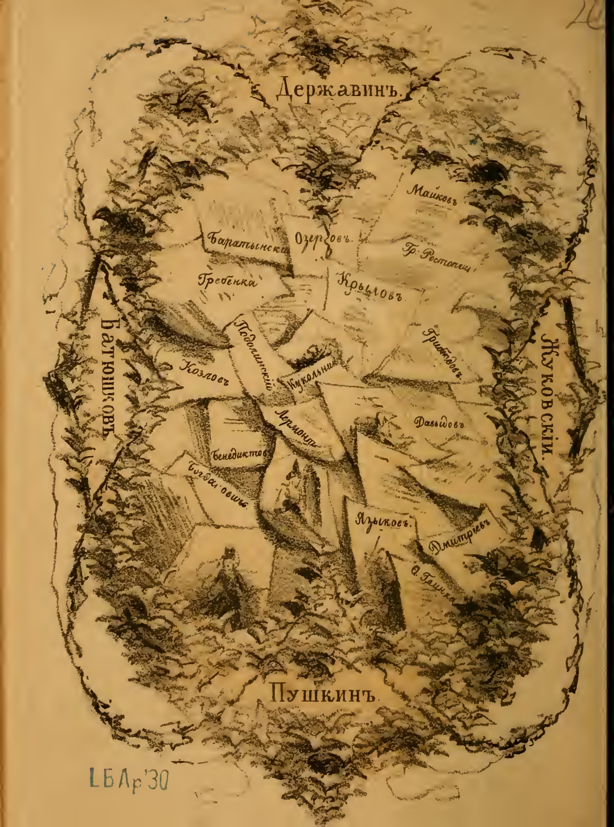
Во имя Деліи прекрасной,
Во имя пламенной любви,
Тебѣ, летуньѣ сладкогласной,
Дарю свободу я. Лети!
И я равно счастливой долей
Отъ милой надѣленъ моей:
Какъ ты обязана ей волей,
Такъ я неволею своей.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТРАН.

ОПЕЧАТКИ.

стран.		стр.	Напечатано:	Должно читать:
5	сверху	2	раздасться	раздаться.
7	снизу	9	свидѣтемъ	свидѣтелемъ.
13	сверху	4	голобку	голубку.
17	—	17	чтобъ	чтобы.
27	—	5	друга	другая.
45	снизу	1	здоровово	здорово.
51	снизу	1	молвю	молвлю.
62	—	6	свинцову	свинцовую.
65	сверху	7	Люлмила	Людмилы.
80	—	11	отправленной	отправленною.
84	снизу	1	убирись	уберись.
89	сверху	7	тростенкѣ мидлительно	тростинкѣ медлительно.
100	—	7	не	ни.
105	—	3	Тійскій	Тінскій.
112	снизу	2	предаешь	придаешь.
122	сверху	4	Бѣдняшку	Бѣдняжку.
125	После 3-й строки сверху пропущено, по серединѣ:			лиза.
—	снизу	6	за	за то.
133	сверху	7	не	ни.
149	—	4	пробожу	пробужу.
187	сверху	5	примѣрять	примирять.
202	снизу	1	нѣмъ	нимъ.
204	сверху	12	отправленныхъ	отравленныхъ.
207	—	3	печаль	печально.
214	—	2	назвеніе	названіе.
215	—	3	петозможно	невозможно.
226	—	1	монологъ	отрывокъ.
235	снизу	9	изгинулъ	згинулъ.
246	сверху	14	звукъ	слухъ.
268	снизу	7	замѣня	замѣна.

Державинъ.
Майковъ
Баратынскій
Озеровъ.
Гр. Ростопчинъ
Гребенка
Крыловъ
Батюшковъ
Жуковскій.
Подолинскій
Грибоѣдовъ
Козловъ
Кукольникъ
Лермонтовъ
Давыдовъ
Бенедиктовъ
Богдановичъ
Языковъ
Дмитріевъ
О. Глинка
Пушкинъ.